

Сидорина Виктория

6+

Знак зодиака

Виктория Сидорина

Знак зодиака

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Сидорина В. В.

Знак зодиака / В. В. Сидорина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Это история о мире, в котором судьба человека predetermined его знаком зодиака. Это история о маяке, луч которого указывает путь всякому, кто пожелает его увидеть. Это история о Тенях и существах, похожих на Теней. Но в основном это история о девочке, которая хотела найти свою семью, и о мальчике, который потерял свое имя.

© Сидорина В. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Как всё начиналось: часть первая	6
Как всё начиналось: часть вторая	15
Ученик мага: часть первая	29
Ученик мага: часть вторая	36
Ученик мага: часть третья	43
Из двух зол: часть первая	48
Из двух зол: часть вторая	57
Из двух зол: часть третья	69
Келео: часть первая	75
Келео: часть вторая	85
Песнь памяти: часть первая	91
Песнь памяти: часть вторая	105
Песнь памяти: часть третья	111
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Знак зодиака

Жанры: Драма, Фэнтези, Мистика, Мифические существа,

Описание:

Это история о мире, в котором судьба человека предопределена его знаком зодиака.

Это история о Маяке, луч которого указывает путь всякому, кто пожелает его увидеть.

Это история о Тенях и существах, похожих на Теней.

Но в основном это история о девочке, которая хотела найти свою семью, и о мальчике, который потерял свое имя.

Как всё начиналось: часть первая

– Нэи, походи принеси воды!

Отодвинув драную пеструю занавеску, она вышла в сени. Здесь царил прохладный полумрак, в углу лежали сваленные в кучу душистые веники каких-то трав, в другом – ютилась низенькая скамейка, на которой стояли ведра, два пустых и одно, наполненное водой до середины. Рядом была прислонена к стене как попало разнообразная утварь: две лопаты, маленькие грабли, деревянный ковшик, железный ковшик, кувшин, грязный, с надколотым краем и отбитой ручкой. Нэинри торопливо взяла пустые ведра – они весело звякнули и заскрипели, раскачиваясь на ржавых дужках – и выскользнула на улицу, притворив за собой дверь, чтобы не пускать в дом тепло и насекомых. Снаружи царил жара, редкая для последнего летнего подзвездья. Небо было безоблачное, голубое-голубое, затянутое тонким маревом, лес за старым покосившимся садовым забором купался в золотистых лучах света. Нэи обошла дом кругом и по узенькой дорожке, начинавшейся за оградой, под скрип ведер побрела к колодцу.

Их деревня была единственным водным поселением среди множества земляных, которые начинались чуть дальше, к западу, где почти заканчивались леса и начинались равнины и продуваемые всеми ветрами пустоши. Так вышло потому, что во время войн на юге множество водных деревень сгорело, их жители бежали на северо-запад и неподалеку от земляных деревень основывали водные поселения. Многие из них вымирали, но деревня, в которой жила Нэинри, была одной из немногих сохранившихся. В отличие от большинства водных поселений, в которых занимались рыбной ловлей и судостроением, она была деревней ремесленников. Просто потому, что ловить рыбу и строить корабли было негде – вокруг одни только леса и поля, а единственная близлежащая речушка такая мелкая, что ее можно без труда перейти вброд. Эта деревня была тихим, красивым, защищенным кольцом леса местом, Нэи бы здесь нравилось, если бы не Тени и если бы не ее брат, который был овен – наверное, будь его знак зодиака каким-нибудь другим, к ним обоим относились бы значительно лучше. Но судьба рассудила так. Впрочем, осуждали их немногие – большинство жалели или боялись, притом жалели в основном Нэи – она-то была рак – а вот боялись брата, Аскеля, хотя скажите, как можно в здравом уме бояться одиннадцатилетнего мальчишку?

Нэинри набрала два неполных ведра и побрела назад, в дом. Дом этот и сад принадлежали не то их с Аскелем родственнице, не то доброй подруге их родителей, не то вовсе просто какой-то чрезмерно хорошей женщине, оказавшейся весьма своевременно на их пути. Она была скорпионом, и ее звали Селла. Про прошлое Селлы ни Нэи, ни Аскелю не было ничего известно, но относилась она к ним не как к обузе и не как к своему кресту – скорее, как к племянникам, которые приехали к ней жить по предварительной договоренности, с ее добровольного на то согласия. Родители Нэи пропали пять лет назад, во время одной из юго-восточных стычек со Вторым миром. Ей самой и её второму брату, Лэунду, было тогда по девять лет, а Аскелю – всего-то шесть. Отец Нэи был лев, и потому никак не мог уклониться от долга военного, а вот мать была близнецы, но отчего-то все равно последовала за мужем. Так или иначе, они оба пропали. Возможно, дело было вовсе и не в стычке, а в том, что их дети имели знаки зодиака противоборствующих стихий – это теперь точно неизвестно.

Девушка утвердила на низкой скамейке ведра, все в капельках холодной влаги, и прошла в дом. Пестрая занавеска качнулась. Дом их был маленьким и старым, но добротным, с двумя комнатами, одна из которых была отдельной маленькой спальней, а вторая – одновременно спальней и кухней. Первую комнату использовали еще и как своего рода кладовку – так что помимо кровати там были свалены горы досок, всяческой утвари и старых, побитых молью ковриков и половиков. Во второй комнате у стен стояли две кровати и печь, а возле единствен-

ного окна был расположен обеденный стол. Алюминиевый умывальник и шкафчики, где хранились продукты, специи, посуда и разнообразная кухонная утварь, отгородили от остальной комнаты занавеской.

На кухне Селла энергично раскатывала тесто. Она была большой – широкой, но при этом и высокой, так что тучной ее было бы сложно назвать. Иссиня-черные волосы были заплетены в тугую тяжелую косу, толстую как корабельный канат, мощные загорелые руки, все в родинках и пигментных пятнах, по локоть покрывал слой муки. В детстве Нэи думала, что Селла – великанша или как минимум потомок горных троллей. От мощных движений женщины сотрясался стол. Пухлый ком теста на глазах становился широким тонким пластом. Рядом, возле стола, с любопытством заглядывая Селле через плечо, крутился Аскель.

– Я принесла, – мягко сказала Нэи. – Нужна еще какая-то помощь?

– Сейчас только мешаться будешь, – пророкотала Селла, налегая на скалку.

Толстый слой теста от одного ее движения превратился в тонкую, почти прозрачную лепешку.

– Улны будут, – восторженно сообщил Аскель, тряхнув золотистыми кудрями. – Я с вишней хочу!

Они с братом были совсем не похожи. Нэи была слишком высокой для девушки своего возраста, Аскель напротив – низковатый по сравнению со сверстниками. Оба были кудрявые, но у Нэи волосы были темные, а у брата – светлые. Нэи была смуглой, длинноносой и худощавой, Аскель был светлокож, курнос и казался немного пухлым.

– Представляешь, Оре мне сказал, что нашли еще одного спящего. Прямо на дороге около деревни, – сказал мальчик, не обращая ни к кому конкретно. – Старожилы говорят, это из-за нас, но они вечно всякую ерунду мелют. Только свои гороскопы читают и больше ничего не делают...

– В этот раз все серьезней, – неожиданно сказала Селла. – Вечером по поводу вас снова сбор.

– Опять? – в голосе Нэи отчетливо проступили нотки испуга, сердце ухнуло куда-то вниз.

Все пять лет, что они с братом жили в деревне, их отчаянно пытались выгнать, и все пять лет Селла не давала этого сделать.

– Не выставят, не бойся, – женщина хитро покосилась на нее черным глазом. – Будут они спорить с Селлой, как же. Ха!

– Вот именно! – бойко согласился с ней Аскель. – Трусы они, и все! Трусы. На гороскопах помешанные.

– Я бы на твоём месте не относилась так пренебрежительно к гороскопам, – осторожно сказала Нэи. – Иногда в них можно и заглянуть.

– Там везде пишут, что мы с тобой враги, – мальчик плюхнулся на кровать, спровоцировав тем самым истеричный скрип пружин. – Но мы же не враги, правда?

– Не враги, – миролюбиво согласилась Нэи, отстраненно глядя в окно.

Ветер принес откуда-то облака, и теперь они низко плыли по голубому небу, легкие и быстрые. Могучие сосны шумели, раскачиваясь со скрипом. Где-то далеко рокотал гром. Девушка подумала о том, что вечером вероятно будет гроза и что надо бы убрать белье, которое сушится снаружи. Она ощущала неясную внутреннюю тревогу, так часто бывало перед грозой или зимой в пургу, или осенью в особенно темные дни.

Вечером Селла ушла на сбор. Белье они предусмотрительно сняли, свалив на кровати мятой неряшливой грудой. Улны – квадратные, треугольные и круглые мешочки из вареного теста с разнообразной начинкой внутри – были приготовлены и лежали в трех больших тарелках, дымясь и приклеиваясь друг к другу влажными серыми боками. Аскель затащил пальцем один из них на бортик и шумно дул на него. Нэинри уже успела съесть несколько, пока помогала Селле, и теперь сидела, подперев руками щеки и снова смотрела в окно. На улице значительно

потемнело, небо было затянуто неряшливыми, темно-серыми и глубоко-синими клочьями туч, лес раскачивался сильнее, чем прежде. Гроза начиналась: на мутное стекло со стуком упали первые капли. Скоро уже по нему скатывались серые дождевые струи. Ветер набирал силу, деревья тоскливо скрипели и стонали, гром рокотал теперь иначе, близко и громко, среди туч высвечивались желтые и белые ветви молний.

– Вот скажи, Нэи, откуда вообще эти знаки зодиака появились? – спросил вдруг Аскель. – Кто-то же их придумал?

– Ты уже спрашивал и не раз, – девушка устало прикрыла глаза. – Я не знаю. Может быть, они всегда были. Как имена. Как нельзя потерять имя, так и знак зодиака потерять нельзя. Да и вообще, если б их не было, как бы мы тогда понимали, с кем имеем дело?

– Ну... Водным знакам ведь рассказывают, что мы, то есть огненные, злые и рычащие. Агрессивные, то есть, – Аскель потыкал в пухлый бок улна пальцем. – А я-то ведь хороший.

– Но ты же хочешь быть воином. И ты упрямый, как и полагается овну, – возразила Нэи. – Значит, в этом есть доля смысла.

– Про упрямого – это правда. Но и ты ведь упрямая.

Девушка на это ничего не ответила. Она наверняка не знала, можно раку быть упрямым или нельзя. Наверное, можно, но как-нибудь так, слегка, не демонстративно. Чтоб никто не заметил. Вечер плавно перетекал в ночь. На улице продолжала бушевать гроза, но теперь ее толком было не разглядеть, только молнии, разрезая небеса, иногда высвечивали во тьме то лес, то забор, то далекие дома.

– Что-то Селлы долго нет, – Аскель нетерпеливо поерзал на стуле.

– Не так уж и долго, – Нэи пожала плечами. – Она, бывает, и позднее приходит со сборов...

В этот миг раздался стук в дверь.

– А вот и она, – удивленно заметила девушка.

Ей казалось, Селла должна прийти значительно позже: сборы, если случались вечером, то всегда уходили далеко в ночь, а уж если кто-нибудь так, случайно, приносил на них какую-нибудь настойку, то сборы плавно перетекали в деревенское гуляние и заканчивались только под утро.

Нэи уже поднялась было со стула, чтобы открыть дверь, но тут стук повторился. На этот раз стучали дольше, при том, создавалось впечатление, что у двери кто-то не очень сильный – от того, как стучала Селла, сотрясался весь дом.

– Мне кажется, это не она, – настороженно проговорила Нэи.

– А кто же? – удивленно спросил Аскель. – Селлу боятся, кто сюда еще сунется? Разве что Тень, но они ведь не подходят к деревне... Селла! Это ты?

– Селла! – вторила брату Нэи.

– Прошу вас, откройте!

Голос, раздавшийся из-за двери, был хриплым и отчаянным и, без сомнения, не принадлежал Селле. Более того, он вообще не казался Нэи хоть сколько-то знакомым.

– Кто это? – нахмурился Аскель.

– Не знаю, – пробормотала Нэинри.

С этими словами она встала со стула и стала под кроватью нашаривать спрятанный там специально для подобного случая топор. Добросердечная Селла отчаянно заботилась об их с братом безопасности и даже научила Нэи пользоваться специальными метательными ножами. Метать у Нэи получалось плохо, ножи очень редко попадали хотя бы в мишень, не говоря уж о ее центре. Но, по крайней мере, она научилась швырять их так, чтобы они втыкались в стену – а это уже многого стоило. Кроме того, ножи неплохо подходили для устрашения. Девушка вытащила бы и их, но не знала, где они хранятся.

– Откройте! Я вас умоляю! – стук не прекращался, голос звучал как-то совсем уже жалко.

Нэи все-таки вытащила топор, тяжелый и старый, с массивной деревянной ручкой и колечками ржавчины на лезвии. Она поднялась с пола, открыла первую дверь и медленно прошла в сени, подкрадываясь ко входу.

– Нэи! Не открывай! Вдруг там Тень! – испуганно взмолился Аскель, вцепляясь побелевшими пальцами в спинку стула – Теней он боялся до одурения.

– Они не умеют разговаривать, – ответила девушка, крепче сжимая в руке топор.

Сама Нэи куда больше боялась, что за дверью окажется кто-нибудь из деревни. Что люди специально позвали Селлу на сбор, чтобы прийти, когда ее нет дома, и поколотить их с братом – один раз так уже было.

– Ты кто? – подойдя к двери, как могла грозно спросила она. – Назови своё имя и знак зодиака!

– Я змееносец. У меня нет настоящего имени. Но там, откуда я пришел, меня называли Осколком Тьмы. Я не хочу причинить вам вреда. Здесь ливень. Я уйду, как только закончится гроза, клянусь!

Нэи обратила внимание на то, что голос звучит примерно на том уровне, где находится её голова, возможно, чуть ниже. Значит, парень за дверью – одного с нею возраста или же немного младше. Еще девушка подумала, что он все-таки не из деревни, поскольку на то, чтобы придумать такое имя и такую историю у деревенских бы воображения не хватило. Проще высадить дверь. Но вдруг это вор? С другой стороны, у них нечего красть – в маленький бедный домик ни один вор не пожелает залезть. Кроме того, приютить змееносца – очень хорошая примета, лучшая из возможных. А им с братом совсем не помешают хорошие приметы.

– Я открою, – сказала, обращаясь одновременно к брату и незнакомцу, девушка.

– Не открывай! – голос Аскеля сорвался едва ли не на фальцет.

– Кто бы ты ни был, учти, у меня в руках топор, – пригрозила девушка и отперла засов.

Затем она осторожно толкнула ногой дверь, одновременно с этим замахаясь топором. Дверь отворилась с тоскливым жутковатым скрипом. Сверкнувшая в этот момент молния высветила в дверном проеме черную фигуру в капюшоне. Из-под капюшона потусторонним зеленым светом сияли глаза. Нэинри испуганно вскрикнула и отступила на шаг назад, продолжая сжимать в руках топор. Фигура в свою очередь тоже охнула и как-то покосилась. Длинные черные пальцы вцепились в скользкий от попавшей внутрь воды дверной косяк.

– Я не Тень, честное слово, не Тень, – бормотал незнакомец, щурясь на свет.

Нэи теперь могла его рассмотреть. Пришедший действительно был очень похож на Тень. Острое, черное лицо, глаза, гораздо больше человеческих, в темноте светящиеся как у кошки, длинные руки и ноги, длинные пальцы, волосы, черные, как и все остальное, спутанные и неряшливо обрезанные, достающие незнакомцу до плеч. Однако, при всем при том, Тенью он быть никак не мог. Сама Нэи сталкивалась с подобным существом всего один раз, в лесу: оно было расплывчатое и полностью черное, очень высокое, больше двух метров ростом, со светящимися желтыми глазами. Ей едва удалось затаить дыхание и скрыться за деревом, и Тень прошла мимо, легкая и тихая. Её облик полностью соответствовал тому, что рассказывали про Теней. Незнакомец же оказался иным. Он был среднего роста, наверное, чуть ниже, чем сама Нэи, и зеленоглаз – у всех Теней были сияющие желтые очи, не выражающие ничего, пришедший же смотрел вполне осмысленно. Кроме, того он был одет: черные, растянутые на коленках штаны, черно-серая в полоску рубашка и ветхий плащ с капюшоном непонятного цвета, кое-где порванный и кое-где зашитый – Тени не носили одежды. Наконец, незнакомец мог говорить – Тени же были молчаливы.

– Ты можешь войти, – проговорила Нэи, отступая еще назад и освобождая незнакомцу проход.

Он, казалось, с трудом отлип от дверного косяка и прошел в дом, не забыв прикрыть за собой дверь, которую тут же снова отбросил назад сильнейший порыв ветра. Парень стоял,

нервно озираясь, дождевая вода ручьями стекала с мокрой одежды, образуя на полу темные лужи, зеленые глаза ловили жидкий свет масляной лампы, которую держал в руке Аскель, также выглянувший в сени.

– Нэи! Это же Тень! – испуганно завопил мальчик, уже успевший рассмотреть незнакомца.

Пальцы, сжимающие лампу, побелели от напряжения, круглые голубые глаза были широко распахнуты.

– Я не Тень, – подал голос незнакомец.

– Верно. Они не разговаривают. И глаза зеленые. Видишь, Аскель? – задумчиво пробормотала девушка.

С виду Нэинри казалась спокойной, но колени ее дрожали, а руки ослабели от страха, и она с трудом удерживала топор.

– Но что ты такое? – спросила она.

– Я сам не знаю. Меня называют Осколком Тьмы, – вошедший снова попытался закрыть дверь. – И я змееносец.

– Там есть задвижка, – подсказала девушка, глядя на усилия незнакомца.

Длинные пальцы подцепили железную пластинку, и она вошла в паз. Дверь больше не распахивалась, только подрагивала и стучала под порывами ветра.

– С ума сойти! – по Аскелю было не очень понятно, чем конкретно он восхитился.

Мальчик опасливо подобрался поближе и стал с интересом разглядывать неожиданного гостя. Тот снял с головы капюшон, из которого тотчас ручьями полилась вода. Черные волосы были мокрыми и взъерошенными. Нэи подумала, что, если бы этот Осколок Тьмы хотел напасть, то уже сделал бы это, и решила проявить некоторое гостеприимство.

– Ты можешь зайти в комнату и повесить плащ у двери, слева, у печки. Там крючок. Лучше сначала отожми, только не на пол. Я принесу таз.

– С... спасибо, вы очень добры, – змееносец нервно улыбнулся, покинул сени, на ходу выпутывая руки из рукавов плаща, и разбрызгивая при этом по всей комнате воду.

Шел он как-то боком, медленно и не очень уверенно ступая, с новым шагом нащупывая под собой пол, словно каждый миг боялся, что земля выпрыгнет у него из-под ног.

– Ему точно надо переодеться, – авторитетно заявил Аскель, продолжая крутиться вокруг Осколка Тьмы. – Он же весь мокрый! Ну и ливень, да? Нэи, ты дай ему Селлины штаны. Только те, которые похуже, а то она точно рассердится.

Девушка подумала, что такта Аскелю явно недостает, и еще что он слишком много пытается командовать, и что с рук ему это спускать, пожалуй, не стоит. Препираться прямо сейчас у нее желания не было, но она пообещала себе устроить брату воспитательную беседу как-нибудь в другой раз. При всем при этом, однако, девушка порылась в груде недавно высушенной одежды и в самом деле выудила оттуда штаны Селлы, пестрые и такие широкие, что в них можно было бы завернуть, если не троих таких Осколков Тьмы, то двоих с половиной уж точно. Немного подумав, девушка достала еще и простынь, серую и застиранную. Все это она прodelывала, не выпуская из левой руки топора и то и дело оглядываясь через плечо. Гостеприимство, конечно, гостеприимством, но осторожность еще никогда никому не мешала.

– Держи, – она протянула змееносцу вещи. – Ты можешь переодеться в той комнате. Мокрую одежду неси сюда. Мы недавно топили печь, так что все должно скоро высохнуть. Красть у нас нечего, учти, – на всякий случай добавила девушка.

Через некоторое время все трое сидели на кухне. За окном все также выла и гремела гроза. Мокрая одежда сушилась около печки, здесь же стоял старый алюминиевый таз, до краев наполненный дождевой водой. Осколок Тьмы с ногами забрался на табурет и устроился на нем, упираясь спиной в шкаф. Штаны Селлы ему были ужасно велики и едва не спадали несмотря на туго затянутый пояс, так что змееносец постоянно придерживал их рукой. Влажную простынь

Осколок Тьмы обмотал вокруг плеч, но она то и дело соскальзывала. Незанятой рукой он вцепился в неё. Сама Нэи заняла наблюдательную позицию с другой стороны стола и пристально смотрела на нового знакомого, время от времени касаясь правой ногой лежащего под стулом топора. Аскель сидел позади нее, на кровати, сложив ноги по-турецки и трещал без умолку.

– Меня зовут Аскель, а это моя сестра, и ее зовут Нэи, Нэинри, то есть. Представляешь, она рак, а я овен! Спорим, такого ни в одной твоей знакомой семье нет? На самом деле, это вообще запрещено, но нас пока не пытаются расселить, хотя и не любят, особенно, меня. Это вообще-то водяная деревня, ты знал? Лучше б мы жили в огненном городе, но тогда у Нэи бы были проблемы, а это тоже нехорошо. А то, что ты змееносец – это просто с ума сойти как здорово! Такая удача! Ты ведь останешься на ночь? Это очень хорошая примета, если в доме на одну ночь или на один день остается змееносец. Только не больше, иначе примета становится плохой. Но я все равно в приметы не верю, так что ты можешь и подольше задержаться! А знаешь...

– Тише, Аскель, – мягко прервала брата Нэинри, побоявшись, что он говорит слишком много.

В конце концов – хотя это вряд ли возможно – новый знакомый может оказаться и посланником Зодиакального Общества, и выкладывать ему все про их знаки зодиака совсем не стоит. Кроме того, про змееносцев всегда ходили самые разнообразные, иногда очень неприятные слухи. Неизвестно, что можно от этого парня ожидать.

– Откуда ты? – спросила она Осколка Тьмы.

– Да, и почему ты так выглядишь? – тут же встрял ее брат, недовольный тем, что ему сказали молчать. – Ты из какого-то особенного народа?

– Ну... я шел от Пресного моря, – тихо проговорил змееносец. – Бесконечно долго шел. Я жил там у одного человека, он объяснил мне некоторые вещи, про знаки зодиака тоже. Но потом того человека убили в портовой драке, и мне пришлось уйти. Я не знаю, почему так выгляжу, и я не видел никого, кто был бы на меня похож. Человек, у которого я жил, тоже не знал никого похожего. Я ищу свое имя.

– Имя? – удивленно переспросила его Нэи, нахмурившись.

Змееносец нервно поерзал на стуле.

– Да, я его потерял. Не знаю, как это произошло. Ну... в один день я просто очнулся на берегу Пресного моря, и я не помнил, как меня зовут. И вообще почти ничего не помнил. Прозвище Осколок Тьмы – единственное, что мне удалось воскресить в памяти. Я даже не знаю, чье оно.

– Воскресить в памяти? – Нэи удивленно приподняла бровь. – У тебя странный выговор. "Нукаешь", говоришь путано, но при этом очень правильно, хотя жил, как ты сказал, в порту.

– И словечки высокопарные, – вклинился Аскель. – Такими только в книжках пишут иногда, и то не во всех.

– Я не понимаю, что мне нужно на это ответить, – пробормотал змееносец, нервно дернув плечами и наклонив голову. – Я знаю портовые ругательства, но мне кажется, сейчас они неуместны.

Нэи хихикнула:

– Ты прав.

– Да-а, Селла не любит, когда ругаются, так что, когда она придет, тебе этого делать точно не стоит. Но сама она иногда ка-ак загнет! Просто уши вянут! – радостно сообщил Аскель.

Осколок Тьмы ответил на это слабой смущенной улыбкой. В зеленых глазах запрыгали золотистые блики. Нэи подумалось, что вряд ли он опасен, но нужно все равно оставаться настороже. Кто его знает?

– Кто такая Селла, о которой вы говорите? – спросил змееносец.

– Женщина, которой принадлежит этот дом, – коротко объяснила Нэи.

– И штаны, в которые ты одет, – хихикнул Аскель.

– О, – Осколок Тьмы принялся удивленно разглядывать штаны, словно с обретением им нового знания упомянутый предмет одежды должен был претерпеть какие-то необычные перемены.

Нэинри, вспомнив о Селле, непроизвольно насторожилась. Пора бы ей уже было вернуться домой. Кроме того, оставалось совершенно непонятным, как она отреагирует на появление в доме Осколка Тьмы. А вдруг она знает о том, что он такое и к какому народу принадлежит? Однако Селла не спешила.

Успело пройти достаточно времени, заполненного чувством неловкости и недоверия, прежде чем в дверь постучали второй раз за вечер. И это уже был определенно знакомый Селлин стук, от которого скамейка в сенях запрыгала, а ведра на ней звонко забренчали. Нэи вновь вышла в сени и на всякий случай крикнула:

– Селла, ты?

– Ну кто ж еще-то! – был ей ответ. – Открывай скорей, тут у созвездия Водолея, знать, кувшин прохудился! Думаешь, мужики за вами с огнем и вилами пришли и Теней с собой пригнали? Тени в такую непогоду, чай, по деревьям не шастают.

"Зато подобия Теней еще как шастают", – подумала Нэи, взясь с замком и задвижкой.

Наконец, Селла вошла в сени. Над головой она держала насквозь вымокший плащ, с которого мутными ручьями стекала вода.

– Закрывай, чего замерла! – прикрикнула она на девушку. – Сейчас все прольет. Доски сгниют, менять замучаемся.

Нэи подумала, что от дождя через дверной проем все равно не попадет в дом больше воды, чем стекло с одежды Селлы, но послушно закрыла дверь.

– Послушай, у нас тут кое-что случилось, пока тебя не было... – издали начала девушка, глядя как женщина отжимает плащ в пустое ведро.

– Да говори же ты прямо, не юли, – Селла недовольно тряхнула головой, мокрая косица тяжело стукнула по спине. – Знаешь же, не выношу обиняков.

– У нас гость, – коротко сказала Нэинри, решив, что предисловия здесь в самом деле не помогут. – Он змееносец и странно выглядит, но я думаю, он безобидный. На улице был ливень, он попросил, чтоб впустили...

– Я милльён раз говорила: чужих не впускать! Мне казалось, в вашей с братом ситуации это яснее ясного! Еще гостей от Зодиакального Общества нам не хватало! – женщина резко выпрямилась. – Где он теперь?

– В комнате, – робко проговорила Нэи, вжимаясь в стену.

Гнев Селлы всегда выводил ее из колеи. Это было настоящее стихийное бедствие, которое можно только тихо переждать.

– Прости меня, – негромко сказала она уже спине женщины.

Громко стуча по полу сапогами, Селла влетела в комнату. Доски под её подошвами скрипели и стонали, ведра в сенях ответили ее шагам печальным звоном. Нэи просочилась в комнату вслед за ней.

"Ой, что сейчас будет", – испуганно подумала она, зажмуриваясь.

– Ой, что сейчас будет! – протянул Аскель, подтягивая под себя ноги и с интересом вытягивая вперед шею, чтобы было удобнее наблюдать за разворачивающейся драмой.

Мысли Осколка Тьмы определенно совпадали с тем, что высказал Аскель и с тем, что подумала Нэи, поскольку он сел на стуле прямо, при этом вжав голову в плечи, и круглыми глазами смотрел на Селлу. Вся его фигура выдавала желание сорваться и бежать, но он никак не мог этого сделать, поскольку Селла преградила единственный путь к отступлению. Осколок Тьмы нервно покосился на окно, но видимо понял, что в качестве выхода из ситуации оно едва ли подходит – слишком уж маленькое и узкое.

Женщина свирепо смотрела на змееносца. Брови были грозно сдвинуты, черные глаза гневно сверкали. Нэи подумала, что, наверное, помимо троллей и великанов, у Селлы в роду были еще и василиски, поскольку от одного этого взгляда возникало желание немедленно обратиться в камень.

– Ты! – рывкнула женщина; казалось, она швырнула слово в комнату, и оно прокатилось по полу тяжелым камнем, грозно грохоча.

Осколок Тьмы вскочил со стула, очевидно, намереваясь бежать несмотря ни на что.

– В моих! Штанах! – чуть тише гаркнула Селла, и это было одной из самых неожиданных вещей, которые от нее только можно было теперь услышать.

Нэи внимательно следила за лицом женщины. Оно разгладилось, сдвинутые брови вернулись на свои места, а глаза смотрели уже не яростно, но лукаво, в черной глубине плясали искорки веселья. Гнев пропал с ее лица без следа, да и вся фигура ее распрямилась, расслабилась, не выдавая больше былого напряжения.

– Простите. Когда я их надевал, я не знал, что они ваши, – осторожно проговорил Осколок Тьмы.

Перемен в лице Селлы он не то не заметил, не то просто не придал им значения.

– Совсем новые, между прочим, – с неудовольствием отметила женщина. – Могли бы выбрать что-нибудь попроще, вредители.

– Я же говорил! – воскликнул Аскель.

– Они были первые попавшиеся, – проговорила Нэи, с облегчением сознавая, что опасность, кажется, миновала.

– Что ж, могло бы быть и хуже, – отметила Селла. – По крайней мере, Зодиакальным Обществом здесь и не пахнет. Удивительно только, что вы его не испугались... Таких, как он, довольно просто перепутать с Тенью.

– А Нэи испугалась, – доверительно сообщил Аскель. – Даже топор взяла. А я – ни капельки!

– Таких, как я? – переспросил Осколок Тьмы, страх в зеленых глазах сменился выражением жадного любопытства. – Где-то есть еще такие, как я? Вы об этом что-то знаете?

– Испуганным ты мне нравился больше, – с неудовольствием заявила Селла. – Люблю, когда меня боятся.

– Извините, – нервно передернул плечами змееносец. – Я готов изобразить страх, если вы ответите на мой вопрос.

Женщина уперла правую руку в бок, чуть наклонила голову и оценивающе смотрела на Осколка Тьмы. Тот несколько съёжился под ее взглядом и воззрился на нее исподлобья.

– Я слышала о таких как ты от своей тетки, а она потомок великанов с гор Тиэ, – медленно проговорила Селла.

"Так я и думала! Великаны!", – воскликнула про себя Нэи, радуясь своей сообразительности.

– Она мне рассказывала, будто человек, потерявший имя, становится подобием Тени, поскольку человек, утративший свою суть – лишь тень самого себя. Они не знают ничего, кроме своего знака зодиака, – продолжала между тем женщина. – Вас называют по-разному, но моя тетка звала вас обращенными. Это какое-то очень старое колдовство.

– Обращенные, – замороженно проговорил Осколок Тьмы, словно пробуя новое слово на вкус. – Вы знаете, как я могу найти свое имя?

– Это мне неизвестно, – Селла покачала головой. – Знаю только, что если ты не сделаешь этого в срок, то исчезнешь.

Змееносец ничего не сказал на это, только кивнул. Это было очень медленное движение, словно, наклоняя голову, он с трудом растягивал невидимую прикрепленную к шее пружину. Очевидно, обращенному было нужно время, чтобы свыкнуться с этим известием. На черном

лице было сложно рассмотреть эмоции, но глаза приняли какое-то новое, диковатое выражение.

– Ну... Я знал, что здесь не все так просто, – наконец проговорил он.

– Ты можешь остаться на некоторое время, мальчик, – сказала Селла. – Еды ты много не съешь, если вообще ешь обычную еду...

– Не ем, – кивнул обращенный, при этом его перекосило.

– ...ну вот, а помощник мне никогда не помешает. Правда, если змееносец остается слишком надолго в гостях, это плохая примета для дома, но мне-то уже никакие приметы не страшны, – Селла усмехнулась, но как-то по-доброму.

– Спасибо.

В его взгляде светилась неподдельная благодарность.

Как всё начиналось: часть вторая

Осколок Тьмы принял ее приглашение. Он остался в их доме на следующий день, и на следующую дюжину, и на целую половину подзвездья. Пока обращенный пребывал в их доме, Нэи узнала о нём некоторые вещи. Например, что в день знакомства их гость был весьма разговорчив, если не сказать, болтлив. Должно быть, от страха. Потому что все прочее время пребывания в их доме он упорно молчал, хотя исправно делал все, что ему говорили. Разговор Осколок Тьмы поддерживать не умел совершенно, отвечал односложно, разом гася любые попытки собеседника втереться к нему в доверие, на пространные рассуждения не реагировал, впрочем, как и на шутки. Никогда не сердился на замечания, но и не было такого, чтобы он хотя бы раз над чем-то смеялся, только улыбался, редко, всегда смущенно и как-то вымученно, словно его заставляли это делать. Единственным, кому нравилось с ним общаться, был Аскель. Овен говорил подолгу, с энтузиазмом, вдохновенно, часто не слишком заботясь о том, слушают его или нет.

Еще Нэи заметила за обращенным привычку горбиться, часто вжимая голову в плечи, словно он ежедневно желал скомпоноваться, сложиться как гармошка, сделаться плоским и незаметным для всего мира.

Ел Осколок Тьмы только ягоды бэй – они считались признанным откупом от Теней – да и то крайне редко, кажется, только для того, чтобы хоть как-то походить на человека. По ночам подолгу неподвижно сидел на крыльце, вглядываясь в лес, и в его лице в эти моменты проступала глубокая печаль пополам с озлобленностью – в дневное же время он уходил в себя, и его лицо вовсе ничего не выражало.

В это же время стали поговаривать, будто Тени подбираются ближе к деревне. Это и правда было так: вечером, выглядывая в окно или сидя рядом с Осколком Тьмы и Селлой на ступенях, Нэи видела желтые огоньки, плавающие среди черных силуэтов деревьев. Ей казалось, в лесу, меж сосновых стволов что-то движется, но это могло быть просто игрой воображения. Их дом был ближним к лесу, и потому, опасаясь нашествия Теней – пусть и не было случаев, когда эти существа заходили в деревни и города – они приладили новую дверь, гораздо толще и крепче предыдущей, а на ночь стали закрывать все окна, несмотря на духоту.

Правда были проблемы и более насущные, чем желтые огни в темноте. Если раньше неприязнь деревенских к обитателям домика Селлы была сдержанной, то теперь их отношение стало иным: во взглядах жителей маленькой водной деревни Нэи видела неподдельную сияющую ненависть и суеверный ужас. Причиной всему был, без сомнения, Осколок Тьмы. Сначала Селлино решение предоставить ему место в их доме казалось девушке благородным и интересным, но теперь она откровенно жалела, что женщине в голову вообще пришла такая идея. Новость о странном, похожем на Тень незнакомце, который поселился в домике на отшибе, за два дня разнеслась по всей деревне. Стали ходить сплетни, будто Селла связалась с самыми дурными из жителей Иного мира. Об обращенных, как и ожидалось, из всего поселения не знал никто. Нэи с сожалением думала о том, что у них в деревне нет ведьмы – они обычно многое знают обо всем вокруг и мудрее прочих людей – только знахарь и знахарка, которые не только не помогали рассеять суеверия, но плодили их с такой силой, что хватило бы на десяток-другой древних народов. Ходить по деревне стало практически невозможно: от них с братом шарахались как от прокаженных, детвора швыряла в них шишками и мокрой глиной – камень кинуть пока не смели, боялись Селлу. Ситуацию усугубило неизвестно как распространившееся известие о том, что Осколок Тьмы – змееносец. Змееносцев жители Первого мира не любили поголовно – говорили, будто те находятся в каком-то далеком родстве не то со змеями, не то с самими василисками, оттого ядовитые змеи их не жалят. Кроме того, носителей

этого знака считали самыми опасными и неуравновешенными. Впрочем, змееносцы рождались редко, а в Первом мире и вовсе почти никогда (а если и рождались, их всегда прятали или старались убить), так что проверить, правда все это или нет, не представлялось возможным, а суеверия росли, росли, росли...

Аскель чужим рассказам не верил, и отношение деревенских его, казалось, волновало не сильно: в поселении его и раньше не очень-то жаловали и шишкой не запускали только оттого, что боялись овнов. Кроме того, с практической точки зрения их жизнь изменилась скорее в лучшую сторону, чем наоборот: Осколка Тьмы можно было отправлять выполнять почти любую работу, и дел у брата с сестрой значительно убавилось. Тем не менее, сама Нэи косилась на обращенного уже с подозрением: его злое лицо в те моменты, когда он вглядывался в темноту ночного леса, намертво вросло в ее память. Кроме того, не просто же так бояться змееносцев? Должны же быть у всех этих суеверий хоть какие-то предпосылки? Да и вообще, что они знают об этих обращенных? Может, они даже еще хуже, чем Тени? Такие вопросы задавала себе Нэи и думала, думала, лежа вечером в постели, и задумчиво глядя в окно.

В один из таких вечеров её тихо позвали:

– Нэинри... Нэинри, ты спишь?

Она перевернулась на живот и посмотрела на говорившего через железные прутья кровати. В темноте комнаты два зеленых глаза светились подобно кошачьим. Слабый лунный свет, проникавший в комнату через маленькое оконце, вычертил темную фигуру. Нэи удивилась. В обычное время Осколок Тьмы спал в той самой заваленной хламом боковой комнатке, так что она не ожидала увидеть его здесь.

– Что ты хочешь? – вслед за удивлением пришел мимолетный испуг.

Если ему что-то нужно, почему он разбудил её, а не Селлу?

– Ты меня боишься, – с укором прошелестел змееносец.

– Вот еще! – Нэи постаралась возмутиться как можно тише, хотя сердце при этом колотилось как пойманная птица.

Совсем, совсем не обязательно ему знать, что ей и правда страшно.

– Мне нужно кое-что показать. Нужно выйти на крыльцо.

– Я не хочу никуда идти, – девушка вцепилась в спинку кровати, словно ее могли потащить куда-то силой.

– Это очень важно, – обращенный наклонился и заглянул ей в глаза.

Нэинри увидела, что у него есть зрачки, непохожие на человеческие, маленькие темные колечки.

– Раз важно, разбуди Селлу.

Девушка колебалась. С одной стороны, Осколка Тьмы она опасалась, с другой же, ей было любопытно.

– Я разбужу, – он неожиданно кивнул. – Ну... Если окажется, что то, что я увидел, вижу не я один. Нет смысла ее попусту беспокоить, она неприятно злится... Ты можешь взять топор, если хочешь.

Услышав последнее предложение, Нэинри беззвучно хихикнула. Сразу стало совсем не так страшно.

– Хорошо, я с тобой пойду, – шепнула она, натягивая на плечи одеяло.

Затем девушка осторожно соскользнула с кровати, стараясь ступать так, чтобы пол не скрипел. Доски неприятно холодили босые ступни.

Удостоверившись, что Нэи действительно решила следовать за ним, Осколок Тьмы бесшумно выскользнул в сени – девушка даже удивилась, как это у него получается так тихо ходить? На цыпочках она прошла в сени в след за ним – доска, однако, при этом скрипнула, и через открытую дверь увидела, что обращенный уже стоит на крыльце. По ступеням растеклась лужица лунного света, перила были залиты им. Он же белым контуром обвел с одной сто-

роны фигуру Осколка Тьмы и высеребрил черные волосы. Нэинри вышла на крыльцо и встала рядом, вдыхая пронизанный запахом дождя и мокрой земли воздух.

– Ну, что ты хотел показать?

– Смотри в лес, – обращенный все так же продолжал говорить, понизив голос.

Нэинри послушно взгляделась в чащу, начинающуюся дюжины за четыре метров до их ограды, и увидела знакомые рыжевато-желтые огни, перемещающиеся среди деревьев. Теперь они казались ближе и ярче.

– Тени, – прошептала она. – Тени подошли ближе?

– Посчитай огни, – сказал Осколок Тьмы вместо ответа.

– Зачем? – девушка чуть сдвинула брови и удивленно на него посмотрела.

– Посчитай, – упрямо повторил он.

Нэи принялась считать. Огни перемещались не очень быстро, и это было легко. Она насчитала семнадцать желтых сияющих шариков. Но ведь у Теней по два глаза. Девушка нахмурилась и пересчитала еще три раза, очень внимательно, чтобы не ошибиться. Все равно получилось семнадцать.

– Ну что? – спросил обращенный.

– Семнадцать, – растерянно проговорила девушка. – Но этого не может быть...

– У меня получается столько же, сколько раз ни считал, – Осколок Тьмы вздохнул и сунул руки в карманы черных штанов.

– Получается, это не Тени, – с некоторым сомнением сказала Нэи.

– Это не все, – продолжал Осколок Тьмы. – Я видел сегодня, как один из них уходил туда, – он указал в сторону деревни. – Только один. Пока я тебя звал, он вернулся.

– Может, беженцы? – предположила девушка. – Из объединенного города, их много сейчас. Выбирают место, где остановиться. Или кто-нибудь из иного мира...

– Ну... этого я не знаю, – обращенный грустно покачал головой. – Я даже про объединенный город впервые слышу.

Нэинри настороженно смотрела в сторону леса. Огоньки начали отдаляться, становились все более маленькими и слабыми, исчезая среди черных стволов деревьев. В то же время девушка обратила внимание на то, что огни движутся в хаотическом порядке – будь это Тени, они бы перемещались парами.

– Надо сказать Селле, – проговорила девушка.

– Расскажешь ей завтра, хорошо? – попросил ее Осколок Тьмы.

Девушка медленно кивнула и добавила:

– Вместе расскажем.

– Нет, – обращенный покачал головой. – Я ухожу сегодня. Сейчас. Поэтому я позвал тебя, а не Селлу. Она бы попыталась меня остановить, а ты не станешь.

Зеленый взгляд был направлен в пол. Пальцы нервно мяли потрепанную ткань плаща, того самого, в котором он явился в их дом в дождливую ночь. Тогда было непонятно, какого плащ цвета, но после того как его постирали, он оказался серым.

– С чего ты взял, что я не стану тебя останавливать? – удивилась Нэи.

– Ты меня ненавидишь.

Осколок Тьмы перевел взгляд и посмотрел на нее в упор, второй раз за ночь и второй раз за все его пребывание в доме – обычно при разговоре он старался отводить взгляд.

– Боишься, – продолжал он. – Хочешь, чтобы меня здесь не было. У вас неприятности из-за меня в деревне.

Нэи нахмурилась, но отрицать ничего не стала. Большая часть того, что сказал обращенный, была правдой, кроме разве что слов про ненависть. Ненависть – слишком сильное слово, а девушка испытывала скорее раздражение или неприязнь.

– Не отвечай, – проговорил обращенный, вглядываясь в лес. – Я пойду туда, где эти огни. Если мне удастся узнать, что там такое, я постараюсь предупредить вас – и это меньше, чем я могу вас отблагодарить...

"...если же не будет никакой опасности, мы больше не встретимся", – закончила рассказ Нэи.

Дело происходило утром, когда Аскель и Селла уже проснулись. Женщина и девушка сидели на Нэиной кровати, а мальчик наблюдал за ними, свесившись с печи.

– Что, прямо так и сказал? – недоверчиво переспросил овен. – Он вообще-то был не то чтобы разговорчивый...

Аскель задумчиво отковыривал побелку с печки. Селла сидела к мальчику спиной и действие прекратить не могла. Побелка сыпалась на пол светло-серыми крошками и оседала в пыли.

– И ты позволила ему уйти? – прикрикнула на Нэи женщина. – Не разбудила меня!

– Но ему ведь надо искать его имя, разве нет? – попыталась оправдаться девушка. – Он может исчезнуть... Я думала, так будет лучше.

– Лучше, как же, – женщина недовольно тряхнула головой. – Надо бы и самой сходить в лес, разведать, что там за огни такие...

Нэи подумала, что Селла злится скорее от того, что никто не спросил ее совета, прежде чем принимать решение, чем от того, что Осколок Тьмы ушел. Все же большая часть общественного давления в данном случае падала именно на ее плечи, и женщина, должно быть, тоже совсем не против освободиться от этой ноши.

– Да и вообще, он ведь змееносец, – продолжала девушка. – От них всякое можно ждать...

– Нэи! – Селла удивленно на нее воззрилась.

Девушка видела, как на переносице женщины собираются складочки морщин – предвестницы гнева.

– Ты слушаешь эти рассказы! – Аскель встрепенулся на печке и удивленно распахнул глаза.

В их небесной голубизне темной пленкой разлилась обида.

– А про меня ты тоже думаешь, что они правы, да? Что я злой и вспыльчивый? Они так говорят про овнов!

– Ты ведь злишься сейчас, – пожалала плечами девушка. – И закипаешь тоже быстро.

– Да ты! Да я! Да как же...! – Аскель попытался вскочить на печке, но ударился головой о потолок и снова сел, растерянно потирая ушибленный затылок.

– А что? – девушка повернулась в сторону Селлы, чувствуя, как раздражение, копившееся последние дни, неудержимой волной выплескивается наружу. – Я не виновата, что Аскель не родился попозже или пораньше. Или что сама родилась на две дюжины дней раньше, чем было надо! Что родителям не хватило ума правильно выбрать срок! Что ты разрешаешь у нас дома оставаться кому попало! Если б все было не так, мы бы жили как все нормальные люди!

– А мы, по-твоему, живем ненормально?! – Селла поднялась во весь свой могучий рост и угрожающе на нее надвинулась.

Нэи не испугалась. Она чувствовала, как злые слезы начинают застилать глаза и тоже вскочила.

– Да! Да! Именно! Ненормально! Тебе и Аскелю нравится протестовать – вы и протестуйте! А я хочу, чтобы люди меня любили!

Селла ничего не могла сказать, она только стояла и открывала и закрывала рот, как рыба, выброшенная на берег. Нэинри вдруг разрыдалась, не выдержав, выбежала в сени. До нее донесся крик брата:

– Нэи! Стой!

Потом она уже ничего не слышала. Закрыв ладонью лицо и всхлипывая, Нэи в два прыжка преодолела ступени и побежала. Сапоги скользили в мокрой от росы траве. Ей хотелось

оказаться где угодно, только подальше от дома. В лес она, правда, не сунулась: никакая истерика и никакое возмущение не стоят собственной жизни, это девушка осознавала прекрасно. Поэтому она ушла в деревню, где ей все же не угрожало ничего серьезнее брошенной шишки.

Она шла по песчаной дороге, на которой колесами телег были выдолблены две колеи. Шла и шмыгала носом, вытирая синим рукавом рубашки мокрое от слез лицо. Нэинри редко злилась или серьезно расстраивалась, но если такое случалось, то это состояние обычно бывало долгим, приставучим, как репей, и тягучим, как болотная трясина.

– Эй, ты, – позвали ее откуда-то сбоку.

Нэи обернулась и увидела Шиль – девушку с красивыми темно-каштановыми волосами и грубоватым лицом, вечно нагло улыбающуюся. Брови у нее росли клочками – говорили, она случайно поднесла лицо к огню слишком близко и спалила их. Шиль являлась скорпионом, как и Селла, и была старше Нэи на два или три года и принадлежала к тем, кто относился к ней и брату более-менее нейтрально. Сейчас Шиль жевала нар, овальный, весь в маленьких шишечках плод накхары, похожий на голубую картофелину, и с интересом смотрела на Нэи из-за своего забора.

– Фто, фовели тебя эти? – спросила девушка с набитым ртом.

– Довели, – кивнула Нэи, утирая последние слезинки.

– Ну, ты держись. Нормальная ведь девчонка, не повезло. А братец твой – бешеный. Жаль тебя.

Нэи насторожилась: вдруг Шиль найдет какой-нибудь способ ей помочь.

– Но помочь мне нечем, – продолжила девушка. – Да и недосуг. Мой тебе совет: выходи скорее замуж. Я вот через полгода выхожу.

При последних словах девушка хвастливо улыбнулась, размахнулась и запустила остатками нара в крышу соседнего дома. Он не долетел и попал куда-то ниже, при этом раздался жуткий звон и грохот.

– Ой, – Шиль воровато огляделась и, все так же глуповато улыбаясь, шепнула Нэи:

– У них там бутылки с вином на продажу стояли. Я, кажись, кокнула немного. Ты не видела ничего, лады? Вот и договорились. Славненько. Пойду я.

И девушка скрылась в саду, только ветви садовых деревьев зашелестели. Нэи задумчиво почесала голову, нервно оглянулась в сторону того сада, куда улетел нар, и поспешила обратиться подальше отсюда. После разговора с Шиль настроение, которое и так было хуже некуда, испортилось окончательно. Девушка обиделась, что ее брата обозвали бешеным – сама она могла называть его как угодно, но для чужих это было непозволительно – а совет выходить замуж показался ей совсем глупым. Мир вокруг выглядел мерзким и противным. Серое, затянутое облаками небо, казалось, давило на голову, свет, проникающий через эту завесу, был белым и тусклым. Нэи дошла почти до окраины деревни, когда услышала топот за своей спиной. Она обернулась, и увидела, что к ней бегут двое мужчин и женщина. Девушка не разобрала изда-лека лиц, но услышала крик:

– Это она! Точно она разбила!

Нэи на секунду задумалась, не сказать ли им, что нар кинула Шиль, но решила не тратить времени. Все равно не поверят. Своя правда им нравилась куда больше, чем та, которую девушка могла предложить. Нэинри бросилась бежать. Она быстро достигла забора, отгораживающего деревню от леса – дальше начинались высокие стволы сосен и темные непролазные чащобы. К доскам забора с той стороны жались колючие кустарники с длинными цепкими стеблями. Девушке не хотелось соваться в лес, но другого выхода не было. Она наступила ногой на скрепляющую доски ограды перекладину и оттолкнулась. Через мгновение она уже сидела на заборе, еще мгновение – и Нэи спрыгнула в колючие кусты, больно оцарапав руки и шею. Девушка сделала несколько шагов вперед, стараясь отцепить длинные тонкие стебли, и остановилась на несколько секунд перевести дыхание.

"Не полезут же они сюда".

Однако через несколько секунд она услышала крики и звуки, будто кто-то карабкается с другой стороны забора. Нэи рванулась напролом через кусты и скоро добралась до сосен, там колючих растений было значительно меньше. Она притаилась за деревом и услышала, что в ее сторону идут двое мужчин, громко переговариваясь, неприлично ругаясь и с шумом ломая ветки кустарников. Девушка бросилась бежать.

– Ее нет уже несколько часов! Вдруг с ней что-нибудь случилось, – все то время, пока Нэинри не было, Аскель хвостиком ходил за Селлой и взывал к ее совести.

Совесть на его отчаянные призывы не реагировала совсем. Селла развешивала выстиранное белье. Движения, с которыми она встряхивала и расправляла мокрые простыни, прежде чем повесить их на веревку, были насквозь пронизаны раздражением.

– Вот и пусть случится. Деревенские ее быстро уму-разуму научат. Тоже мне, народная любимица!

– Может, мне все-таки сходить поискать? Я уже вот ни на столько на нее не сержусь, – это была чистая правда.

Аскель не мог долго злиться. Сильно – мог, а вот долго – это уже было выше его сил. Его эмоции были костром, разведенным в куче бумаги – яркие, сильные и быстро иссякающие.

– Зато я сержусь.

Аскель тоскливо посмотрел в сторону деревни. В этот момент его взгляд уловил темную фигурку, направляющуюся к их дому со стороны леса.

– Осколок Тьмы! – сразу же узнал он и побежал навстречу через весь сад, едва не влетев в калитку и едва не сломав оную, открывая.

Оказавшись за оградой, он бросился вперед и затормозил только тогда, когда сравнялся с обращенным. Мокрые ботинки скользнули по сырой земле, и мальчик едва не свалился змееносцу под ноги.

– Нэи пропала! – завопил он, стараясь побыстрее выложить самую важную новость.

– В лесу маги, – одновременно с ним взволнованно сказал Осколок Тьмы.

– Что? – синхронно воскликнули оба.

Аскель побледнел. Маги умели распознавать стихию, которой человек принадлежит. Что они сделают, если придут в водную деревню и увидят здесь овна? Он немедленно схватил Осколка Тьмы за рукав плаща и потащил за собой.

– Пошли скорее, ты должен рассказать все Селле!

– Нужно как можно скорее найти твою сестру, – бормотал змееносец, однако продолжал идти.

Из сбивчивого рассказа, который Осколок Тьмы предоставил Селле, можно было вычлени следующее: в лесу разбили лагерь семнадцать человек, не все из них маги, но некоторые – определенно. Маги эти ищут "душу мира" или что-то вроде того, словом, цель их не очень-то понятна. По какой-то причине они уверены, будто деревня эта имеет с тем, что они ищут, некую связь и намереваются сюда наведаться. Ситуация осложняется тем, что маги, похоже, работают в содружестве с разбойниками – или не совсем разбойниками, но ясно, что с какими-то темными личностями. Набег, совмещенный с поисками, они планируют, не то сегодняшней, не то завтрашней ночью.

– Уж хотелось бы знать поточнее, – недовольно проговорила Селла. – Ладно. Поступим вот как. Аскель, оставайся дома и собирай вещи. Вам с Нэи придется уйти. Бери только все самое необходимое, и смотри не набирай больше, чем сможешь унести! Где деньги лежат ты знаешь? Возьми их тоже. Бери все, что есть. Не забудь ножи. Я уйду искать Нэи. А ты, Осколок Тьмы, можешь поступить, как тебе хочется.

– Я помогу Вам искать, – обращенный посмотрел на Селлу исподлобья.

– Тысяча тебе благодарностей, мальчик! – обрадовалась женщина.

Аскеля никто не спросил, что он хочет и может делать. Он страшно не любил, когда ему приказывали, но мужественно промолчал, решив, что это жертва ради Нэи.

Нэинри бежала вперед, то и дело спотыкаясь о ветки и кочки, падая и вновь поднимаясь, скатываясь в овраги и выбираясь из них, перелезая через поваленные бурями деревья и находя места, где хуже всего слышны ее шаги. Под подошвами пружинил толстый многолетний слой сосновых иголок, ноги путались в мокрой цепкой траве. Девушка остановилась, когда легкие стало немилосердно резать от нехватки воздуха, и сразу закашлялась, часто дыша. Щеки жгло от быстрого бега. Нэи спряталась в кустарнике, опустившись на корточки, и постаралась прислушаться. В лесу было тихо, только тяжело скрипели сосны и шуршала листва кустарников, да еще изредка вскрикивала какая-нибудь птица. Небо было затянуто облаками, и, казалось, вся жизнь замерла без солнца. Ветер дул со стороны деревни, и Нэи бы узнала, если бы ее по-прежнему преследовали, но никаких чуждых тихому лесу звуков не было слышно. Должно быть, после того, как нашли очередного спящего, мужчины побоялись заходить глубоко в чащу. Нужно было возвращаться в деревню. Девушка поднялась с земли и поспешно отряхнулась. С одежды посыпались иголки, веточки и сухой песок. Вьющиеся волосы выбились из косы и запутались, в них прятались сухие листья. Нэинри решила оставить вычесывание листьев до лучших времен и торопливо огляделась, стараясь определить, где она оказалась. Места были незнакомые. Девушка находилась в широком овраге с пологим спуском, вокруг росли папоротники и маленькие кустики с серыми, как мох, листьями, чуть розоватыми по краям, и такого же цвета ягодками под ними – ягодами бэй. Стволы сосен, в солнечную погоду казавшиеся выплавленными из янтаря, выглядели теперь темными и мрачными. Нэинри огляделась, нашла собственные темнеющие во влажном мху следы, уходящие в заросли папоротника, и решила следовать им.

Она выбралась из оврага, но на самой его кромке цепочка следов разветвлялась на две, убегающие в разные стороны. Девушка изумленно смотрела на них некоторое время, пока на ближайшем дереве не засмеялась по-человечьи птица. Нэи вскинула голову вверх и увидела только мелькнувший среди ветвей деревьев алый хвост. Мысленно прокляв про себя духов этого леса, она принялась вновь созерцать две цепочки следов, стараясь определить, какая из них настоящая. Этого не получалось, и девушка посмотрела на небо, силясь определить свое положение по солнцу. Не вышло и этого: дневное светило было скрыто облаками. Тогда девушка решила пойти наугад по первой цепочке следов, стараясь найти поблизости поломанные ветки или примятую траву, или клочок собственных волос на сучке – хоть какой-то признак своего здесь присутствия. Но ничего такого Нэи найти не смогла. Поломанных веток было более, чем достаточно, но вряд ли она сломала их, а в траве не было никаких следов. Тогда, опасаясь окончательно заблудиться, девушка вернулась к оврагу и увидела, что все следы пропали, будто бы их и не было. Тогда Нэи прокляла духов леса во второй раз. Звать кого-нибудь на помощь ей и в голову не пришло – помощь она вряд ли отыщет, а вот врагов – вполне возможно. На всякий случай девушка нарвала ягод бэй, которые здесь росли в изобилии, и рассовала их по карманам. Если появятся Тени, ей хотя бы будет чем откупиться. Ладони и пальцы от сока раздавленных ягод были все в синеватых подтеках. Помощи было ждать неоткуда, и Нэи побрела через лес, в ту сторону, откуда, ей казалось, дует ветер – деревня находилась с наветренной стороны. Девушка старательно ловила звуки тихого леса в надежде услышать голоса – но, кроме скрипа сосен и шепота листвы, не было больше ничего.

Нэи вдруг вспомнила причину, по которой убежала из дома.

"Хочу, чтобы люди меня любили!". Как глупо! Аскель и Селла – единственные, кто ее любит, и единственные, кому не все равно. Даже Шиль, которая слишком глупа, чтобы лучше вникнуть в то, что у них с братом со знаками зодиака, и то на нее наплевать.

"Знаки – только легкая причина. Даже если бы Аскель не был овном, мало что изменилось бы. Они и друг с другом такие", – подумала Нэи, вспомнив, как беспечно Шиль разбила чужие бутылки с вином.

Вино стоило денег, а с деньгами из-за войн уже давно было плохо. Большую часть урожая забирали на мифический фронт, которого никто никогда не видел. Соседи Шиль продали бы вино, и получили бы за это немалые деньги, если оно было хорошее. Эти люди наверняка не очень-то ладно живут, впрочем, как и все в деревне. Шиль и не подумала об этом – ей было на них плевать, как и на Нэи. Как и самой Нэи на всех остальных.

"Селла волнуется. Точно волнуется", – озабоченно подумала Нэи и решительнее побрела через лес, все также старательно прислушиваясь.

В определенный момент ей показалось, что она слышит голоса. Девушка остановилась, прислушиваясь тщательнее. Звуки были очень слабыми, но вполне различимыми и доносились с подветренной стороны. Это значило, что их источник доносится довольно близко, раз она вообще их слышит. Нэинри колебалась: идти ей на звук или, наоборот, бежать от него подальше. Девушка была уверена, что деревня в другой стороне, но вдруг ветер переменялся, или она что-нибудь перепутала? Наконец, Нэи все-таки пошла на звук, ступая медленно и осторожно, стараясь лишний раз не ломать веток, чтобы ветер не донес до людей звуки ее шагов. Темнело. Ботинки тонули во мху. Лес шумел, шелестел и шуршал всем своим многоликим существом, составленным из хвои, коры, листвы и мха, казалось, нарочно мешая ей хоть что-то услышать. Девушка уже поняла, что его духи почему-то ее не любят. С другой стороны, за что им, созданиям Иного мира, ее любить? Однако голоса становились громче. Вскоре Нэинри увидела темные силуэты, мелькающие среди кустов. Она уже поняла, что пришла не к деревне. Девушка пригнулась и, ступая еще тише, проскользнула в заросли папоротника и волчьей ягоды. Нэи осторожно взгляделась сквозь просветы между ветвями и увидела ровную поляну, заросшую ягелем. Ближе к центру мох был разбросан, и на расчищенном участке черной неряшливой горкой лежали угли – остатки кострища. Вокруг горы углей хаотично были разбросаны сумки и тюки с вещами. Между тюками, что-то раскладывая и то и дело окликающая друг друга, перемещались люди. Они были разного пола и возраста – в основном около тридцати лет – но в каждом из них было что-то такое, что отличало их от обычных людей. Здесь был мужчина, облаченный в темный, путающийся в ногах балахон, женщина с наполовину обожженным лицом и юноша в белой маске, сжимающий в руках тяжелый, в черых разводах посох. Воздух около поляны был совсем не такой как в лесу, он казался гуще и от него чуть покалывало кончики пальцев. Нэинри не знала, что так ощущается неиспользованная магия, избытки, оставшиеся от заклятий. Люди покидали поляну. Они исчезали в зарослях кустарника с противоположного от Нэи конца и больше не возвращались. Девушка вдруг по-настоящему осознала, что это маги. Ей было это понятно сразу, как только она увидела юношу с посохом, но осознание пришло только теперь. Нэи вдруг ощутила странное разочарование. Прежде она видела мага только один раз, и они виделись ей чем-то особенным, чем-то принадлежащим более Иному миру, чем Истинному. Маги таковыми и были. Но эти люди казались неприятно обычными. Если убрать плащи, маски, магические атрибуты и забыть о странных увечьях, они все мало отличались от людей из деревни. Слишком тяжелые, слишком земные. Нэи тряхнула головой, прекращая отвлеченные размышления, и подумала о том, как бы ей поскорее убраться. Эти люди не могли и не пытались казаться безобидными, они действительно были магами, теми, кто взывает к воле Сабскрибера, и шутить с ними не стоило. Девушка подождала, пока последний маг покинет поляну, и стала осторожно отступать, стараясь не шуметь, а после развернулась и побежала.

Где-то далеко рокотал гром. На лес медленно напозла темная тень сумерек. Меж стволов сосен маячили силуэты гостей из Иного мира, странных, пахнущих магией, раскачивающихся на ветру. Нэи подняла голову и увидела, что над кронами деревьев клубятся тяже-

лые чернильно-синие тучи – предвестницы грядущей грозы. Было тихо и прохладно. Девушка побежала еще быстрее, наплевав на ломоту в мышцах ног, подстегиваемая мыслью о том, что в деревню нужно вернуться до темноты. Она вновь оказалась на краю знакомого ей уже оврага, снова увидела следы во мху – шутки местных духов – покружила около них, и побежала дальше, убедившись, что следы никуда не ведут. С верхушки сосны вслед ей раздалось разочарованное оханье. Девушка не стала пытаться рассмотреть того, кто издавал эти звуки – в сумерках это было бы пустой тратой времени. На лоб Нэи упали первые дождевые капли; крупные и тяжелые, они стекли по ее лицу, как слезы, приятно холодя горячие от быстрого бега щеки.

Подул ветер. Первый его порыв был мягким, гладящим, но затем он стал набирать силу, как это часто бывает перед грозой. Лес наполнился скрипом сосен, треском сухих ветвей и шорохом листьев, стволы деревьев в темноте казались синими призраками. Нэинри не заметила ветку, и та больно хлестнула ее по лицу, споткнувшись, девушка упала в мох, оцарапав ладони об острый сучок. Ветер взметнул влажные от пота и дождевых капель волосы, и Нэи услышала голос. Это был окрик с той стороны, откуда дует ветер. Он мог быть голосом духа или какого-нибудь мага, но позабыв об осторожности, девушка закричала в ответ:

– Эй! Эгей!

Но ветер нес ее голос в другую сторону. Дождь расходился, скоро крупные дождевые капли сильно и часто забарабанили по ее спине. Чуть отдышавшись, Нэи вскочила и побежала в ту сторону, откуда ветер принес голос. Вскоре до нее донесся новый оклик, а затем еще два похожих, и Нэи бежала на звук. Стемнело совсем. Ветер дул нещадно, но на земле это можно было понять только по тому, как отчаянно раскачиваются и стонут сосны. Дождевые капли превратились в хлесткие струи, сделавшие пальто темным и тяжелым, а штаны – холодными и неприятно липнущими к коже. Нэи смотрела в основном себе под ноги, чтобы не споткнуться и не упасть, но, когда подняла голову, увидела впереди, среди деревьев теплый рыжеватый огонек, который мог быть только огнем масляной лампы.

– Эй! – набрав в грудь побольше воздуха, крикнула Нэи и побежала на свет.

Ей ответили, и она явственно различила в далеком крике свое имя.

"Селла! Это, наверное, Селла!", – радостно подумала она и прибавила скорости.

Чем быстрее она бежала, тем ярче и ближе становился свет. Вскоре девушка различила среди сосен силуэт, слабо освещенный желтым сиянием, и еще один силуэт рядом. Они шли в ее сторону.

– Селла! Селла! – закричала Нэи и, не заметив поваленное деревце, споткнулась и рухнула в заросли травы и кустарника бэй.

Она зашипела от боли сквозь сжатые зубы и стала тереть ушибленное колено. Когда девушка подняла голову, свет лампы ударил ей в глаза. Она машинально прикрыла лицо тыльной стороной ладони и поднялась, щурясь.

– Ну наконец-то! – воскликнула Селла – а это, конечно, была она, огромная, чумазая и вымокшая до нитки. – Мы уж думали, ты улетела из леса, как пинна!

– Они же почти не летают, – слабо улыбаясь, проговорила Нэи, вспоминая этих жителей Иного мира, маленьких и безобидных, похожих на короткокрылых птиц с кошачьими лицами.

В Истинном мире они плохо перемещались по воздуху – чаще перепархивали с ветки на ветку, нередко при этом срываясь и падая. О том, что можно в любой момент переместиться в Иной мир, пинны почему-то забывали.

– А я что говорю! – кивнула женщина. – Именно как пинна ты бы и полетела.

– Я так рада, что ты нашла меня! – Нэи не обратила внимания на колкость и повисла у Селлы на шее, жалостливо всхлипнув.

– Ну-ну, – женщина поспешно ее отстранила, придержав руками за плечи. – Нужно скорее возвращаться назад.

– Я видела магов, – поспешно сказала девушка, вспомнив о самой важной своей новости. – Их было несколько человек, и они куда-то уходили.

– Уходили?! – воскликнула женщина.

В голосе Селлы явственно прозвучали нотки испуга.

– Мы можем не успеть!

Нэи никак не ожидала услышать этот голос. Она обернулась и увидела Осколка Тьмы, стоящего чуть в отдалении – темный, закутанный в плащ силуэт со слабо светящимися глазами.

– Что-то случилось? – ощущая растущую напряженность обстановки, спросила она.

– Маги идут в деревню, – коротко сказала Селла.

– Аскель... – прошептала девушка, прижимая пальцы к щеке в жесте испуга.

Как всё начиналось: часть третья

Дальше они бежали через лес, уже втроем. Ливень щедро поливал их спины. Деревня оказалась не так далеко, и первым, что они заметили, приближаясь, было странное рыжевато-заревое зарево над нею. Они не стали искать дорогу и ворота, а перелезли прямо через забор, скользя на мокрых досках – Селле это далось с большим трудом. Оказавшись по другую сторону забора, Нэи на секунду не поверила своим глазам, потому зажмурилась и открыла их вновь. Все дома, попавшие в поле зрения были объяты огнем, и ливень не гасил пожар. Нэи стояла на противоположной стороне дороги, но почти сразу ощутила, что ей жарко. Кончики пальцев уже знакомо покалывало.

– Акрана их ослепи, – прошептала Селла; в черных глазах отражались рыжие блики.

Однако женщина быстро взяла себя в руки.

– Вы двое! Бегите к выходу из деревни, к большой дороге! Только не идите через лес, лучше по дороге. Не ждите меня – уходите, бегите к мосту, там вода. Живы будем, отыщемся. Не дай Акрана, пожар перекинется на лес! Я пойду за Аскелем. Ну! Бегом!

Нэи с Осколком Тьмы переглянулись, и, не сговариваясь, бросились бежать. Девушка не была уверена, что тот знает, где находятся ворота, и поэтому махнула рукой, указывая направление:

– Туда!

Он только кивнул, дальше они бежали молча. Когда Нэи и Осколок Тьмы прибыли на место, то увидели, что ворота уже распахнуты. Возле них толкалась отчаянно гудящая толпа народа, однако никто не бежал за ворота.

"Почему они не уходят?" – подумала девушка и, приглядевшись, тотчас поняла, почему.

У ворот стояли маги. И не только у ворот, маги кольцом окружали толпу, не давая сбежать ни одному человеку. Они преграждали выход, пропуская людей по одному, при том, прежде чем выпустить кого-либо за ворота, его тщательно обыскивали.

– Бежим назад! – крикнула Нэи и повернула в обратную сторону.

– Что? – Осколок Тьмы опешил, но последовал за ней. – С ума сошла? Мы заживо сгорим!

– Но тебя могут не пропустить! И меня тоже. Откуда нам знать, что они ищут?

Нэи на секунду остановилась и закашлялась. Дым немилосердно резанул легкие.

– Они ищут душу мира! – крикнул в ответ змееносец.

Рядом затрещала и рухнула, проваливаясь внутрь, крыша одного из домов. Нэи проследила ее падение взглядом. Обращенный дернулся, боязливо обернувшись.

– Все равно! Пойдем через лес. Огонь – не простой огонь. Не спялят же они сами себя!

– Да, да, только идем скорее, – Осколок Тьмы не стал с ней спорить.

Они хотели в очередной раз перелезть через забор. Обращенный уже сидел на нем, протягивая Нэи руку, когда ее отвлек оклик.

– Нэи!

Девушка обернулась. Истошно вопя, к ней неся маленький темный силуэт, тащивший за собой что-то тоже темное и явно тяжелое. При ближайшем рассмотрении силуэт оказался Аскелем, а то, что он волок – огромным баулом, из которого торчало какое-то тряпье, местами уже обуглившееся.

– Аскель! – позвала она брата. – Скорее сюда! Где Селла?

– Я не знаю! Я ее не видел с тех пор, как она за тобой ушла.

Мальчик подбежал вплотную к забору, не отпуская своей ноши.

– Бросай свою сумку и лезь через забор, – торопливо говорила Нэи. – Если что, я тебя подсажу!

Однако расставаться с баулом Аскель отказался наотрез, мотивируя это тем, что "там деньги и вообще все средства к существованию". Наконец, он хотел уже начать копать в сумке, чтобы достать оттуда упомянутые средства, но Нэи не дала ему этого сделать. С большим трудом они с Осколком Тьмы перекинули баул через забор, а потом перебрались сами. Последней в мокрую траву прыгивала Нэи. Потом она и обращенный подхватили сумку с двух концов и понесли ее, с трудом координируя движения и поочередно врезаясь в стволы деревьев. Аскель бежал рядом, отчаянно крича, что он может нести и сам.

Когда они добрались до реки, стало видно, что у моста собралась уже целая толпа. Здесь же было несколько магов, которые перемещались между людьми, проверяя их сумки или же о чем-то их спрашивая. Поэтому товарищи по несчастью не стали подходить к мосту. Они затаились на берегу в зарослях кустарника и папоротника и ждали, не появится ли Селла. Ливень почти перестал, превратившись в противный морозящий дождик. Нэи вымокла до нитки, и ей было холодно и мокро, но возможности переодеться во что-нибудь сухое пока не представлялось. Они терпеливо ждали до самого рассвета и несколько часов после него, но Селлы все не было. Дождь прекратился совсем, облачная завеса расплзлась, превратившись в несколько бледных облачных клочков на фоне нежно-голубого утреннего неба. Маги все так же не давали людям уйти с моста, тщательно контролируя толпу, от сожженной деревни ветер нес острый запах дыма.

– А если она вообще никогда не придет? – спросил вдруг Аскель.

Он сидел рядом с Нэи, мокрый, грязный и взъерошенный, похожий на сердитого нахлывшегося воробья.

– Глупости говоришь, – ответила девушка, дрожа и стараясь стряхнуть с себя сонное оцепенение.

– Совсем не глупости, – возразил мальчик. – Такое очень даже может случиться. Что тогда будем делать?

– Не знаю, – девушка решительно не хотела допускать такой возможности, но, немного подумав, прибавила. – Будем искать место, где сможем пригодиться. Например, пойдем в ближайшую земляную деревню. Помнишь, к Селле оттуда несколько раз приезжала ее знакомая, ведьма Граноенмару? У нее еще волосы такие пышные. Она предлагала нам уехать к ней, но Селла говорила, что и сама справляется. Я ее хорошо помню и не думаю, что она предлагала помощь из вежливости. Попробуем найти ее, может, она даст нам жилье или хотя бы поможет найти какую-нибудь работу.

– Может, она и насчет обращенных и их имен что-нибудь знает? – протянул молчавший доселе Осколок Тьмы.

– Вполне возможно, – проговорила девушка. – Она же ведьма. Они много всего знают...
Погоди, ты что, намереваешься остаться с нами?

– Ну, мне ведь некуда идти, – Осколок Тьмы нервно пожал плечами. – Втроем безопаснее, чем поодиночке.

Нэи не могла не признать, что это правда, хотя возможность того, что Осколок Тьмы в самом деле останется с ними, изрядно ее беспокоила. Он ее пугал. Он не был человеком.

Вернее сказать, возможно, он и являлся им когда-то, но теперь он не был похож на человека. Находиться рядом с ним было даже сложнее, чем с тем, у кого знак зодиака противоположной стихии – эти, по крайней мере, выглядят обыкновенно. Какими бы неприятными они не казались, всегда понятно, чего от них можно ожидать – это прописано в правилах и гороскопах. У Осколка Тьмы, конечно, тоже был знак зодиака, и можно заглянуть в гороскопы, чтобы узнать, что он собой представляет, но... Но уверенности в том, что он станет вести себя именно так, как там написано, у Нэи отчего-то не было.

"Надеюсь, мы все-таки сумеем найти Селлу", – подумала Нэи, еще не вполне осознавая, что женщина действительно может не прийти.

Мысль о том, что Селла может исчезнуть навсегда, не укладывалась в ее голове.

Однако время шло, а женщина не возвращалась. Людей у моста все так же караулили маги, так что о том, чтобы поискать ее в толпе, не могло быть и речи. Одно было хорошо – солнце вышло из облаков и стало припекать. Нэи стянула с себя пальто и сушила под его лучами холодную, прилипающую к телу рубашку. Под мокрую ткань неприятно задувал ветер. Краем глаза девушка с опаской следила за магами у моста.

– Как бы они не стали прочесывать лес, – высказала она вслух свои опасения.

– Это вполне возможно, – кивнул змееносец, выжимая многострадальный плащ. – Нам нужно уйти отсюда. Ну, или хотя бы получше спрятаться.

– Похоже в самом деле придется уходить, – девушка горестно вздохнула, закидывая на плечо пальто. – Постараемся найти ту земляную деревню. Может, Граноенмару поможет нам отыскать Селлу.

Потом трое долго искали место, где можно переплыть реку. Наконец, таковое было найдено: деревья здесь очень низко склонялись над водой, а камыш разросся особенно широко, так что рассмотреть плывущих было бы сложно. Плыть в общем-то не пришлось – речка в этом месте оказалась довольно мелкой, и ее можно было перейти вброд. Втроем они переправили на другой берег сумку, путаясь ногами в иле и стеблях водных растений. Нэи вода не доставала до груди, а вот Аскель то и дело макал в нее подбородок и успел наглотаться мутной речной воды. На берегу мальчик долго откашливался и плевался, на зубах у него хрустели песчинки. Из сумки Нэи вытащила две наволочки, напихала в каждую из них вещей и вручила брату, чтобы им с Осколком Тьмы было легче нести остальное.

Потом они долго брели через лес, стараясь не шуметь и прислушиваясь к каждому шороху. Залитый солнцем, лес после дождя был наполнен радостной жизнью и пением птиц, но это вовсе не значило, что он не скрывает в себе опасностей. К вечеру они почти добрались до большой дороги. Ее широкое полотно далеко тянулось через местные леса, а от нее расходились ветви других дорог, ведущих в затерянные в чаще поселения. Тот путь, что вел из их деревни к мосту, тоже пересекал ее, и было решено обойти этот опасный участок лесом на следующий день.

Спать пришлось прямо на земле. В сумке нашлись два одеяла – одно толстое, другое тоненькое и потрепанное – но оба были мокрые. Правда, они набрали побольше мха и папоротника, чтобы было не так холодно, и это немного помогло. Костер было решено не разводить, чтобы ненароком не привлечь внимания. Одно было хорошо – одежда за день успела высохнуть почти вся, кроме Нэино пальто и куртки Аскеля. Перед тем как лечь спать, Нэи все же решила проверить содержимое собранной братом сумки и, если получится, выбросить что-нибудь ненужное – уж очень она была тяжелая.

Сначала были вытащены два найденных ранее одеяла (их развесили сушиться на ветках), потом котелок с напиханными внутрь тарелками, потом мешок с морковью и картошкой, затем были последовательно извлечены разбитый горшочек, две банки консервированных нар, маленький коврик, подмокшая буханка хлеба, молоток, топор, связка чеснока, вязальные спицы, маленькое соломенное чучело, скалка, сахарница с сахаром внутри (здесь стало

понятно, что в определенный момент Аскель стал пихать в сумку все, что попадалось под руку), кожаный чехол с метательными ножами, три свеклы, мешочек с деньгами, большой чайник, три серебряные ложки, старая занавеска, несколько Нэиных рубашек, штаны Аскеля, неизвестно чья меховая жилетка, полотенце, дюжина носков (все без пары), две Селлины юбки, старый плюшевый заяц, капюшон от шубы, побитая молю шаль, глиняные охранные амулеты, огниво, лампа, мешок с гвоздями, бумажный пакет с удобрениями и наволочки. К наволочкам Аскель питал особенно нежные чувства, потому что положил он целых семь штук. Под конец Нэи выудила из баула две книги, которых раньше никогда не видела. Первая называлась "Домоседство для бывших великих путешественников", а вторая – "Правда знакомой лжи". "Домоседство", к слову, изрядно зачитанное, сильно вымокло: некоторые страницы склеились, а на иных чернила расплылись синеватыми пятнами. "Правда знакомой лжи" была в менее плачевном состоянии, хотя обложка книги вся истрепалась и истерлась. Нэи аккуратно спрятала книгу в карман пальто.

То, что не было необходимым в пути и не подлежало продаже, пришлось закопать в землю. Нэи отрезала себе и брату немного хлеба и отдала Осколку Тьмы те ягоды бэй, которые не были раздавлены, Аскель почистил морковь.

Потом они легли спать, договорившись дежурить поочередно. Первым был Осколок Тьмы – потому что он единственный видел в темноте, а сейчас было самое темное время. Нэинри лежала, свернувшись во мху и дрожа от ночной прохлады, и смотрела вверх. Там, наверху, раскачивались с шумом верхушки сосен, а еще выше было глубокое черное небо, утыканное звездами, как сверкающими головками булавок. Она тонула в его темноте и незнакомых звуках леса. Теперь, когда Нэи не чувствовала опеки Селлы, весь мир казался огромным и чужим, а сама она чувствовала себя до странности одинокой и маленькой. Девушка скосила взгляд в одну сторону и увидела спокойное спящее лицо брата со слабо подрагивающими ресницами, потом повернула голову и увидела сидящего к ней спиной Осколка Тьмы. Это были единственные люди, которые пока находятся рядом с ней. Такие понятия как знаки зодиака как-то таяли при столкновении с неизвестностью, казались картонными и пустыми. Пускай в их, магическом мире они что-то да значат, но эта значимость ничтожна, когда некого попросить о помощи. Нэи вновь вспомнила свои последние слова, сказанные перед тем, как сбежала из дома, и ощутила неприятный укол чувства вины. Девушка подумала о том, что так и не извинилась перед Селлой, и неприятное ощущение усилилось. Встретятся ли они когда-нибудь еще? Слезы обожгли щеки. Она еще немного ворочалась, но в конце концов уснула, погрузившись в поверхностную, тревожную дрему.

Осколок Тьмы разбудил Нэи, когда начало светать. Она встряхнула головой, прогоняя сон, села во мху и уставилась в чашу леса, мелко дрожа от холода. Она пощупала свое пальто, но то еще не просохло, как и одеяла. Больше всего ей хотелось снова свернуться калачиком, зарыться в мох и прижаться спиной к спине брата – так было бы, возможно, немного теплее – но Нэи поборола искушение. Осколок Тьмы проследил ее действия и молча отдал ей свой плащ.

– Замерзнешь же, – шепотом сказала Нэи.

– Ну, я почти не чувствую холода, – Осколок Тьмы пожал плечами и улегся в мох, пресекая возможный спор.

Нэи закуталась в плащ, с неудовольствием отметив, что он тоже кое-где влажный. Некоторое время она сидела, прислушиваясь к звукам леса и вглядываясь в сплетение ветвей. Но было по-прежнему тихо, только шумели утренние птицы, и их песни сливались в многоголосый гомон. Нэи осторожно вытащила из кармана своего пальто "Правду знакомой лжи" и открыла первую страницу. Взгляд забегал по строчкам.

"Это было давно. Так давно, что нет никого, кто бы доподлинно помнил или хотя бы мог предположить, когда именно это случилось.

Сначала вспыхнул свет – ослепительный, такой, какой всегда сопутствует рождению. Так возникла планета, впоследствии названная Каавтой, и мир, который однажды назовут Сабскрибером. Это был мир, который имел свою душу, свою память и свою судьбу.

Он был разбит на две части: Истинный мир и Иной мир. Притом, определить, который из них какой, было чрезвычайно сложно, а если говорить честно, так и вовсе нельзя, поскольку каждая из этих частей была истинной, и жители каждой из них именовали обитателей другой иным миром. Но мы будем называть Истинным миром тот, который был более привязан к Каавте, поскольку материальное всегда отчего-то внушает больше доверия, пускай и не всегда его заслуживает.

Сабскрибер был живым существом и обладал могучей силой, энергией созидания, которую называли магией. Дети истинного Сабскрибера могли использовать эту энергию, когда хотели, и их мечты тотчас становились мечтами мира, и лишь немногие из них были лишены такой способности. Когда мир исполнял их желания, энергии созидания становилось больше, но они слишком редко знали, что хотели, поэтому ее запас только убывал. Дети Истинного Сабскрибера имели многое, но стремились иметь все, они были жадными до знаний и любви, они боготворили жизнь и отрицали смерть, они одинаково стремились к созиданию и разрушению. Они называли себя людьми и, вероятно, таковыми и были. Они взирали на Иной мир с жадностью, желая его покорить, но знали о нем слишком мало, хоть и сами сотворили его...".

В просыпающемся лесу, на самой его окраине сидела девочка пятнадцати лет. Она чувствовала себя как никогда потерянной и одинокой – а это часто случается с людьми в самом начале их пути. Девочка ощущала, как то, что раньше казалось ей основой основ, тает, расплывается подобно утреннему туману, ускользает от нее и теряет свою значимость. Ее брат и тот, кто вызывал в ней недоверие и страх, спали; брат – крепко, а обращенный – тревожно. Иногда девочка всматривалась в чашу леса и прислушивалась к его звукам, но большую часть времени ее взгляд был устремлен в книгу. Она читала то, что прежде было для нее туманным и недоступным, как горная вершина. Она читала историю своего мира.

На светлеющем небе медленно таяло созвездие весов.

Скоро разгорелся рассвет.

Ученик мага: часть первая

Центры Зодиакального Общества внушали ужас простым людям и были средоточием покоя для магов – служителей и служительниц "живой реки", таинственной силы – энергии? доброй воли? – мира. Крупные Центры делились на две части: служебную и внутреннюю. К первой относилась комната для личной подачи жалоб и донесений и залы суда, вторая всегда превосходила первую по размерам и зачастую включала огромное количество помещений. Это были библиотеки и ряды жилых комнат, это были хранилища артефактов, просторные обеденные залы и огромные свободные тренировочные помещения. Существовали также закрытые залы собраний, камеры для особых заключенных и личные комнаты главы, находившиеся в подземной части Цетра, о которой мало кто знал. Зачастую служебная и внутренняя часть находились в разных частях города: служебная – как и положено, в самом центре, а внутренняя – на окраине или даже на некотором отдалении от города. Таким образом был построен Центр Хайноса, одного из крупных городов Четвертого мира.

Лэунд вышел в один из надземных залов Хайноского Центра Зодиакального Общества. "Небесный зал" – так он назывался. Пол белого мрамора, со вставками ляпис-лазури, был влажным после недавней уборки, и прозрачные лужи искрились золотистыми бликами, ловя свет, проливавшийся из огромных открытых окон. Сам зал был круглым, тринадцать лазуритовых колонн по его периметру устремлялись в белоснежный куполообразный потолок. Наполненное светом, бело-синее, это место создавало ощущение свободного полета в небесах у всякого входящего сюда. Впечатление усиливалось тем, что в окна были вставлены не крашеные, но прозрачные, словно чистейший лед, кусочки обыкновенного стекла. Бесцветные витражи искрящимися паутинками ловили солнечные блики, сияли розовым на рассвете и алым на закате. Сейчас же они не мешали дневному свету свободно падать в помещение, искрясь в прозрачной воде и рассеиваясь в холодном воздухе. Обычно по подобному образцу строили залы храмов, тем удивительнее было увидеть нечто похожее в Центре.

Лэунд наступил ботинком в лужу, поймав взглядом мелькнувшее отражение, тотчас испешшееся рябью, и пересек зал, поднимая невесомую пыль золотистых брызг. Он прошел к одной из скамеек, обитых бледно-синей тканью, и уселся, сгрузив на край книги. Вообще-то Небесный зал являлся излюбленным местом отдыха у магов, но теперь Центр пустовал – слишком многие разъехались выполнять поручения – и потому здесь тоже было безлюдно. Лэунд разложил на коленях один из фолиантов, потрепанный и громоздкий, открыл на первой странице и, пробежавшись взглядом по линейкам мелких букв, понял, что читать больше не может. Он отрешенно посмотрел вдаль. В окне были видны лишь небо и солнце – Хайноский Центр располагался на холме – да бегущие облака, да ласточки, рассекавшие небо быстрыми черными стрелами.

Лэунд провел здесь почти шесть лет, и уже около пяти не видел своего учителя. Сэвезмунт привез его сюда, в огромный, как ему тогда казалось, Хайнос, из маленькой деревеньки на границе Первого и Второго миров, объявил мальчишку во всеуслышание своим учеником, помог ему кое-как освоиться и исчез. Оставив Лэунда наедине с плохо выученным четвертым языком, вредными младшими учениками, заносчивыми старшими и отстраненными магами, не проявлявшими к нему никакого интереса. Иногда Лэунду приходили письма от учителя, в основном путанные, с подробным описанием погоды и качества местных вин. Иногда к описаниям погоды прилагались перечни книг, которые Лэунду следовало прочесть. Рекомендованные книги юноша сперва читал охотно и с интересом, но потом заскучал, не видя возможности практически применить свои знания, и списки непрочитанного все ширились и ширились, как разрасталась его тоска.

С тоской Лэунд состоял в особых отношениях. Это чувство невозможно было назвать по-настоящему болезненным или хоть сколько-нибудь сильным, и в этом таилась его опасность. Больше всего оно походило на тонкий слой пыли, медленно затягивающий книжные полки, когда их долго не протирают. Слабое, бесцветное, поначалу совсем незаметное, оно ощущалось как отсутствие всякого движения, как вокруг, так и внутри – движения мысли, чувства или действия. Стены Центра, улицы Хайноса, обычные люди, маги – все казалось какими-то замысленными, однотипными декорациями, которые спустя шесть лет совсем надоели. Он не получал ответа на письма от своей семьи, не видел учителя, а остальные маги в большинстве своем практически им не интересовались. Сначала всеобщее безразличие подавляло Лэунда, доводя до плача и крика, но затем он привык и решил, что лучший способ взаимодействия с плюнувшим на него миром – плюнуть в ответ на мир.

Юноша смотрел в окно, остановив взгляд в одной точке, почти не моргая, и толком ни о чем не думая, когда неожиданно хлопнула тяжелая дверь, ведущая в зал, и тишину разбили шаги. Лэунд лениво повернул голову и посмотрел, кто идет. Это оказался Маррель – телец по знаку зодиака и ученик единственного во всем Хайносе мага, которому было до Лэунда хоть какое-то дело. Его невысокая, но крепко сложенная фигура неотвратно приближалась. Маррель был довольно сильным и не особенно умным, зато почти по-детски наивным и дружелюбным – необычные качества для того, кто призван живой рекой. Даже лицо его сохраняло детские черты – хотя они были ровесниками – пухлые щеки, темные глаза в обрамлении длинных ресниц, тонкий нос и улыбчивый рот. И, однако сейчас Маррель всем своим видом показывал беспокойство, весьма редкое для него состояние – хорошее настроение юноши поколебать было так же трудно, как лазуритовую колонну.

– Лэунд, – неуверенно позвал он, подходя ближе.

Это было сигналом к началу разговора. Лэунд захлопнул книгу и чуть подался вперед, готовясь слушать. Маррель плюхнулся рядом с ним на скамейку, и Лэунд, раздраженно поморщившись, подвинулся – ему было неприятно сидеть к кому-либо вплотную. Некоторое время силач сосредоточенно сопел, время от времени шевеля губами, словно примеряясь к словам, а потом наконец изрек:

– Твои скоро переведут в старшие ученики.

– Давно пора. Что ж, рад за нее, – сухо сказал Лэунд. – И за тебя – у Вайшаса больше будет на тебя времени.

Случай Тиоре и Марреля в Центре был уникальным – они делили на двоих одного учителя. Вообще-то, даже на двоих с половиной, если считать самого Лэунда, который, будучи неприкаянным, тоже попал под частичную опеку Вайшаса.

Тем не менее, изначально у Вайшаса был один только ученик – Маррель, однако маг скоро понял, что юноша ни особенными способностями, ни особенным желанием учиться управлять силой живой реки не обладает, и настоящего мага из него не выйдет. Объяснить это родителям Марреля, страстно желавшим, чтобы их дорогой мальчик получил образование, ему не удалось, и пришлось оставить того в Центре. Однако Вайшасу некому теперь было передать свое мастерство, поскольку других учеников он никогда не держал, а новых боялся не успеть выучить в силу возраста – вообще-то старым он вовсе не выглядел, однако, когда говоришь о маге, невозможно определять возраст по одному лишь внешнему виду. И Вайшас уже смирился с тем, что его труды не найдут достойного преемника, когда в какой-то захолустной деревеньке ему подвернулась Тиоре. Ей тогда было почти шестнадцать – а выглядела она еще старше – и это уже точно не тот возраст, когда берут в ученики. У ее родителей совсем не было денег на обучение, она была стрельцом, тогда как Хайнос – земляной город, а ее характер был отвратительней скрежета гвоздем по стеклу. И среди она принадлежала не подходящей (в маги обычно шли люди из городов), да к тому же была еще и девушкой – а маги предпочитают не брать учеников противоположного пола.

Однако, при этом Тио каждый день ходила пешком в ближайшую библиотеку, всякий раз наматывая больше десяти километров, и в этой библиотеке ею были прочитаны почти все книги (правда, стоит сказать, что библиотека была не очень большая). Однако она легко видела чужие знаки зодиака и даже могла применять простенькие заклинания превращения вещей. Ее родители дружно рыдали, когда дочь ночами сидела с книгами – сами они едва ли читали что-то, кроме "Гороскопов" – и были уверены, что она никогда не устроится в жизни. И все эти "однако" стали залогом того, что Вайшас, несмотря ни на что, выбрал Тио своей ученицей. Впрочем, справедливо будет сказать, что это Тиоре выбрала Вайшаса, а не наоборот. Стоило ей узнать, что в деревне появился маг, как она вцепилась в него мертвой хваткой, желая вытрясти все знания, какие тот только имеет. Мягкосердечный маг проникся жалостью к увлеченной деревенской девочке и взял ее в ученицы; во всяком случае, такова была официальная версия, Лэунд же полагал, что на деле Вайшас просто испугался ее напора.

Так или иначе, учеников у Вайшаса с тех пор стало двое. Они должны были возненавидеть друг друга, и это стало лишь вопросом времени: несимпатичная, нетерпимая к людям, резкая, схватывающая все налету Тио и глуповатый Мар, не особенно понимавший даже самые основы, тот, кому изначально суждено было стать единственным преемником, первым и последним учеником. Кроме того, она была старше его на три года и старше вообще всех младших учеников Хайнского центра – а значит, становилась белой вороной. И самое главное: ее знак принадлежал огненной стихии, тогда как Маррель был тельцом. Младшие ученики Центра с замиранием сердца следили за развитием событий, но ненависти все не было и не было. Оказалось, доброжелатели не учли главного: Маррель родился невероятно терпеливым и совершенно лишенным гордости и амбиций, а Тиоре больше всего на свете желала, чтобы кто-нибудь признавал ее заслуги. Так, вопреки всему они стали друзьями. Тио часами объясняла Мару одно и то же, и у последнего даже что-то откладывалось в голове; в благодарность за это он показывал ей Хайнос и незаметно знакомил с людьми, которых Тио по большей части сторонилась и боялась. Она не презирала его за несообразительность, поскольку сама слишком часто была презираемой, а он игнорировал ее колкости, потому что у него хватало на это добродушия. Когда стало понятно, что война отменяется, Вайшас вздохнул облегченно, а младшие ученики – разочарованно; а потом никому не стало до этого дела.

И вот теперь Мар сидел рядом с Лэундом, сверля того печальным взором карих глаз, потому что Тио переводили в старшие ученики. Старший ученик – это уже почти самостоятельный маг; для них уже нет хода назад из зодиакального общества, и они выполняют задания наравне со взрослыми магами, хотя все еще подчинены последним.

– Я не очень понимаю, в чем проблема, – проговорил Лэунд. – Она подходит и по возрасту, и по уровню знаний.

– Но там же эта, – забормотал Мар, продолжая бросать на собеседника полные тоски взоры. – Ицини... Ини... Как ее?

– Инициация, – вздохнув, подсказал юноша. – Ну и что? Испытания для младших учеников обычно не бывают слишком сложными. С ее умениями... Тио пройдет их без труда.

Лэунд чувствовал поднимающуюся зависть. Он тоже мог бы уже переходить в старшие ученики, если бы его учитель не бросил его на целых пять лет!

– Мне кажется... кажется, – Мар замялся. – Не только мне, хуже, что и Вайшасу так кажется... Словом, с Тио что-то не так. Она в последнее время часами сидит в комнате, что-то пишет...

– По-моему, она и раньше этим занималась, – пожал плечами юноша, ощущая уже некоторое раздражение. – Что ты от меня-то хочешь?

– Ну, может, ты с ней поговоришь, – полувопросительно проговорил Маррель. – Со мной она и разговаривать не хочет. Твердит, мол, я не понимаю. Может, и правда так, но ты-то ведь разбираешься во всяких сложных вещах. Пойдем...

Если голос Мара звучал неуверенно, то схватил Лэунда за плечо он безо всяких сомнений.

– Чего? – опешил тот. – И что я ей скажу? Что ты как маленький, сам разбирайся со своей подружкой!

В этот момент Лэунда уже волокли через "Небесный зал" на буксире. Соппротивление было хоть и не наказуемым, но совершенно бесполезным: Мар тащил его за собой с неумолимостью асфальтного катка и непреклонностью Армагеддона.

Ученики покинули зал и вышли в сад, миновали длинный коридор с колоннадой и двинулись вглубь второго здания, длинного, двухэтажного, увенчанного треугольной крышей с многочисленными острыми шпилями громоотводов. Здесь располагались ряды жилых комнат и трапезная. Мар втащил Лэунда на второй этаж – по негласному правилу на втором этаже селились женщины Зодиакального Общества, тогда как первый был отведен мужчинам. Лэунд отпихнул товарища, сбрасывая с плеча огромную тяжелую руку, и осторожно постучал в одну из дверей. Не то чтобы юноше действительно хотелось говорить с Тиоре и не то чтобы он знал, что сказать, однако он чувствовал любопытство, и оно было единственной причиной, по которой Лэунд позволил Мару привести себя сюда. Может, Тио и правда занимается чем-то необычным.

– Войдите, – раздался из-за двери приглушенный голос.

Лэунд приоткрыл дверь и проскользнул в комнату, поспешно оглядываясь. Комната, где жила Тиоре, совсем не походила на помещение, где кто-то живет: аккуратно застеленная кровать, тумбочка рядом с ней, письменный стол – все это не имело никаких признаков жилого помещения. На тумбочке не лежали книги или какие-нибудь безделушки, не стояла свеча или кружка с чаем, стол тоже был чист, не считая тетради и стопки книг. Вероятно, эта комната осталась точно такой, какой была, когда девушка в нее въехала – только на стене теперь висела огромная карта Большого материка. Тио, сидевшая за столом, смотрела на Лэунда почти неподвижно, напоминая собой деталь интерьера. Спина – прямая, как у статуи, мантия и юбка – разложены аккуратными складками, светлые волосы – заколоты в пучок, так что ни одна прядь не выбивается. Девушке еще даже не исполнилось девятнадцати, но выглядела она гораздо старше своего возраста, вероятно, из-за манеры держаться и из-за тонких, но жестких черт лица. Тонкий нос, загнутый, как у хищной птицы, тонкие бледные губы, небольшие глаза, всегда как будто слегка сощуренные, почти незаметные тонкие светлые брови.

– Это ты, – сухо проговорила Тио, с почти незаметным оттенком удивления в голосе. – Я думала, снова Маррель пришел вести бесполезные разговоры. Тебе что-то нужно?

Лэунд на миг растерялся, когда в него вперились карие, светлые почти до желтизны, глаза-буравчики. Отделаться от ощущения, что этот взгляд направлен куда-то под его кожу, было невозможно.

– Гм. Слушай, – проговорил юноша, решив начать с наиболее волнующего вопроса, – ты в эту комнату давно въехала?

– Три года назад, – ровным голосом ответила девушка.

– О. Так сразу и не скажешь, – буркнул ничуть не удивленный юноша.

– Ты только за этим пришел? – нахмурилась Тио.

– Я пришел как представитель недопонявших и отвергнутых, – фыркнул Лэунд и бросил многозначительный взгляд в сторону выхода из комнаты.

– О, – понимающе кивнула девушка. – Недопонявшие и отвергнутые, надо думать, полируют ухом мою дверь?

– Разумеется, – усмехнулся юноша. – Так что постарайся говорить громче.

Ему не очень-то нравилась Тио, однако один момент в общении с ней был безусловно приятен. Она всегда понимала, о чем он говорит. Что касается других учеников... не то чтобы те казались Лэунду глупыми, но они всегда как будто слегка "не догоняли".

– Мне нечего сказать Мару, – с неожиданной грустью в голосе проговорила вдруг девушка. – Не говоря уж о тебе. Он зря думал, будто я смогу объяснить тебе то, чего не смогла объяснить ему.

Она разом как-то сторбилась, и Лэунд, внимательней взглядевшись в лицо Тио, понял вдруг, что та выглядит невероятно, смертельно усталой. Из-за ее прямой спины, пронзительного взгляда и спокойного вида, эта деталь терялась. Так незаметны неровности и недостатки на полированных воском статуях; но воск растаял, выдавая скрытое несовершенство.

– Тебя пугает посвящение? – спросил на всякий случай юноша.

Он уже знал, что этот вопрос ничего не даст, но раз ситуация беспросветна, почему бы не задать парочку глупых вопросов? Может, даже получится испортить ее окончательно.

– Да, – неожиданно ответила ему Тио. – Но я не боюсь его не пройти. Есть иное.

– Так что же? – невольно вырвалось у Лэунда.

Девушка покачала головой:

– Потом скажу. Я еще не решила, понимаешь?

Лэунд, конечно, вообще ничего не понимал. Кроме того, что Тио то ли напускает ложную загадочность, чтобы запудрить ему мозги, то ли действительно страдает чем-то серьезным. Ситуация ему совершенно не нравилась, главным образом потому, что он не понимал, как в ней себя вести.

– Ты можешь идти, если не знаешь, что еще сказать, – флегматично сказала Тио.

Замечание пришлось как нельзя кстати. Юноша, уже сообразивший, что более ничего добиться не выйдет, выскользнул за дверь, едва не ударив по голове старательно подслушивающего Мара. Тот чудом успел отскочить в сторону и недовольно тер ушибленное ухо, попутно тоскливо взирая на Лэунда. Тот, аккуратно притворив за собой дверь, развел руками.

– Ну, в одном ты был прав, – сказал Лэунд. – С ней явно что-то не так.

– Это я и раньше знал, – недовольно буркнул Маррель.

– А я и не обещал ничего, – пожал плечами юноша. – Я только попытался. Поговори лучше с Вайшасом – ему-то должно быть дело.

Вообще-то Вайшасу было дело до всех учеников Центра, как будто своих двоих с половиной ему не хватало. Многие из них, завидев его, спешили скрыться в темных коридорах, чтобы Вайшас не нашел их и не попытался чему-нибудь обучить. Эта его особенность была единственной причиной, по которой Лэунд знал хотя бы некоторые из простейших заклятий. Вообще-то обучать младших учеников не рекомендовалось никому, кроме их непосредственных учителей – причиной запрета была конкуренция между старшими магами, и тот факт, что некоторые из них пытались узнать через своих учеников чужие секреты. Однако на Вайшаса этот запрет по какой-то неизвестной причине не распространялся. На памяти Лэунда его даже не пытались привлечь к ответственности за постоянные нарушения, которых маг особенно не старался скрыть – может, давно уже знали, что бесполезно. Тем более удивительным казалось отсутствие у него в прошлом других учеников, кроме Мара и Тио.

– Да, надо сказать учителю, – задумчиво проговорил Мар и вдруг воскликнул, звонко хлопнув себя по лбу. – Лэунд! Я и забыл. Твой учитель сегодня приехал в Центр. Он просил передать, что ждет тебя у входа в северный зал.

Юноша замер и несколько секунд, нахмурившись, смотрел на Мара. Тот легко мог что-то напутать, и Лэунд не спешил верить, чтобы не разочароваться, однако слова товарища загли в нем надежду.

– Сэвезмунт? – уточнил Лэунд. – Ты уверен?

– Ну, у меня, конечно, не очень с памятью, но его трудно позабыть, – с неожиданным недовольством фыркнул юноша. – Высокий, а кожа и волосы белые-белые, а сам весь в черном. И глаза, как у рыбины, а на свету будто розовые. И посох...

– Точно он! – ахнул Лэунд. – Как давно он приехал?

– Я искал тебя, чтоб сказать тебе об этом, – пожал плечами Мар. – Но ты согласился поговорить с Тио, вот я и забыл.

– Шимы! Прошло уже сколько времени! Мне надо бежать!

Не попрощавшись, юноша вихрем промчался по этажу, слетел вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступени, и быстрым шагом двинулся по коридору. Прошедшие минуты странного разговора с Тио не волновали его более. Сердце в груди колотилось от волнения. Казалось, время, замершее на несколько лет, понеслось вперед с невероятной силой, волоча за собой события и унося клочья застилающей мир пыли. В течение пяти лет Лэунд успел придумать множество ехидных, колких выражений, какие он скажет Сэвезмунту при встрече, но теперь он знал, что точно не озвучит ничего из этого. По правде сказать, юноша побаивался учителя. Лэунд помнил его таким, каким видел пять лет назад, будучи десятилетним мальчишкой: высоченный, таинственный человек, задрапированный в черное одеяние, контрастируя с которым его белые голова и руки будто бы светились. Мягкий, повелительный голос, внимательные глаза, на свету чуть отливающие красным, как у вампира, суставчатые пальцы, сжимающие посох с таинственной резьбой. Тогда Лэунд, всякий раз, говоря с этим человеком, испытывал горячую смесь эмоций: страх, восхищение и мощное желание когда-нибудь стать таким же. Обрести уверенность, могущество, твердую поступь и снисходительный холодный взгляд. Подчинить себе великую, таинственную силу этого мира, которой никто не может даже дать определения и которая почему-то любит его гораздо больше, чем его сестру, сильную и ловкую, по сравнению с ним, слабым, болезненным мальчиком.

Лэунд вновь пересек сад, миновал Небесный зал, проигнорировав его красоту, и по длинному коридору двинулся в северное крыло Центра.

Наконец, толкнув тяжелую дверь, юноша вышел в северный зал. Его встретила холодная мраморная твердыня стен, приземистые толстые колонны и низкий по сравнению с другими залами потолок. Зал, словно ракушка, переливался всеми оттенками серебристого, бежевого и голубого. Дверь с грохотом захлопнулась за его спиной и звук эхом обогнул помещение. Лэунд огляделся – зал был не то чтобы большой – но на скамейках и за столами разместились кучка взрослых магов, из которых ни один не мог быть Сэвезмунтом. Юноша разочарованно вздохнул, сознавая, что Мар скорее всего что-то напутал или что Сэвезмунт, не дождавшись ученика, отправился в очередное путешествие. На всякий случай Лэунд решил подойти к Холло – уже пожилой женщине, которая, однако, обладала немалым могуществом, и которая относилась к нему с чуть меньшим безразличием, чем прочие маги – а на учеников в Центрах особого внимания обращать было не принято.

Вообще-то, по Холло нельзя было сказать, что она пожилая; невозможно было с точностью утверждать, сколько ей лет. И именно это выдавало самых старых магов; когда на них смотришь, начинает рябить в глазах, словно черты их лиц никак не могут определиться, какому возрасту соответствовать.

Он подошел к столу, за которым она сидела в окружении других магов. Один из них поднял голову и посмотрел сквозь Лэунда, едва зацепив взглядом его фигуру – младшие ученики Зодиакального Общества для старших были подобны призракам.

– А, Лэунд, – мягко проговорила Холло, обернувшись в его сторону. – Ты, наверное, ищешь учителя? Сэвезмунт ушел говорить с главой Центра. Лучше подожди пока здесь, я думаю, он скоро вернется.

Юноша кивнул и оглядел зал в поисках свободной скамейки, но все они были в той или иной степени заняты магами. Находиться столь близко к ним Лэунду не хотелось и он, прислонившись к одной из колонн, устался в окно, застекленное серебристым витражом. Свет, проникавший через стеклышки, падал на пол белыми дорожками, было видно движущиеся тени древесных крон и быстрые тени птиц, скользящие по витражу. Юноша дергался каждый раз, когда слышал звук открывающейся двери, но то были другие маги, не имеющие к его

учителю никакого отношения. Ожидание не успокоило Лэунда, но внушило новые, большей частью надуманные страхи. Вдруг Сэвезмунт станет спрашивать обо всем, что написано в книгах, какие он рекомендовал? Вдруг, в этом и заключался смысл прошедших пяти лет – проверить его самостоятельность, и теперь он, Лэунд, должен помнить все это до последней точки? Конечно, эти мысли были глупостью, но и очень своеобразным способом немного скрасить ожидание.

Ученик мага: часть вторая

Сэвезмунт вошел в зал спустя почти два часа, когда серебристые стекла витража порозовели, лоя лучи закатного солнца. Рядом с ним шел глава Центра и еще женщина, которой Лэунд в Центре прежде никогда не видел. Они остановились у дверей. Женщина что-то сказала, Сэвезмунт ответил ей и, резко развернувшись, двинулся по направлению к Лэунду. Глава и женщина в молчании покинули зал, провожаемые множеством любопытных взглядов, но Лэунд не очень-то обратил на них внимание – он шел навстречу учителю, попутно разглядывая того. Сэвезмунт оказался совсем не таким, каким юноша его помнил. Во-первых, он не был невероятного роста. Нет, Сэвезмунт был высок, но не настолько, чтобы шокировать. Во-вторых, впечатления кого-то могущественного Сэвезмунт не производил – скорее впечатление кого-то больного и очень худого. Руки и лицо и правда оказались мелово-белыми – их совсем не трогал загар – но теперь Лэунд видел, что это болезненная белизна. Вдобавок коричневая с рыжим орнаментом накидка, надетая поверх походной одежды, отняла у мага всю шаблонную таинственность, которую придавала ему мантия черного цвета. Да и глаза Сэвезмунта на свету и правда казались то голубыми, то розовыми, как подметил Мар, а вовсе не красно-вампирскими. Почти не изменился разве что посох в его руке – впрочем и тот выглядел каким-то... менее внушительным. Словом, Лэунд испытывал сильнейшее разочарование, глядя, как облик кумира его детства рушится прямо на глазах.

Впрочем, должно быть, это лишь внешний вид. Сам по себе-то Сэвезмунт наверняка все такой же могущественный чародей.

– О, Лэу, – Сэвезмунт приветственно махнул ему рукой, подойдя ближе. – Ну что, не скучал в мое отсутствие?

Лэунд промолчал, не зная, что ответить; вдобавок, ненавистное сокращение "Лэу" неприятно резало по ушам.

– Это хорошо, – Сэвезмунт отвел голову чуть вбок, близоруко щурясь. – Ты в последнее время стал как-то... больше. Ну-ну, оно и немудрено. Надеюсь, ты многому научился за эти годы? Многое уже можешь сделать?

– Вообще-то нет, – честно ответил юноша, ощущая некоторое раздражение. – В плане практики я почти ничего не умею.

Уж Сэвезмунт-то должен был это знать!

– Ну и хор... То есть, как? – осекся учитель. – Как это ничего не умеешь? Ты что, ничего не делал все это время? А Вайшас?

– Вайшас делал, что мог, но обучать младшего ученика практике запрещено для всех, кроме учителя, – пожал плечами Лэунд.

– Нет такого правила, – нахмурился Сэвезмунт. – Почему я его не знаю?

– Не могу ответить на этот вопрос, – медленно произнес Лэунд, продолжая печально взирать на гибель авторитета.

– Вот Шимхар! Что за идиотский закон! Кто вообще его написал? – нервно воскликнул маг. – Я-то думал, ты уже все будешь знать, когда я приеду. Пяти лет как раз хватило бы...

– погоди! – ощущая поднимающуюся ярость, выкрикнул Лэунд. – Хочешь сказать, ты специально оставил меня в Центре, надеясь, что меня за эти пять лет обучит кто-то другой?

Сэвезмунт задумался на миг, и юноша замер в ожидании. Сейчас учитель, наверное, расскажет, что у него было срочное, невероятной важности задание. Что от этого даже зависела судьба человечества, мира или всей вселенной. Может, это будет грандиозной ложью, но Лэунд захочет в нее поверить.

– Ну, – произнес, наконец, маг. – Вообще-то так и есть. А что?

Лэунд опешил настолько, что даже не знал, как реагировать. Разозлиться? Но ситуация была такой абсурдной, а поведение того, кого он считал эталоном... эталоном всего – таким безрассудным и странным, что злиться толком не получалось. Даже просто расстроиться не вышло по этой же причине. Он молча стоял, будучи совершенно растерянным, словно реалист, под ноги которому рухнул фиолетовый дракон.

Солнце медленно садилось где-то за стенами Центра, идеальный образ, тщательно выращенный юношей, стремительно умирал в мучениях. Надо думать, в мучениях Лэунда, а не в своих собственных.

Внезапно Сэвезмунт посерьезнел и, тяжело вздохнув, проговорил:

– Что ж, раз так... Думаю, нам будет, что обсудить. Предлагаю переместиться туда, – он указал в сторону освободившегося стола.

Лэунд кивнул и молча последовал за учителем. Они сели друг напротив друга, и юноша ощутил, что Сэвезмунт все больше его раздражает: тот походил на карикатуру, плохое, кривое изображение человека, которым он некогда восхищался. А хуже всего было то, что в этом незнакомом человеке изредка все же проскальзывали черты, присущие оригиналу – если б не это, Лэунд еще смог бы смириться.

– В общем так, ученик, – наигранно бодрим голосом произнес Сэвезмунт. – Расклад таков: в середине этого подзвездия я отправляюсь продолжать то, чем занимался уже три года – таково желание главы и навха. Я намеревался перевести тебя в старшие ученики и взять с собой, но похоже, что ты не способен пройти испытание.

– Велика задача, – фыркнул Лэунд. – Просто забудь обо мне и оставь в Центре еще на пять лет. Кажется, ты преуспел в решении таких проблем?

– Да ты дерзишь, – тусклые глаза Сэвезмунта превратились в две узкие щелки. – В детстве ты был куда более покладистым. Этот восхищенный блеск в глазах, помню-помню, как же... Люблю, когда меня немного боятся.

Лэунд нахмурился, пытаясь спрятать смущение и от того раздражаясь еще больше.

– Нам невыгодно быть врагами, – насмешливо продолжил маг. – Мне нужен преемник и помощник, и у меня есть знания, которые я могу тебе дать. Ты обладаешь достаточным потенциалом, чтобы перенять мои знания и умения, и достаточной безвыходностью положения, чтобы не отказываться помогать мне. Так?

Лэунду не очень понравилась часть про безвыходность положения и совсем не понравился высокомерно-повелительный тон Сэвезмунта, однако не согласиться он не мог.

– Так, – вздохнул юноша, нервно передернув плечами.

– Ну что ж, значит будем сотрудничать, – сказал маг, деловито барабанил пальцами по столу. – Поскольку обучить тебя, не обучая, у меня не получилось по причине глупого самоуправства Центра, я попробую уговорить главу позволить мне взять тебя с собой. Вообще-то, младшим ученикам это не разрешается, но я о ч е н ь постараюсь... Сознаешь, что я для тебя делаю?

– Надо думать, исправляешь свои промахи, – буркнул Лэунд.

– Не дерзи, – Сэвезмунт угрожающе сдвинул брови, хотя в действительности, кажется, не особенно злился.

– Так что у тебя за задание? – и бровью не повел юноша. – Или младшим ученикам не разрешается знать и этого?

– Почему же, – тонкие губы Сэвезмунта сложились в скупую улыбку. – Я иду по следам Души Мира. Прочих магов Центра освободили от этого ввиду... одного инцидента в Первом мире. И ты, не умеющий подчинять живую реку, отправляешься со мной. Понимаешь, какая честь, какая удача тебе выпала?

– Не совсем, – Лэунд флегматично пожал плечами. – Душу Мира ищут уже долгие годы, хотя никто даже толком не поймет, что она такое и как выглядит.

– А это и не важно, – самодовольная улыбка мага стала значительно шире. – Важно то, какое могущество может дать обладание ею. К тому же теперь все изменилось: похоже, что мы нашли мага, запершего душу в Истинном мире. Скорее всего, он заключил ее в какой-нибудь артефакт – а как иначе-то? – но предположения пока строить рано... Вот что! Я лучше свожу тебя на собрание послезавтра. Ты сразу все поймешь.

– Собрание, – замороженно проговорил Лэунд, не в силах скрыть вспыхнувшего любопытства.

Он увидит подземные залы и услышит, наконец, правду о действиях магов. Ну, хотя бы какую-то ее часть. И все это, не став еще старшим учеником – а ведь и их на собрания пускают неохотно! Даже Тио такое не снилось и нескоро еще приснится.

– Отлично, – удовлетворенно сказал Сэвезмунт, довольный тем, что ему удалось вернуть уважение ученика. – А теперь расскажи мне, какие книги ты все-таки прочел за это время. Можешь не врать, я точно знаю, что, позволив Акрана, ты помнишь хоть парочку из всех списков!

Лэунд охотно перечислил прочитанное, довольный тем, что объем полученной информации – отнюдь не парочка потрепанных томов, а потом они обсудили дальнейшее его обучение, и Сэвезмунт заверил его, что за год натаскает достаточно, чтобы Лэунд смог перевестись в старшие ученики.

Юноша возвращался в свою комнату в приподнятом настроении. Ожидания не обманули его на этот раз: мир в самом деле пришел в движение, время рвануло вперед грохочущей рекой, утаскивая его за собой. И это было весело и немного страшно.

Следующие два дня прошли в ожидании. Вообще-то, Лэунд думал, что Сэвезмунт покажет ему какие-нибудь заклинания или расскажет что-нибудь интересное – словом, предпримет попытки наверстать упущенное, но тот оказался для этого не то слишком занят, не то чересчур ленив. Так что юноша в основном занимался тем, что бродил по залам, садам и коридорам и загадочно улыбался, бросая на прочих младших учеников снисходительные взгляды. Его ждало собрание и важная миссия, и, может – скорее всего! – великие приключения, а их – тоскливое пребывание в Центре и серая пыль обыденности. Ученики в свою очередь косились на Лэунда с плохо скрываемым любопытством: новость о том, что один из самых таинственных магов вернулся, облетела Хайносский Центр в мгновение ока. Однако его так ни о чем и не спросили – с прочими учениками юноша находился не в самых дружеских отношениях. Для этого он слишком любил уединение, слишком часто думал о себе, как о ком-то особенном, и знал слишком мало заклинаний.

С Маром он старался по возможности не пересекаться, чтобы не стать вновь способом решить чьи-то проблемы. Впрочем, это было несложно – тот, очевидно, предпочел грустить где-нибудь, где Лэунд появляться не стремился.

Вечером второго дня Лэунд нервно метался по Северному залу, где они с Сэвезмунтом условились встретиться ровно в девять часов вечера. Юноша точно не знал, в какое время начинается собрание, но еще полчаса назад все взрослые маги утекли в неизвестном направлении, а это значило, что каким бы ни было время, оно уже близко.

"А может, – думал Лэунд, – я что-то не так услышал? Может, я все не так услышал, и Сэвезмунт ждет меня в другом месте? Может, мы уже опоздали?"

Он то и дело порывался покинуть Северный зал и начать в панике бегать по Центру, но боялся разминуться с учителем, и потому всякий раз возвращался назад. Тем не менее, спустя некоторое время, Сэвезмунт все же явился, расслабленный, улыбающийся сухой, выражающей осознание собственного превосходства улыбкой. Встрепанный, взволнованный Лэунд рядом с ним почувствовал себя совсем не в своей тарелке.

– Ну что, идем? – бодрым голосом сказал маг и устремился к небольшой двери, ведущей в служебные помещения.

Лэунд кивнул и поспешил следом за ним, на ходу пытаясь хоть немного пригладить растрепавшиеся вьющиеся волосы – он был свято уверен, что на собраниях следует появляться в приличном виде. Они вышли в небольшой коридор и почти сразу свернули в маленькое его ответвление, только затем, чтобы упереться в тупик.

– О, кажется это не здесь.

Сэвезмунт флегматично пожал плечами, и они двинулись дальше.

– Мы ведь будем вовремя? – на всякий случай уточнил Лэунд.

Ему почти мгновенно стало стыдно. Глупый вопрос, конечно, Сэвезмунт обо всем подумал!

– Ну, – маг сделал неопределенный жест рукой, – вообще-то мы уже опоздали минут на двадцать.

– Опоздали? – пораженно прошипел Лэунд. – То есть как? Туда приходят только самые достойные! Только достойнейшие из достойных! Опоздать! Да как...

– Да что ты какой шебутной, – Сэвезмунт наконец нашел искомую дверь в одном из закутков и принялся рыться в скрытых в мантии карманах в поисках нужного ключа. – Начала собраний такие скучные. Я редко на них хожу...

Лэунда перекошило. Воодушевленный перспективой оказаться на собрании, он вновь начал было думать, что его учитель – тот странный идеальный человек из его детства. Восстановленная башня авторитета претерпевала новое падение.

Тем временем маг извлек из бесчисленных складок своего одеяния нужный ключ и отпер дверь, отворившуюся бесшумно. Сэвезмунт и Лэунд вошли в открывшийся проход и очутились на первой ступени скользкой мраморной лестницы с широкими, слабо поблескивающими в полутьме перилами.

– Разве дверь не должна быть защищена лучше? – проговорил юноша, недоверчиво взирая на то, как учитель возится с замком. – Лучше, чем просто замком? Заклинанием или вроде того?

– О, воры нынче стали такие хитрые, что в первую очередь пробуют всевозможные заклятия. И совсем забывают про старые-добрые обычные замки, – заверил его Сэвезмунт.

– Правда? – юноша недоверчиво вздернул бровь.

– Нет. Это ключ из "неуверенного" сплава. Его надо все время держать при определенной температуре. Чуть остудишь – разобьется, а чуть нагреешь – расплавится. И нужная температура меняется каждый день, приходится ее угадывать, а это очень, очень сложно...

Они спустились вниз, и Лэунд мрачно окинул взглядом лежащих у подножия лестницы каменных львов, безразлично поблескивавших прозрачными хрустальными глазами. Вся подземная часть центра оказалась закованной в мрамор, беловато-серой, таинственной и холодной. Вдоль стен, между круглыми в сечении колоннами, крепились лампы, слабо освещающие широкий коридор – или то был длинный зал? – и по стенам скользили рыжеватые блики, создававшие иллюзию глубины мраморной поверхности. Маг и ученик двинулись по коридору, оставляя позади безмолвных львов, и их тени рванулись за ними по стенам, темные и длинные, причудливо извивающиеся в нечетком свете ламп. Лэунд слышал голоса, раздававшиеся где-то впереди, сливавшиеся в один монотонный гул из-за эха, и он знал, что это гул собрания.

Постепенно юноша начал различать силуэты, великое множество силуэтов: похоже, сюда съехались все маги Хайноса и маленьких окрестных Центров, и в глазах у Лэунда зарябило, когда он попытался рассмотреть их знаки зодиака. Кого здесь только не было – маги бесспорно нарушали закон, установленный ими же когда-то.

Наконец, маг и ученик достигли толпы. Зала собрания оказалась широкой, шире помещений наземной части, но потолок был такой же куполообразный, расписанный символами Тринадцати, похожий на купол Центра в Цетхоте – самого первого Центра.

Пол поблескивал серебристой мозаикой, и Лэунд смутно догадывался, что изображена луна – знак Норуума, но его совсем не было видно под ногами столпившихся магов. Глава магов возвышался над толпой, стоя на нешироком мраморном постаменте в центре зала – трибуне, вокруг которого на расстоянии трех метров синей мозаикой был очерчен круг. За линию заходили только докладывавшие. Лэунд привстал, попытавшись рассмотреть, кто стоит в круге сейчас, однако Сэвезмунт повелительно потянул его за плечо и увлек за собой в толпу. Маги пропускали их без возражений, кто-то из них приветствовал Сэвезмунта, другие почтительно кивали ему, и он, незаметно светясь от самодовольства, с достоинством кивал им в ответ.

Так, беспрепятственно, они вышли к самой границе круга. Лэунд замороженно взглянул вверх, на гладкий камень постамента и на фигуру... две фигуры наверху. Одной из них, без сомнения, был Глава – Ошерг, так его звали. Впрочем, никто бы не поручился, что это его настоящее имя – маги предпочитали их скрывать, чтобы не оказаться обращенными. Лицо его было скрыто капюшоном темно-синей мантии.

Второй оказалась женщина, и Лэунд вспомнил, что уже видел ее два дня назад, в Северном зале: высокая, сильная фигура, облаченная в темно-зеленый короткий плащ и длинное синее платье. Лицо ее было холодным и отстраненным, темные волосы, поблескивающие металлически, струились по зеленоватой ткани.

В кругу стоял один из магов и говорил, и Лэунд понял, что говорит тот что-то об обращенных: не самая увлекательная из тем.

– ...Таким образом, мы возились с этим вопросом непозволительно долго. Возможно считать подвергшихся заклинанию обращения подобными прочим людям, до тех пор, пока они имеют знаки зодиака. По моему мнению, это все определяет. Необходимо принять соответствующие меры...

– Это лишь твое мнение! Ты оспариваешь слова навха! – выкрикнули из зала. – Они опасны!

Маги загомонили, обсуждая проблему. Лэунд разочарованно скривился. Он ожидал увидеть нечто торжественное, и что вместо этого?

– Довольно, – прервал их глава, и юноша, взглянув вверх, увидел на его лице отражение собственного презрения. – Я выслушал всех присутствующих. Мы можем считать их именно что подобными людям, но не людьми. Обращенные – магические создания. Кто станет считать человеком секлая, или голема, или любой предмет с вселенной в него душой? Так говорит навх, и так говорю теперь я.

– Но знаки зодиака! – выкрикнул кто-то из зала.

– Знака зодиака можно лишить, – заговорила вдруг женщина рядом с Ошергом. – Так очень редко делают в некоторых незаконных магических общинах. И, однако, этих людей все равно считают людьми. Словом, должно быть, не все сошлось на знаках...

По первым рядам щекочущей волной прокатился ропот – незнакомку слышали лишь те, что стояли ближе к центру зала, поскольку говорила она негромко. "На знаках не все сошлось". Даже Лэунд понимал, что говорить так – большая неосторожность даже в пустующей комнате, где тебя никто не слышит. Кто эта женщина, что позволяет себе подобное? Кто она такая, что до сих пор не понесла наказания за это?

Глава замялся, это было заметно по тому, как нервно его руки впились в перила трибуны.

– Не сказал бы, что утверждение абсолютно верно, – наконец выговорил он. – Однако оно подтверждает истинность моих слов.

Затем женщина, понизив голос, сказала ему несколько слов, и зал замер, прислушиваясь, однако никто так ничего и не смог разобрать. А потом женщина медленно сошла с трибуны и устремила к одному из выходов, провожаемая любопытными взглядами.

– Следует вернуться к обсуждению, – нервно выкрикнул Ошерг, стараясь вновь завладеть вниманием толпы. – Еще достаточно неосвещенного! Я должен объявить решения навха. Пер-

вое: вопрос о Душе Мира. Этим теперь занимается Сэвезмунт, и более никто. Наши отношения с Первым миром усугубились значительно, после... вторжения группы магов на территорию...

– Тоже мне вторжение! – пренебрежительно крикнул кто-то.

– Дело идет к войне! – рявкнул Ошерг. – Первый мир настроен серьезно, и мы в плохом положении, особенно после попытки создания Объединенного города.

– А я всегда говорила, что это плохая идея! – донеслось из зала.

– Скорее солнце не встанет, чем стрельцы и рыбы уживутся в одном городе!

– Они бунтуют из-за разрушения города, идиот!

На этот раз глава только тяжело вздохнул и, переждав, пока маги утихнут, продолжил.

– Второе: обращенные в городах объявляются вне закона наравне со знако-нарушителями. И третье: в связи с подготовкой к войне ведьмы отныне включены в Зодиакальное Общество наравне с магами. Это значит, некоторые из них будут жить в Центре. Объявляется общая мобилизация, от всех хайносских магов требуется обязательное присутствие в Центре.

– Что? Ведьмы в Центре!

– Мобилизация! У нас здесь не огненный город! И мы не овны!

– Общая мобилизация, – уточнил глава. – Значит, касается всех, не только овнов и иже с ними. Что до ведьм... прежде нам приходилось мириться и не с таким. Вероятно, это временные меры.

По окончании собрания, уже почти достигнув громоздкой мраморной лестницы, Сэвезмунт кинул на Лэунда горделивый взгляд и спросил:

– Ну что? Как ощущения от первого в жизни собрания?

– Как будто на рынке побывал, – буркнул юноша, исполненный чувства разочарования. – Это какой-то балаган... Что-то среднее между кучкой спорящих детей и балаганом.

– Ладно тебе, – Сэвезмунт неожиданно рассмеялся. – Сегодня по крайней мере никто не подрался. Тебе следовало родиться на пару столетий пораньше – то были собрания! В главном Центре все, конечно, и теперь происходит совсем иначе... кто знает, может, тебе удастся когда-нибудь там побывать. Хотя вообще-то, в этот раз все прошло довольно прилично. Но, полагаю, это целиком заслуга Ивсарши.

– Ивсарши? – юноша нахмурился, уже догадываясь, однако, о ком идет речь. – Кто это?

– Ивсарша, – поправил его Сэвезмунт. – Она из Второго мира. Ее отправили в главный Центр, чтобы вести переговоры, но пока она остановилась у нас и пожелала присутствовать на собрании. Думаю, мы несколько подпортили ей впечатление – во Втором мире совсем иное отношение к обращенным. Надеюсь, это не повлияет на ход переговоров – только врага в лице Второго мира нам не хватало.

– Почему же глава позволил портить впечатление? – спросил юноша вместо этого. – И что за такое отношение к обращенным у Второго мира?

– Глава очень молод, – Сэвезмунт вздохнул. – Моложе всех, кого я знаю на этом посту. Он допустил ошибку и сам это понял. Что касается обращенных... Во Втором мире им стараются оказывать помощь. Ищут заклятия, нагружают магов и ведьм, но совершенно без толку. Пока еще не нашли никаких заклинаний, способных вернуть их к прежней жизни, и во Втором мире паника. Поэтому мы решили пойти по пути Первого мира в этом вопросе.

Лэунд кивнул, жадно впитывая информацию.

– Как вообще появляются обращенные? Я слышал, это связано с ведьмами...

– Это происходит по-разному. Я расскажу тебе как-нибудь позже... Но знаешь, что интересно? – глаза Сэвезмунта хитро блеснули. – Их существование является доказательством того, что знак зодиака – неотъемлемая часть человека. Раз даже обращение не способно его отнять.

Юноша нахмурился, не вполне удовлетворенный ответом. Сэвезмунт явно темнил, и Лэунд подумал немного поговорить об этом с Вайшасом или Тио, если удастся.

Маг и ученик поднимались по лестнице. На середине ее Лэунд оглянулся и увидел, что один из каменных львов у ее подножия умывается, тщательно облизывая мраморную лапу. Проходящих мимо магов это отчего-то совершенно не занимало.

Ученик мага: часть третья

Их с Сэвезмунтом отбытие было запланировано на конец первого подзвездия засушливого сезона. В это время в Хайносе и его окрестностях было еще очень жарко, и Лэунд все свободное время бродил по залитым солнцем прохладным залам – выходить на раскаленные городские улицы ему совершенно не хотелось. Иногда Сэвезмунт звал его в Северный зал и показывал некоторые заклятия; в основном это были действия, которые он мог бы совершить без помощи живой реки – короткие перемещения предметов, их изменение или вызов пламени. Для этого приходилось детально представлять себе процесс. И верить в достижимость результата. И если с первым у Лэунда трудностей не возникало – на недостаток воображения он никогда не жаловался – то второй пункт вызывал существенные затруднения. Как можно создать пламя из ничего? Даже иллюзию пламени?

Живая река вообще была странной. Лэунд, чем дальше, тем больше понимал, что писать книги о ней совершенно бесполезно, а маги, которые пытались это делать – не то безумцы, не то идиоты, потому что как вообще возможно н а у ч и т ь взаимодействовать со вдохновением? А на проверку это оказалось именно то, на что больше всего походила живая река, хотя авторам изученных Лэундом трактатов не приходило в голову употребить такое слово, как "вдохновение". Впрочем, попытки описать магию были не менее глупыми, чем создавать о ней книги.

У нее не было почти никаких точных законов, и все же она определенно не позволяла создавать "из ничего", она лишь меняла материальное и меняла спонтанно, как придется, иногда таким причудливым образом, какой Лэунд и вообразить не мог. "Это потому, что ты не знаешь, чего хочешь получить на выходе", – говорил Сэвезмунт. Лэунд был уверен, что знал. Но он говорил, что хочет получить огонь, и в руки ему раз за разом падало огниво. Он не знал, где живая река их берет в таком количестве и кто при этом терпит убыток, и вообще старался лишнего об этом не думать.

Дни шли один за другим, похожие друг на друга, как братья-близнецы, но это больше не вызывало знакомых тошноты и скуки – Лэунд был полностью поглощен мыслями о грядущем путешествии и изучением живой реки. Настолько, что совсем позабыл о Тио, Маре и обращенных. Новость о том, что испытание Тио назначено примерно на то же время, что и их с Сэвезмунтом отбытие, пролетела, едва коснувшись Лэунда. И, как оказалось, зря.

Тиоре и Маррель пришли в его комнату ближе к концу подзвездия, в душные вечерние сумерки. На покрасневшем лице Мара сияли страх и непонимание, на мелово-бледном лице Тио – страх и мрачная решимость.

Лэунд, открыв им дверь и окинув парочку беглым взглядом, даже не сразу сообразил, какой вопрос надо задать. Что произошло? У кого трагедия? Кто умер? Конец света в конце подзвездия или раньше? Первый был самым простым, зато последний лучше всего соответствовал ситуации.

Мар и Тио тоже не спешили внести ясность – они молча вошли и молча сели на кровать Лэунда. В комнате стало тесно от незримо клубящихся эмоций.

– Что-то произошло? – спросил Лэунд.

– Она, – начал было Мар, но голос его сорвался на шепот.

"Она" – это, конечно, Тио. И вид у обоих был такой, словно она больна некой неизлечимой болезнью. Предположительно больная подняла голову, мрачно взглянула на Лэунда и, выждав эффектную паузу, произнесла:

– Я собираюсь покинуть Зодиакальное Общество.

Фраза едва ли была менее эффектной, чем пауза.

– Э-э-э, – ответил ей Лэунд и глупо спросил:

– Зачем?

Вопрос, пожалуй, с лихвой выражал всю его растерянность. И правда, было совершенно непонятно, зачем. Существование в составе Зодиакального Общества сулило безбедное будущее – что будет делать Тио, оказавшись в обычном мире? Да и зачем ей вообще там оказываться?

– Чтобы быть свободной, – девушка пожала плечами. – Мне не нравится, что происходит. Ты был на собрании?

– Видел я это сборище, – Лэунд фыркнул. – И что же?

– Объявляют всеобщую мобилизацию, ты что, не слышал? – зашипела Тио. – Или в твоей голове больше ничего, кроме голоса твоего знаменитого наставника?

– Про нее уже больше дюжины дней весь Центр говорит, – вставил Мар, заставив Лэунда залиться краской стыда.

Эта новость его и правда не особенно волновала – хотя должна бы!

– И обращенные, – продолжила девушка, – они приравнивают их к искусственно созданным магическим созданиям, ты слышал? Они не считают их людьми. Они объявляют их вне закона! Сами натворили дел, и теперь отказываются подбирать за собой мусор! Это отвратительно.

– Может, поэтому тебе стоит остаться в Центре, Тио, – проговорил Маррель. – Ты станешь магом и, может, сможешь что-нибудь изменить. Ты знаешь, я тебе помогу.

– Здесь ничего не поменяешь, – девушка помотала головой. – Насчет обращенных, они уже решили. И Первый мир... Пока мобилизуют только магов, но я боюсь, что старшие ученики тоже могут попасть под закон, если будет что-то серьезное. Мы должны изучать живую реку, а вместо этого воюем... Живая река не для войны! Я не хочу ни с кем сражаться. Я не могу остаться. Но ты не обязан уходить тоже. И если ты останешься и будут проблемы с заданиями, можешь писать мне письма или...

– Да причем здесь задания! – взвыл Мар, бросая на нее полный печали взор.

– В смысле? – Тио непонимающе на него покосилась. – Я думала, ты расстроен из-за этого...

Лэунд закатил глаза.

– Только не говорите, что пришли сюда устраивать романтические сцены.

На последних словах Мар, вспыхнув, умолк, а Тиоре метнула в сторону Лэунда колючий, полный осуждения взгляд. Удовлетворенный достигнутым эффектом, юноша продолжил:

– Вы хотите что-то донести до меня или как?

– Я ухожу. Маррель, возможно, тоже. Я хотела спросить тебя, не желаешь ли ты тоже...

– Уйти? – Лэунд нахмурился. – И что я буду делать дальше? Не забывай, в отличие от меня, ты хотя бы умеешь пользоваться магией...

– Не состоящим в Обществе это все равно запрещено, – пожала плечами Тио.

– Нет, – покачал головой юноша. – Я остаюсь. Я отправляюсь на задание с учителем, так что мобилизация мне пока не грозит. Дальше – посмотрим. А обращенные... Не пойму, почему это тебя вообще так волнует.

– Ты серьезно? – Мар уставился на Лэунда круглыми, полными осуждения глазами.

– Вот-вот, – кивнула Тио. – Ты знаешь вообще, кто они такие?

– Ну... люди, потерявшие имена из-за своей глупости, неосмотрительности или гордыни, – неуверенно проговорил юноша. – Это происходит в результате заключения договора с ведьмой. После этого душа обращенного перемещается в тело Тени – что человек без прошлого, если не Тень? – а прошлое остается у ведьмы. Вроде все.

– Совсем не все, – фыркнула девушка. – Точнее, не все правильно. Хотя многие так и думают. Обращенным может стать кто угодно, Лэунд. Не только тот, кто вел себя как-то не так. Ведьмы причастны далеко не всегда, хотя иногда к ним и правда приходят такие, что думают,

будто от прошлого можно запросто отказаться. А иногда это происходит при встрече с Тенью, и никто не знает, куда уходят воспоминания этих людей. А еще... думаешь, почему маги так долго живут? Уж не за счет ли чужого прошлого?

– Нет. Шимхаровы сплетни, – юноша отступил на шаг назад. – Это живая река!

– Живая река не продлевает так сильно жизнь, – сказал Мар. – Даже я это знаю.

– Продлевает! Она может даже даровать бессмертие. Я читал, – сбивчиво заговорил юноша.

– Не может, – упрямо сказала Тио. – Магия не может всего. Тем более – сделать кого-то бессмертным. Если ты читал, может, вспомнишь, что там было за заклятие?

– Я не помню, но это возможно, – вскипел Лэунд. – Живая река делает возможным что угодно!

Безразличное выражение лица девушки выводило его из себя – казалось, она вообще не реагирует на его реплики.

– Я не вижу смысла продолжать спор, – Тио пожала плечами. – У нас обоих нет доказательств. Ты не помнишь то заклятие, я не ловила за руку мага с чужой нитью прошлого. Пусть каждый останется при своем.

Они с Маром поднялись почти синхронно и двинулись к двери, слишком тщательно обходя Лэунда, словно тот был им не совсем приятен.

Уже на пороге его комнаты Тио вдруг обернулась.

– Просто помни, так, на всякий случай, что есть и такой выход, – сказала она. – И что магия все-таки не может всего. И про обращенных.

– И можешь писать вот на этот адрес, – добавил Мар и сунул в руку Лэунду смятую бумажку. – Я пока не уверен, что тоже уйду, но... И еще никому ни о чем не скажи.

– Я не скажу. Удачи, – растерянно проговорил юноша – Пусть ваш путь будет путем солнца. По возможности.

– Он будет таким, – сухо сказала Тио.

– И твой, – живо отозвался Мар.

Дверь захлопнулась за ними, и вместе с нею будто бы закрылась дверь в его старую жизнь. В жизнь, в которой все было гораздо понятнее и спокойнее – хотя он сам и жаловался на скуку. Разговор с учениками Вайшаса посеял в нем страх и тревогу, и будущее, совсем недавно казавшееся ярким и удивительным, предстало пред ним в ином свете. Смутное, темное, неизвестное, оно дышало холодным ветром вопреки Хайносской жаре, и Лэунду было страшно шагать ему навстречу. В этом будущем была новая война, и маги, ворующие нити чужого прошлого, и младшие ученики, бегущие из Зодиакального Общества, не желая взойти на новую ступень. И он оказался совсем один, лицом к лицу с этим пугающим мраком. У Лэунда вдруг защемило в груди от невыразимой тоски, и он почему-то вспомнил своих родителей, и сестру, и младшего брата, и маленький город на границе Первого и Второго миров, где они жили все вместе. Если бы рядом с ним был теперь хоть кто-то... Где они теперь? Почему они забыли о нем? Он подошел к окну и, отодвинув занавеску, распахнул окно в теплую ночь, прислушиваясь к пению цикад. В Хайносе они стрекотали днем и ночью, но увидеть их было почти невозможно, только на древесных стволах попадались иногда серебристые скульптурки сброшенных шкурок. Первое время в Центре Лэунд, приехавший с севера, никак не мог привыкнуть к этим звукам, теперь же он приучился почти не замечать их. Юноша облокотился о подоконник. Цикады пели, небо колосось звездами, среди которых не было его созвездия. Впрочем, даже если бы найти его оказалось возможным – он знал – это все равно бы не помогло. Над плечом Лэунда незримо склонялась Тень, пронзая холодным взглядом самую его душу. Юноша не видел ее, но чувствовал так, как если бы она и правда находилась в его комнате – и Лэунд вдруг понял, что как-то так, должно быть, и становятся обращенными. Страх перед будущим заставляет отказываться от прошлого, от имени, от всего и тогда...

Но не значит ли это, в таком случае, что обращенным и правда может стать каждый, как сказала Тио?

Нет, нет, не может быть так – у этого тоже должны быть свои законы, как те, что определяют поведение и предназначение людей, согласно знакам зодиака. Он, будущий маг, он выше, сильнее других, он знает больше, с ним не может подобного произойти. Он просто устал – только и всего.

Утро немного взбудрило его, отогнав весь тот мрак, что принесли разговоры с Тио и Маром. Тени, обращенные, война – все это оказалось вновь страшно далеко, а он опять был под защитой Центра. Невозможно слишком долго тяготиться подобными мыслями, когда тебе пятнадцать, все вокруг залито солнцем, впереди тебя ждут немыслимые приключения, а температура воздуха на улице доходит до сорока градусов. Как минимум, придется размышлять еще о том, как и где спастись от жары. Сэвезмунт также развеял значительную часть его страхов, сообщив, что женщина по имени Ивсарша все-таки уехала в Цетхот для переговоров, а отношения с Первым миром временно немного сгладились.

Ученики Вайшаса исчезли спустя полдюжины дней, и их искали, но не особенно усердно. Даже сам Вайшас не старался, да и вид у него был такой, словно он знает, в чем дело, и изображает обеспокоенность только для вида. Лэунда никто ни о чем не спросил, а он сам не делился информацией, как и обещал. Спустя еще полдюжины дней после этого Сэвезмунт сказал ему собираться. Лэунд покидал в рюкзак свои немногочисленные пожитки – одежду, одеяло, фляжку, письменные принадлежности, набор карт Большого материка и старый кинжал, подаренный ему когда-то отцом.

Сэвезмунт ждал его в северном зале еще до рассвета, даже не опоздав – должно быть, ему тоже не хотелось путешествовать в самое пекло. Для мага это было бы вовсе невыносимым – в любую погоду он был вынужден носить закрытую одежду, поскольку его кожа не выдерживала даже короткого пребывания на солнце. Лэунду с этим повезло гораздо больше: как и коренные жители Хайноса, он был смуглым и темноволосым, и яркое солнце переносил без особенного труда, хотя и не очень любил его.

– Прежде чем мы уйдем из Центра, – проговорил юноша, когда они спускались по ступеням главного здания. – Я хочу спросить...

Он боялся спрашивать. Прежде Лэунд задавал Сэвезмунту этот вопрос в каждом отправляемом письме, но тот ни разу не отвечал на письма. Возможно, это неспроста. Юноша бросил на Сэвезмунта осторожный взгляд. Тот пребывал в каких-то других мирах, поэтому Лэунд сказал, уже громче, привлекая внимание учителя:

– Сэвезмунт!

– Да? – рассеянно отозвался маг.

– Сэвезмунт! – на всякий случай повторил юноша.

– Моя семья...

– Я ничего о них не знаю, – покачал головой Сэвезмунт. – Между Первым и Вторым миром было множество стычек пять лет назад, а тот городок прямо на границе. Я там был, но от него почти ничего не осталось. Жаль это говорить, но либо их смело вместе с городом, либо они успели уехать куда-нибудь далеко. Твой отец военный... Не знаю.

Сожаление Сэвезмунта было вымученное, фальшивое, он просто не мог сожалеть, но знал, что должен, и пытался изобразить правильную эмоцию. Но с каждым его словом росло понимание Лэунда. Они не бросали его – либо их нет, либо нет возможности писать ему. Стычки на границе... В течение пяти лет, проведенных в спокойном Хайносе, он почти ничего не знал о событиях во Втором и Первом мире. Не знал он теперь и того, что то, что Сэвезмунт называл стычками на деле было самой настоящей войной, окончившейся поражением Первого мира, но разрушительной для обоих государств. Было еще многое из того, что он не знал, но это по большей части не волновало его.

– Они могут быть живы? – спросил Лэунд, едва не споткнувшись на ходу.

Сердце выбивало ритм, как шаманий бубен. Лэунд не был потрясен – он подозревал это раньше, не желая верить, однако чувство утраты никогда прежде не было таким острым, как теперь.

– Не знаю, – пожал плечами маг. – Я не хочу давать тебе ложной надежды.

Больше он ничего не сказал об этом. Однако для рождения ложной надежды было достаточно и сухого "не знаю". Они могут быть живы, хоть кто-то из них! Пусть Сэвезмунту нужна Душа Мира – что ж, его, Лэунда, это не волнует, у него отныне будет своя цель. Чувство утраты оказалось несложно заместить мрачной решимостью.

Они покинули спящий Хайнос, объединенные общей дорогой и разными целями. Город остался позади, с его великолепными храмами и трущобами, жалкими и вонючими настолько, насколько прекрасны и благоуханны были храмовые сады. А впереди простирался мир, полный Теней, обращенных и рассветного солнца. Мир певучих древних легенд, зажатых в острых зубах реальности.

Где-то в этом мире лежал конец их пути.

Из двух зол: часть первая

С тех пор, как началась эта эра, темная эра, век людей, подчиненных сияющим существам Иного мира, нареченных созвездиями, он ловит их одного за другим. Они так легко попадают в сети обещаний и такими покорными становятся, если убаюкать их ложной надеждой или создать им простой и понятный мирок. Пусть в этом мире будет трудно жить, зато его правила просты, как пустые страницы. Он никогда не лжет им, нет. Иногда он не говорит всей правды, но они согласились бы на сделку, даже если бы он сказал.

Нэинри, заскользив по мокрой земле, спустилась с откоса на усыпанную сосновой хвоей дорогу, змейкой теряющуюся среди деревьев, и остановилась рядом с Осколком Тьмы. Чего ей хотелось теперь больше всего, так это запихнуть события последних дней обратно, в глубину мироздания, туда, откуда они взялись. Она категорически не была готова к происходящему – к такому вообще никто и никогда не бывает готовым. Мир оказался слишком большим, законы его слишком непонятными, а знания самой Нэинри – слишком ничтожными, чтобы как-то во всем этом разобраться. Знания Осколка Тьмы и Аскеля тоже доверия не внушали, особенно если учитывать тот факт, что они втроем четвертый день блуждали в лесах, и только теперь, совершенно случайно, им удалось выйти на незнакомую дорогу, ведущую в неизвестном направлении.

Аскель ураганом вылетел из леса следом, ломая по пути сучья, разбрасывая ветки и пыхтя, как десяток старых ежей. С ветки с громким бормотанием сорвалась птица, испуганная его неожиданным вторжением.

– Я предлагаю, – сказал мальчик, и в голосе его заметно сквозила усталость, – пойти по этой дороге. Мы уже два-три... четыре дня бродим в лесу. Хватит! Мы ведь не лесные духи, чтоб остаться тут навсегда, а? Дорога куда-нибудь приведет, мы найдем там людей и спросим, где мы и как нам отыскать эту ведьму.

– Нам следует быть осторожными, – ответила ему Нэи. – Наткнемся на водную деревню...

– Там даже никто не поймет, что я овен! – перебил ее Аскель. – В таких местах почти никогда нет ведьм – та, которую мы ищем – исключение – наврем что-нибудь, не впервой. Хватит лесоблужданий! Все! Я протестую! И объявляю забастовку! И голодовку!

Вообще-то Нэи и не собиралась с ним спорить – лишь высказывала опасения, но подобные вспышки брата всегда разжигали в ней ответный протест.

– Твое право, – девушка с деланным безразличием пожала плечами. – Еды и так немного – мне больше достанется...

– А кто сказал, что я объявляю свою голодовку? – огрызнулся мальчик. – Вот съем ночью все припасы – вам придется пойти в деревню, и не важно, хотите вы этого или нет... А ты чего молчишь, Осколок Тьмы?

Обращенный, все это время дипломатично хранивший молчание, рассеянно посмотрел сначала на Аскеля, потом на Нэи, и, наконец, спросил:

– А? О чем вы говорили?

Аскель вымученно воззрился на сестру и печально оповестил ее:

– Это настоящий кошмар. Мы теряем его изо дня в день. Он уходит куда-то и даже ничего не говорит нам – а там ведь, может быть, есть что-то полезное.

– Нет там ничего полезного, – буркнул Осколок Тьмы.

Нэи подумала про себя, что даже если бы и было, то говорить об этом все равно не стоит. За последние четыре дня ее страх перед Осколком Тьмы немного поубавился, но что у него на уме – это для Нэи все равно оставалось недосягаемым. Наверняка что-то жуткое, и от мыслей об этом становилось неприятно и любопытно одновременно.

– Мы вообще-то обсуждали, идти нам этой дорогой или нет, – сказала она вслух.

– Ну, если не пойдём, то снова заблудимся, – пожал плечами обращенный. – Я не знаю этих мест.

– О, это мы уже заметили, – громко сказал Аскель и зарылся носом в воротник куртки, рассыпая вокруг себя невидимые искры раздражения.

Они побрели вперед по дороге. Если отстраниться от обстоятельств, можно было счесть, что день хорош. В лесной тени царила приятная прохлада. Ветви деревьев соприкасались в вышине, образуя над дорогой арку, и солнечные лучи тонкими струйками проникали сквозь их сплетение, изливаясь на лесную дорогу. Хвоя пахла сладковато и терпко. Лес нашептывал что-то голосами листьев, веточек и незаметных детей Иного мира, прятавшихся в его глубине. У Нэи в свете этой идиллической картины даже немного наладилось настроение. Они непременно найдут ведьму по имени Граноенмару, а та поможет им отыскать Селлу. А может – если совсем повезет – она даже будет что-нибудь знать о родителях Нэи – ведьмы на то и ведьмы, что обо всем ведают. Впрочем, на последнее девушка особенно не рассчитывала, а в глубине души даже боялась – вдруг новое знание лишит ее надежды?

Дорога, между тем, становилась все уже и уже, зарываясь в травы, палую листву и заросли папоротника. Очень скоро она исчезла совсем, превратившись в маленькую, едва заметную тропинку, петлявшую среди древесных корней и уводившую куда-то совсем далеко, в чашу леса. Они остановились и снова повздорили, решая, идти ли им дальше или повернуть назад, и в конце концов выбрали все же следовать тропинке – она была как раз одной из тех дорог, которые ведут к ведьминым лавочкам или еще куда похуже. Лес вновь сомкнулся за их спинами, и Нэи ощутила неприятное уныние – дорога казалась ей чем-то принадлежащим человеческому миру и от того внушала надежду, а теперь им вновь предстояло плутать среди повторяющихся зарослей папоротников и одинаковых сосновых стволов. Аскель мгновенно убежал куда-то вперед, распугивая птиц и маленьких животных, стремительный и шумный. Брата всегда было много, и чем меньше людей окружало мальчика, тем больше его становилось – казалось, он целиком заполнял предоставленное ему свободное пространство, как если бы был воздухом. Но в отличие от воздуха, Аскель был громким. Любой, кто мог слышать, как они идут по лесу, не имея возможности видеть, подумал бы, что их как минимум человек шесть, а вовсе не трое.

Осколок Тьмы наоборот плелся чуть позади, передвигаясь так тихо, что на слух невозможно было обнаружить его присутствия: вот уж кто воистину был частью леса, даже дети Иного мира принимали его, как родного. Нэи шла посередине и раздраженно пинала ветки и камешки, попутно прислушиваясь к многочисленным лесным звукам.

– Смотрите! Мне кажется, там дом! – закричал вдруг Аскель откуда-то из лесных глубин.

Нэинри ускорила шаг и быстро нагнала его, но дом увидела далеко не сразу. Вернее, увидеть-то она увидела, но для того, чтобы принять это сооружение за дом, требовалось обладать изрядной наблюдательностью и, вероятно, иметь какой-то совершенно особенный вид мышления. Больше всего сооружение походило на обычный моховой холм. На его горбе вполне уверенно себя чувствовали папоротники, кустарники и две небольшие дикие накхары – лишь внимательно приглядевшись, возможно было заметить под холмом ряды деревянных досок и слабо поблескивающие оконца.

– Наверное, он давно уже заброшен, – неуверенно сказала Нэи.

– Лучше проверить! – живо отозвался Аскель, почти приплясывавший на месте от нетерпения. – Идем!

Они спустились в овраг и скоро вплотную подошли к странному дому. Для того, чтобы найти дверь, потребовалось некоторое время – она была наполовину скрыта диким виноградом и лоскутьями свисающего с козырька мха. Крыльца, само собой, не было.

Нэинри осторожно постучала в дверь, но ей никто не ответил.

– Эй! Есть здесь кто? – позвал Аскель, но ответом ему также была тишина.

– Посмотри, какое все заросшее, – проговорила Нэи. – Наверняка здесь давно уже никто не живет. С другой стороны, тогда бы и тропинка заросла, а ее еще видно...

Осколок Тьмы тем временем старался заглянуть в дом сквозь мутное оконное стекло.

– Ну, видно что-нибудь? – спросила его девушка, подходя ближе и заглядывая через плечо.

– Ничего, – обращенный покачал головой. – Окно изнутри занавешено.

Нэи и сама теперь видела пеструю ткань какой-то тряпки, закрывавшей обзор.

– И что нам делать теперь? – проговорил Аскель, недовольно вскидывая голову.

– Идти назад тем же путем! – выкрикнул незнакомый голос.

Все трое, кажется, обернулись одновременно – впрочем, Нэи не обратила на это внимания. Говоривший осторожно выскользнул из зарослей папоротника и остановился перед ними, уперев одну руку в бок, другой он придерживал перекинутую через плечо огромную бесформенную сумку.

Незнакомец оказался очень юным, едва ли старше самой Нэи, довольно высоким и крепко сложенным. Волосы его были пепельные, короткие и торчали неряшливым ежиком; из-под бровей, норотивших встретиться над переносицей, смотрели внимательные светлые глаза. Лицо казалось каким-то рубленным, тонкий рот изгибался в улыбке-усмешке, нос выглядел неестественно искривленным, и Нэи почему-то подумала, что парень этот наверняка сломал его в драке. Незнакомец не казался красивым, но некое обаяние в нем было – так выглядят люди, искренне уверенные в собственном превосходстве.

Одет он был неброско и небогато, только на плечах его горел ярко-красный плащ, впрочем, порядком потрепанный. Плащ Нэи узнала сразу – такие носили охранники в огненных городах; в другое время ей стоило бы этого парня поостеречься, но они были не на территории огненного города, стало быть, его закон не властен сейчас над нею.

– Ты еще кто? – настороженно спросил Аскель, на всякий случай подбираясь поближе к сестре.

– Я весы, – спокойно сказал юноша. – А зовут меня Физерд. А вот вы кто такие?

– Меня зовут Нэи, и я рак, – проговорила девушка, понадеявшись мысленно, что Аскель не станет говорить о своем знаке зодиака. – Ты здесь живешь?

– К счастью, нет, – юноша весело рассмеялся, поправляя сползающую с плеча сумку, и сразу стал еще более обаятельным, чем был. – Я прихожу сюда каждый день. Здесь живет человек по имени Олекайн. Мне нужно было кое-что у него узнать, и он согласился дать мне информацию, если я буду на него работать. За каждые три дня он платит мне одно слово.

– И долго ты сюда ходишь? – недоверчиво спросил Аскель.

Физерд обезоруживающе улыбнулся и взъерошил ладонью ежик пепельных волос.

– Уже почти полгода как.

– Полгода? – воскликнула Нэи. – И за это время ты ничего не узнал? Это же очень долго!

– Ничего не поделаешь, – юноша пожал плечами. – Олекайн вставляет очень много междометий и лишних слов. Но я уже близок к ответу...

При этих словах веселость слетела с его лица, как карнавальная маска по окончании праздника. Тонкий рот, искаженный хмурой гримасой, превратился в ломаную линию.

– Вообще-то, я поэтому и говорю вам уходить, – признался Физерд. – Вам тоже что-то нужно узнать, раз вы сюда пришли, а Олекайн за так никогда никому ничего не скажет и не сделает – всегда требует плату. Ты к нему приходишь, и каждый раз кажется, что вот-вот все узнаешь, последнее слово осталось, и отработать надо последний раз. А в итоге опять ничего не узнаешь, опять не хватает последнего слова, и приходишь вновь. Я знаю тех, кто работает на него долгие годы...

– И ты все равно приходишь сюда? – вступил в разговор молчавший до сих пор Осколок Тьмы.

– Да, а что делать? Олекайн единственный, кто... – юноша запнулся на полуслове, очевидно разглядев наконец собеседника.

Физерд нахмурился, на его щеках заиграли желваки, а сам он неуверенно попятился назад.

– О? боги, – выговорил наконец юноша. – Великий Норуум! Какой... Как... Что ты такое?

– Кто, – хмуро поправил обращенный, – кто, а не что. Я змееносец, и меня зовут Осколок Тьмы.

– А я Аскель, – наплевав на своевременность, вклинился нэин брат. – Приятно познакомиться! Ты вроде разговорчивый, это хорошо, будет с кем поболтать – эти двое все молчат да молчат.

Нэинри про себя поблагодарила брата, который про свой знак зодиака действительно ничего не сказал.

– Ты Тень? – юноша продолжал внимательно разглядывать Осколка Тьмы, кажется, немного справившись с собой. – Но ты мелковат для Тени... Или тебя просто в саже вываляли?

– Я не Тень, и ни в чем меня не валяли, – змееносец сделал шаг назад, зарываясь носом в ворот плаща.

– Он обращенный, – подала голос Нэинри.

– Хм, – Физерд задумчиво почесал затылок. – Никогда о подобном не слышал. Он странно выглядит. Но он не опасен?

– Еще слово, и ты узнаешь, опасен я или нет! – выкрикнул Осколок Тьмы, сжимая кулаки.

Нэинри, не ожидавшая от него такой вспышки, удивленно обернулась. Обращенного трясло от злости и напряжения, и этого не могла скрыть даже мешковатая одежда; смотрел он зло и с каким-то пугающим отчаянием. Девушка поняла, что если Физерд скажет что-нибудь еще, Осколок Тьмы, наверное, действительно станет опасным – потому что совершенно непонятно, чего от него ожидать. Она уже начала лихорадочно придумывать, как бы половчее сгладить конфликт, однако Физерд не дал ей и рта раскрыть.

– Э, нет, приятель, – он примирительно поднял руки и широко улыбнулся, демонстрируя крепкие белые зубы. – Никаких драк. Мне еще сегодня дела делать, да и ты такой мелкий, что... Ладно-ладно, не смотри так, я же не говорю, что это плохо, верно? Не всем же быть высокими, как я. У меня никаких предрассудков. Люди... э-э-э, обращенные такого роста тоже зачем-то нужны.

Осколок Тьмы немного расслабился, но тираду эту слушал с явным неудовольствием; его продолжало потряхивать. Вместе с ним раздражался Аскель, который тоже не вышел ростом и терпеть не мог, когда кто-то ему об этом напоминал.

– Слушай, ты не знаешь, где можно найти ведьму по имени Граноенмару? – перебила его Нэинри, чувствуя, что ситуация накаляется все больше и больше, а Физерд – явно из тех, кто обладает крайне низкой чувствительностью к температурам.

– Ведьму? Нет, ничего не знаю. Извини, но я таким не интересуюсь, – с видимым отвращением выговорил юноша. – Они же почти все земляные. Ты вообще их видела, земляных-то? Они низкие, как пеньки, и когда ходят, накрываются, точно коромысло, то на один бок, то на другой. И характер. Вы, раки-скорпионы, конечно, тоже не дары Акраны, но с вами хоть разговаривать можно, а эти... Я вот знаю один случай...

– Подожди-подожди, – Нэинри, изо всех сил стараясь не раздражаться, поторопилась прервать его речь. – Ты не подскажешь, как пройти к ближайшей деревне?

– К ближайшей? Ближайшая деревня – моя, но до нее идти почти дня два, – Физерд улыбнулся виновато. – А еще она огненная, так что на твоём месте, подружка, я бы туда не совался. И о ведьмах тебе там уж точно ничего не скажут.

– Вот как, – девушка понуро наклонила голову, а потом обернулась к спутникам.

– Ну, что будем делать? – хмуро спросил ее Осколок Тьмы. – Если доберемся до огненной деревни, я или Аскель сможем туда сходить и что-нибудь разузнать...

– Если они все так относятся к ведьмам, то в этом нет никакого смысла, – Нэи пожала плечами. – Нам действительно ничего не скажут. Похоже, придется подождать, пока вернется этот Олекайн.

– И что, мы тоже наймемся к нему работать на годы? – жалостливо проговорил Аскель. – За слова? Так и вся молодость пройдет мимо...

– Если вы так сделаете, я с вами не останусь, – твердо сказал обращенный. – У меня нет на это времени.

– Я тоже этого не хочу, – быстро ответила им Нэи. – К тому же, у нас и возможности нет: наших денег надолго не хватит. Мы просто попытаемся, и все...

– Я бы на вашем месте не стал здесь оставаться, – серьезно проговорил Физерд и тут же, Жизнерадостно улыбнувшись, прибавил:

– Но вижу, вас не отговорить. Может, сыграем в карты? У меня есть с собой.

– О, давайте! Давайте! – оживился Аскель, будто бы позабыв обо всем, что новый знакомый говорил про земляных знаков и про людей невысокого роста. Осколок Тьмы на это уныло кивнул. Нэи пожала плечами, подумав про себя, что с Физердом стоит быть поосторожнее – все-таки он охранник.

Они уселись у порога хижины, расстелив на земле плащи, и Физерд тут же принялся раскладывать карты, при этом не переставая что-то рассказывать. Карты падали на алую ткань охранничьего плаща, вспыхивая яркими рубашками – видно было, что они очень старые, но красивые и дорогие. Может быть, когда-то их даже использовали в колдовских целях. Кусочки биографии Физерда, напротив, казались мрачными и тусклыми, хоть и изрядно были сдобрены шутками – это больше всего походило на попытку плохого повара спрятать неприятный вкус блюда за острыми специями.

За последние несколько часов они выяснили, что Физерд живет с отцом и прабабушкой, и что у него есть взрослая старшая сестра, которая уехала работать в Центр Таека – довольно крупного воздушного города – и с тех пор видеть свою семью не желает, хотя исправно присылает деньги. Судя по рассказам, прабабушка была почти слепая и глухая, а отец – явно не в своем уме. Также выяснилось, что юноша умеет играть на гитаре, хотя поет очень скверно – в этом он признался сам – и именно за музыку Олекайн платит ему словами. Что такое Физерд хочет узнать, Нэи выяснить так и не удалось – юноша мгновенно соскальзывал с темы и принимался с утроенным старанием вести сторонние монологи, стоило ей подобраться к этому вопросу. При этом он грустнел, брови, похожие на серые птичьи перья, печально взлетали вверх, лицо принимало виноватое выражение, а рука ерошила пепельные волосы – этот жест, очевидно, означал смущение.

Они втроем поделили еду, и Физерд с неожиданной щедростью нарезал им принесенного с собой копченого мяса. Нэи подумала, что он ей нравится, даже несмотря на невнимательность и бесцеремонность. По крайней мере, он казался честным, а это качество Нэи ценила в людях больше всего. К этому времени солнце уже начало заходить за лес, и его лучи бросали на землю янтарные полосы.

– Ну, – с набитым ртом проговорил Физерд. – А вы-то сами откуда?

– Из водяной деревни, – живо ответил Аскель, обретший наконец благодарного собеседника. – Там был пожар, и мы с Нэи потеряли женщину, у которой жили. Не знаем, где она и жива ли вообще... Поэтому мы ищем ведьму по имени Граноенмару – она должна нам помочь, но мы заблудились, и оказались здесь. А Осколок Тьмы просто пока путешествует вместе с нами.

– Мне нужно вернуть мое имя, – вставил обращенный.

– Вот как, – Физерд нахмурился, и серые перья почти сомкнулись над переносицей. – Не знаю, как насчет тебя, змееносец, но вот вам двоим лучше бы было оставаться около деревни со своими и подождать ту женщину. Неужели, никто из всей деревни вам не помог бы?

– Конечно, нет! – нахмурился мальчик. – Я же овен!

– Аскель! – воскликнула Нэи, но было уже поздно.

– Овен, значит? – юноша сощурился. – Брат и сестра знаков враждебных стихий. Да еще кардинальный крест! По-хорошему мне бы следовало сообщить о вас в ближайший Центр...

Нэинри подобралась, предостерегающе сжимая предплечье Аскеля и готовясь бежать или драться, но Физерд вдруг рассмеялся:

– Но мне ведь не платят за ловлю преступников на лесных дорогах, правда? Хотя я, конечно, не считаю, что это нормально. Но когда детей отправляют за решетку, это ведь тоже ненормально, а?

– Сам ты ненормальный, – обиженно пробурчал Аскель.

– Не слушай его! – перебила брата Нэи. – Мы тебе очень благодарны, правда.

– Так вот, раз вы трое такие ненормальные, я вам расскажу, пожалуй, одну байку, – Физерд на мгновение задумался. – С чего бы начать? Пожалуй, с того, что я вам сыграю.

И он стал распаковывать свою огромную сумку. Наконец, гитара была извлечена, и Нэинри почти сразу поняла, что с инструментом что-то не так. Вернее, не так было со струнами. В наступающих сумерках они слабо светились, отливая голубоватым и поблескивая янтарными искорками, как если бы кто-то догадался скрутить сияние в нити. Физерд осторожно перехватил рукой гриф, зажал первый аккорд и пробежался пальцами по струнам; переборы тотчас взлетели в воздух невидимыми золотистыми лесенками. Нэи готова была поклясться, что это именно лесенки; она почти их увидела. А потом лесенки закрутились искрящимися спиралями и унеслись вверх, и полилась музыка, похожая на вышитое пестрыми нитками полотно. Ее было видно, она имела запах и вкус; но, хотя звучала мелодия радостно, за ней будто бы стояло что-то огромное и тяжелое, печальное, тягучее, как трясина, никак не вяжущееся с искристым золотым и синим светом. Но невидимые (или все же видимые?) лестницы аккордов все неслись вверх, и Нэинри совсем скоро об этом позабыла, жадно впитывая звуки. На какой-то миг "внешний" радостный фон будто бы поблек, и то, что скрывалось за ним, непонятное и глубокое, метнулось вперед тоскливой, вязкой волной. У Нэи защемило в груди. Вновь заплясавший веселый мотив окатил ее градом золотистых бусин, и она вдруг осталась совсем одна, оглушенная и никем не понятая, сосредоточенная на своей лишь великой печали.

Когда музыка оборвалась, на поляну, где они сидели, будто бы упала тень. Стало прохладно и очень тихо, и Нэи даже невольно поежилась, плотнее закутываясь в пальто.

– Ничего себе! – первым очнулся Аскель. – Что это такое было? Она магическая?

– Что, понравилось? – довольно оскалился Физерд, откладывая инструмент.

Мальчик радостно закивал. Нэинри не могла в полной мере согласиться с братом: легкость и свет исчезли, а вот мрачное и тягучее, прятавшееся в тени, казалось до сих пор висело над ними. На душе скребли стаи диких кошек, ей вдруг очень захотелось домой, туда, где есть Селла, туда, где тепло и свет, подальше из этого мрачного леса и огромного чужого мира.

– Нет, – сказал вдруг Осколок Тьмы. – Никогда больше не играй на ней.

Физерд на удивление совсем не расстроился, напротив, он весь подался вперед, сияя от восторга, а глаза его зажглись хищным любопытством.

– Ага, ты тоже заметил! – воскликнул он. – Молодец, змееносец.

– Называй меня Осколком Тьмы, – нахмурился тот, нервно вжимая голову в плечи.

– Это так важно? – серые перья взлетели вверх, обозначив удивление.

– Конечно, – обращенный нахмурился еще сильнее. – У тебя есть имя, а значит, есть родители, которые тебе его дали, и есть народ, который его придумал, и есть память обо всем

этом. А у меня – нет. У меня – только знак зодиака и кличка, и я даже не знаю, откуда она взялась. Но змееносцев на свете так много, и я запросто потеряюсь среди них. Кличка – единственное, что меня отличает от этих змееносцев, а я не хочу быть только знаком зодиака, и все. Поэтому зови меня так.

– О, понятно, – Физерд растерянно почесал затылок, очевидно не вполне сообразив, как реагировать на эту тираду. – Э-э-э, хорошо. Мне вообще без разницы, как звать.

– Без разницы? – пораженно прошипел Осколок Тьмы, взирая на Физерда с помесью неприязни и недоумения.

– Я тоже заметила, что с музыкой что-то не так, – поспешно сказала Нэи, ощущая, что разговор вновь пошел не в то русло.

Осколок Тьмы тем временем сокрушенно качал головой, источая ощутимые волны раздражения.

– Да ладно, – пожал плечами Аскель. – Чего вы взъелись? Хорошо ведь играет, с душой. Я сроду такой музыки не слышал.

– А это не я играю. Я так не умею. Это все струны, – Физерд тронул струны, и перед глазами у Нэи заплясали золотистые пятна. – Так вот...

В этот момент в папоротниках неподалеку раздался громкий шорох, и Физерд умолк, настороженно вглядываясь в чащу. Нэинри посмотрела в ту же сторону, и увидела тусклый рыжеватый свет, сбрызнувший сосновые стволы и листья деревьев. Некто проламывался сквозь кустарники, сипло и тяжело дыша, и этот кто-то, без сомнения, был хозяином заброшенного дома.

– Аскель, – шепнула она брату предупредительно. – Только попробуй проболтайся, что ты овен.

– Сам знаю, – неожиданно посерьезнев, фыркнул тот. – Я чай вижу, кому можно сказать, а кому – нет.

Девушка не успела спросить брата о том, откуда у него такое знание. Некто продолжал проламываться. Шума было столько, что Нэи ожидала увидеть гиганта-великана, из тех, какие склоняются в три погибели, проходя в дверной проем, рассчитанный на обычного человека. Поэтому она немного удивилась, когда из папоротников вынырнул невысокий старичок, смуглый и жилистый, похожий на пожилого койота. У него была жиденькая бородка, жидкие белые волосы, скуластое коричневое лицо и на редкость большие ладони. В когтях... В пальцах, пальцах! – он цепко сжимал керосиновую лампу.

Взглянув на Физерда, старичок-Олекайн хищно оскалился, показав неровные желтые зубы, а глаза его зажглись янтарными огоньками, ловя маслянистый свет.

– Мальчик-мальчик, – прошипел он, подбираясь ближе, – разве я не говорил тебе не играть, кому придется?

– А мы не кто придется, а хорошие люди! – вскинулся Аскель, недобро сверкнув глазами. Слова его звучали храбро, но вот голос дрожал.

– Малец дело говорит, – проговорил Физерд, хмурясь.

Олекайн провел лампой перед собой, освещая полянку, и Нэинри зажмурилась, когда свет скользнул по ее лицу.

– Только люди ли?.. – насмешливо сказал старичок, и девушка увидела, что тот смотрит на Осколка Тьмы, шурящегося от яркого света.

– Ну ладно, – проговорил Олекайн, милосердно убирая лампу, – что же вас сюда привело, когда я вас даже не звал, ночные путники? Воистину этот век – время таких как я! Да восславятся Тринадцать!

Нэинри и Аскель недоуменно переглянулись. Овен перевел взгляд на старичка и обратно и скорчил гримасу, выражающую искреннее отвращение. Нэи на это только согласно кивнула. Осколок Тьмы часто моргал и тер глаза, стараясь вернуть себе зрение после яркого света.

– Бросьте, вы мне тоже не слишком нравитесь, – фыркнул Олекайн, пружиняще обходя Физерда, запаковывающего гитару в сумку.

Больше всего он походил на хищника в засаде, хитрого, но не слишком осторожного. Он крадся, обходя их кругом, и глаза его сияли, а ноздри раздувались, втягивая запах, ведомый многим жуликам и хитрецам – запах скорой наживы. В предвкушении Олекайн едва не обливался, и удержаться от этого, верно, было для него большим трудом.

– Но мы с вами можем помочь друг другу, так я думаю, – вкрадчиво прошипел старичок. – У вас есть то, что нужно мне, а у меня, быть может, есть то, что нужно вам. Что плохого, если хорошие люди друг другу помогут?

– Вы хотите заставить нас работать за слова? – напрямую уточнила Нэи.

Старичок в ответ лающе рассмеялся и принялся размахивать своей лампой, так что в воздухе заплясали желтые дуги.

– Какая грубость, – произнес он, когда приступ бурного веселья, наконец, угас. – И какая глупость! Я никого никогда не заставляю, девочка, все ко мне приходят по собственному хотению. Вдобавок с чего ты взяла, что за одни слова? Все приходят ко мне за разным: кто ищет ответа, кто покоя – и все находят, что хотят. Правда не бесплатно... А ты разве хочешь что-то узнать?

– Хочу знать, как найти ведьму по имени Граноенмару, – ответила девушка, рассудив, что худо от одного вопроса не будет.

– Всего-то? – старичок вновь неприятно расхохотался и подбросил лампу в воздух.

Нэи вдруг показалось, что лампа полетела очень высоко, выше верхушек деревьев, и она подумала, что Олекайн лампу ни за что не поймает. Но он поймал и стал крутить ее и перебрасывать в руках, как танцовщики с огнем на праздниках крутят и перебрасывают пои. Смотреть на это мелькание было невыносимо, но и отвести взгляда не получалось, и скоро у Нэи перед глазами поплыли рыжеватые мерцающие круги. Они то расходились, то вновь собирались в расплывчатые пятна света, утыканное звездами небо качалось, сосновые кроны наверху крутились, как картинки в калейдоскопе, и Нэи поняла, что у нее кружится голова.

– Я все тебе расскажу, – нараспев произнес Олекайн, перебрасывая лампу и вновь подкидывая ее вверх. – Все, что пожелаешь. Только нужно приходить сюда каждый день и работать по чуть-чуть. Немного, пару часов в день. Представляешь, какая малость?

Нэи подумала, что это и правда малость. Но ведь и нужна ей малость – она всего лишь спросила дорогу, разве нет? Девушка опустила голову, оторвав взгляд от лампы, и стала тереть глаза в попытке избавиться от светящихся оранжевых пятен.

– Или можешь остаться прямо там, в доме, – вкрадчиво проговорил старичок. – Там многие живут. Но тогда работать придется побольше...

Эти слова немного отрезвили Нэи.

– Нет, – сказала она. – У меня нет времени.

– Странно, – проговорил Олекайн, прекращая вращение лампы. – Ну ладно. Может, у кого-нибудь еще есть вопросы?

– А, – глаза его хищно сверкнули. – Знаю!

Он вновь закрутил в руках лампу, подбираясь поближе к Осколку Тьмы.

– Обращенный! Как повезло! Конечно, ты хочешь узнать свое имя. Другого шанса у тебя может не быть!

– Потребуется много времени, – сказал Осколок Тьмы, старательно отворачивающийся от света. – Я исчезну, и ты не скажешь мне мое имя. Откуда ты вообще можешь его знать?

Олекайн громко рассмеялся, размахивая руками и скалясь.

– За все эти годы я ни разу никому не соврал, – гордо сказал он.

– Будто это может быть доказательством, – фыркнул Аскель. – Я тоже никогда не вру, но таскать варенье из кухни мне это не мешало.

– Экие несговорчивые, – ничуть не расстроившись, старичок повесил свою лампу на крючок над дверью, затерявшийся среди дикого винограда и мха, нависших над входом в дом.

И он скрылся под моховым пологом, громко заскрежетав замком, наверняка старым, громоздким и ржавым. Физерд тем временем закинул на плечо свою сумку и поднял с земли плащ, неосторожно осыпав Нэи дождем из хвои и веточек.

– Пора прощаться, – проговорил он, с сожалением оглядев троицу. – Хорошо, что вы не согласились. Скоро придут другие... Вам пора уходить.

И он исчез в недрах дома вслед за старичком. Нэи оторопело кивнула, а потом вдруг спохватилась: уходить! Но куда им идти? Опять брести в неизвестном направлении во мраке ночи, полагаясь лишь на слабый лунный свет и еще более слабое ночное зрение? Она заозиралась по сторонам, ощущая почти панический страх перед темнотой, простирающийся за границами созданного лампой светового круга. А вдруг Тени? Они не видели ни одной за все эти дни, но тем больше вероятность встретить Тень теперь, когда они, трое, куда более уставшие, чем три дня назад, являют собой легкую добычу. Нэи посмотрела на брата: тот тоже выглядел растерянным донельзя.

– Может быть, все-таки останемся хотя бы на один день? – с сомнением спросила она. – Он вроде бы ничего страшного делать не заставляет...

Оставаться дома у неизвестного человека не было хорошей идеей, но столкнуться с Тенью хотелось еще меньше.

– Он не знает мое имя, – невпопад сообщил Осколок Тьмы, глядя на нее с глубокой печалью в глазах.

– И он хочет, чтоб мы остались здесь очень надолго, – проговорил Аскель. – Может быть даже на всю жизнь. Но мне так не хочется опять идти в лес!

– И мне, – просто сказала Нэи.

Выяснилось, что бродить по ночному лесу не хочется никому, даже Осколку Тьмы. Они молча сидели на расстеленных на земле плащах еще некоторое время. Была уже глубокая ночь, зеркало Норуума заглядывало в просветы между древесными кронами, желтое, как монета. Сияние фонаря стало совсем слабым, пятно света вокруг него сузилось, и трое остались в темноте. На Нэины волосы и одежду стали садиться мерцающие светлячки. Из трубы на крыше лесного домика бежали полупрозрачные облачка дыма, ощутимо пахнувшие копотью. Ветви деревьев слабо шумели на ветру, становилось все холоднее. Зато маленькие оконца дома источали мягкое янтарное свечение, и чем дольше Нэи смотрела на этот свет, тем отчетливей ей представлялось, как тепло в доме, и тем сильнее ей хотелось попасть внутрь.

– Нэи, – позвал ее, наконец, Аскель. – Пойдем. Что толку попусту сидеть? Здесь холодно.

Осколок Тьмы молча поднялся, подобрал с земли плащ и, закинув его на плечо, выжидающе на них уставился. Из его волос торчали ветки и листья, на его одежде сидели светлячки, а глаза светились зеленым, как у ночного животного. В целом, вид был жутковатый. Аскель вскочил следом за ним, и принялся складывать в сумку разбросанные на земле вещи. Нэи стала помогать ему, и к этому моменту все трое уже знали, что в лес они не пойдут. Покончив с вещами, Нэи и Аскель переглянулись и, нырнув под полог из мха и приставших к нему листьев и веточек, вместе постучали в дверь.

Из двух зол: часть вторая

Прошло некоторое время, но им так и не открыли, тогда девушка ухватилась за дверную ручку и потянула ее на себя. Дверь оказалась не заперта, и темноту леса мгновенно прорезала полоса рыжего света; в кустах пронзительно запищал какой-то яркоглазый зверек, с шорохом убежавший в спасительную лесную темноту. Нэи осторожно заглянула внутрь дома, отодвинув Аскеля в сторону. А там...

Сначала девушка не поверила своим глазам. По правде сказать, она потом долго сомневалась, стоит ли доверять им вообще хоть когда-либо. Ее будто бы окатило теплом и золотым светом. Едва ли человеческое зрение вообще способно воспринять столько оттенков желтого и рыжего, сколько их бросилось ей в лицо в этот момент. Внутри дом оказался очень высоким, много выше, чем был снаружи, потолок уходил вверх, сужаясь и смыкаясь в одной точке, как смыкаются створки цветочной коробочки. В воздухе парили маленькие белые мотыльки – лунные моли, похожие на призраков, вырезанных из бумажных салфеток. Стены, переходящие в потолок, были устланы досками, и доски эти будто бы светились изнутри золотом и охрой – потому что иначе свету было просто неоткуда взяться. Сначала Нэи именно так показалось. Но потом она поняла, что свет идет снизу, оттуда же, откуда летят лунные моли, оттуда, где, должно быть, находится невидимый пол. У нее из-под ног вниз уходила деревянная лестница, маленькая и такая же золотистая, с тонкими извилинами перил.

Когда Нэи очнулась, оказалось, что восхищенный Аскель тоже уже давно все это наблюдает, просунув голову под ее локоть, а Осколок Тьмы мечется где-то позади, отчаянно стремясь заглянуть внутрь. Нэи подвинулась, пропуская его к проходу, и на одну жертву чрезмерного удивления в их компании стало больше.

– Может, не пойдем туда? – сказал Аскель, нерешительно делая шаг вперед. – Это точно колдовское место.

– Как будто бы там – нет, – фыркнула Нэи, указывая на лес по ту сторону дверного проема. – В лесу тоже небезопасно, а здесь по крайней мере тепло и сухо. Не будь таким трусишкой!

– Я просто пытаюсь быть разумным, – вяло буркнул Аскель, отворачиваясь.

Девушке вдруг стало стыдно. Он ее младший брат, и она в ответе за него; а вдруг с ними что-то случится здесь, что тогда скажет Селла? Что тогда себе скажет она сама? Это ведь будет по ее, по нэиной вине. Она ведь вовсе не уверена, что им ничего здесь не грозит. С другой стороны, они уже вдоволь набродились по полному опасностей лесу, а выбирая из двух зол сперва всегда смотришь на то, у которого поменьше зубов и пониже рост.

– Прости, – проговорила она. – Я тоже не знаю, безопасно здесь или нет. Но этот старик, кажется, не желал нам зла, а только хотел заключить сделку.

– Ты думаешь? – с сомнением нахмурился брат. – Ну ладно. Но если что случится, я буду тебя защищать!

Аскель выглядел так, будто воспрял духом, но Нэи знала, что он только делает вид. Притворяться он умел плохо, и беспокойство мельтешило под выражением напускного веселья, как рисунок под слоем кальки.

– Ну? Мы идем? – Осколок Тьмы стоял на первой ступеньке лестницы и с интересом смотрел вниз.

– Да, – девушка кивнула ему и подошла ближе.

Они стали спускаться, прислушиваясь к тому, что происходит внизу. Оттуда доносились приглушенные голоса людей – кажется, их было много – и звуки музыки. Музыку они узнали сразу, потому что ее невозможно было ни с чем спутать, если слышал хоть раз – то пела гитара

Физерда. Звенящий смех и тоска – за ним, золотистые лесенки, ведущие в подземелье, искристые нити бус на шее мертвеца, напускное веселье Аскеля – вот, чем была эта музыка. Нэи подумала о том, что кто-то ведь ее написал в далеком прошлом, и этот кто-то, наверное, был не совсем человек. Девушка старалась особенно не вслушиваться, поскольку помнила, что было в первый раз, когда она услышала эту музыку. Между тем, деревянная лестница уводила их вниз и вниз, и девушка поняла, что место, где живет Олекайн глубже самого огромного колодца. Может быть оно и вовсе бесконечное, как мир. Лунные моли летели вверх, словно ромашковые лепестки, Нэи смотрела вниз и не видела там людей. Однако голоса их становились все громче и громче.

Наконец, лестница закончилась. На дне дома-колодца ничего не было, только высланный золотистыми досками пол и маленький коридорчик сбоку. Осколок Тьмы первым сошел со ступеней и сделал несколько шагов в сторону коридорчика, удивленно оглядываясь.

– Что там? – спросила Нэи, миновав последнюю ступеньку.

– Пока не вижу, – ответил обращенный и шагнул еще раз, вглядываясь внимательнее.

Нэи подошла к нему и поняла, что коридор очень длинный и довольно темный, только в самом конце его виднелся небольшой желтый прямоугольник. Однако музыка и голоса доносились именно оттуда.

– Аскель, идем скорей, – позвала она брата.

Тот продолжал стоять на лестнице, все не решаясь спуститься вниз. Девушка удивилась: он вообще-то не отличался трусостью, если только дело не касалось Теней или чего-либо с ними связанными.

– Мне кажется, нам не стоит туда идти, – он взволнованно взглянул на Нэи. – Там нам не место, я точно это знаю. Там очень много магии, ты разве не чувствуешь?

– Нет, ничего не чувствую, – Нэи удивленно покачала головой. – Разве это можно как-то ощутить?

– У меня вся кожа в мурашках, – пожаловался брат и, обхватив себя руками, сделал шаг назад. – Говорю, нам туда нельзя!

Нэи прислушалась к своим ощущениям, но никаких мурашек не заметила, хотя слова Аскеля взволновали ее не на шутку.

– Ты тоже что-нибудь чувствуешь? – спросила она Осколка Тьмы.

Тот лишь развел руками:

– Я бы сошел с ума, если бы чувствовал. Я ведь сам, судя по всему, магическое... кхм, существо.

Девушка подумала, что это вполне логично.

– Но мы уже забрались так далеко, – сказала она брату. – Магия ведь не всегда опасная. Не бойся, я...

– Я не боюсь, – резко мотнул головой тот и, в два прыжка преодолев остаток лестницы, подошел к ней и раздраженно подергал за рукав. – Ты такая упрямая, Нэи! Можно подумать, ты овен, а не я.

И они побрели вперед по коридору. Девушка вдруг поняла, что почти не боится. По правде сказать, все происходящее больше всего походило на странный сон; ей казалось, она проснется и вновь окажется в их водной деревне, в своей кровати. Или – это было бы совсем хорошо – в деревне Второго мира, что стояла когда-то на самом берегу моря, где они жили впятером: она, ее родители и два брата. Однако странный сон все не кончался. Желтый прямоугольник в конце коридора становился все больше и больше по мере того, как они шли. Скоро Нэи даже смогла рассмотреть помещение, в которое им вскоре предстояло войти. Это был просторный, широкий зал с куполообразным потолком, в самом верху которого была подвешена огромная лампа, освещавшая помещение. По стенам Нэи заметила множество дверей, и все они были закрыты. На полу на пестрых циновках, ковриках и матрасах сидели или полу-

лежали люди – по крайней мере, большая часть собравшихся точно была людьми – и все они были чем-то заняты. Кто-то что-то шил, кто-то мастерил, кто-то раскрашивал горшки, кто-то чистил овощи, склонившись над огромным тазом. Надо всем этим торжественно возвышался Олекайн; он уселся у дальней стены на подобии очень высокого дивана, заваленного горой пестрых подушечек и матрасиков. Одет старичок был уже не в то тряпье, в котором они видели его в лесу, а в бирюзового цвета халат со множеством карманов, расшитый огненными и золотыми нитками. Он сидел и важно попыхивал трубкой, пуская в воздух серые дымные колечки.

Заметив их, Олекайн даже подпрыгнул от счастья на своем гибриде дивана и постамента, уронив при этом трубку, а потом важно откинулся на подушки, потирая руки в предвкушении. Однако, проведя в ожидании несколько секунд, он не выдержал и спустился вниз – ему помогли двое мужчин, сидевших на циновках поблизости. Проведя эту хитрую процедуру, Олекайн побежал им навстречу. Путники даже несколько притормозили от неожиданности, так и не достигнув конца коридора. Боковым зрением Нэи заметила, что Аскель немного попятился назад, и на всякий случай ухватила его за рукав – пусть даже не думает, будто бы может сбежать в одиночестве.

Настигнув их, Олекайн цапнул Нэи и Осколка Тьмы за руки и потащил за собой, едва не мурлыча от счастья и радостно бормоча себе под нос:

– Так и знал! Пришли, голубчики. Ну, за мной, за мной... Нужно скорей подписать договоры. Эй, а мальчишка тут зачем? Ну да ладно, одним больше, одним меньше... Идем, идем... чего ноги волочите?

Он протащил их через всю залу, и обитатели циновок и ковриков поспешно покидали свои места при их приближении – Олекайн совершенно не считал нужным их обходить, если те попадались на его пути. По дороге Нэи успела заметить Физерда, который с нескрываемым удивлением глядел на них, отложив пока в сторону свою гитару. Наконец, Олекайн привел троих к своему "наседу", отпустил Нэино запястье и птицей взлетел наверх – стало понятно, что на деле он прекрасно справляется с перемещением туда и обратно без помощи своей свиты. Оказавшись на диване, старичок принялся разбрасывать во все стороны подушечки, энергично что-то разыскивая. Нэинри тем временем стояла и терла запястье; Олекайн до того сильно сжал ее руку, что на коже остались красноватые следы.

– Что еще за договор? – шепотом спросил ее Аскель.

Нэи рассеянно пожала плечами, поскольку и сама этого не знала. Попутно она разглядывала людей, постепенно возвращающихся на свои циновки. Те в ответ с интересом разглядывали ее. Она заметила, что в основном среди них были подростки и старики, хотя встречались взрослые разных возрастов и даже дети. Помимо людей она заметила еще двух странноватого вида существ, златоглазых, бледнокожих, совершенно лысых и очень похожих друг на друга. Они сидели на одном коврике и испуганно жались друг к другу.

Тем временем, Олекайн продолжал разбрасывать вещи, спрятанные прежде где-то в недрах дивана. Во все стороны разлетались подушки, книжечки и листы бумаги, а Нэинри по голове едва не попало чернильницей, которая улетела куда-то в зал, оставляя за собой синий чернильный след. Она пригнулась, уворачиваясь, и увидела у себя под ногами катушку со слабо поблескивающими нитями, похожими на струны на гитаре Физерда. Девушка незаметно подняла ее и стала рассматривать. В этот миг Олекайн торжественно завопил:

– Нашел! – и воздел над собой руку с двумя зажатыми в ней листами пожелтевшей бумаги.

После этого он снова слетел вниз, продолжая пренебрегать чьей-либо помощью, и попросил подать ему чернильницу. Он подобрал кто-то из обитателей ковриков и поднес ему, почтительно кланяясь едва не на каждом шагу. Олекайн милостиво принял ее, извлек из одного из многочисленных карманчиков перо и протянул оба предмета Осколку Тьмы.

– На! – сказал он, торжествующее скалясь. – Расписывайся. Надеюсь, ты умеешь хоть немного писать?

– Где? – опешил обращенный, отступая на шаг назад.

– Да здесь, здесь! – Олекайн замахал перед его носом желтым листком бумаги, едва не попав при этом Осколку Тьмы по лицу.

– Может, вы нам сначала скажете, в чем смысл договора? – осторожно спросила Нэи.

– Как это в чем? – старичок уставился на нее, неприятно щуря желтые глаза. – В том, что вы сполна оплатите мне за все, что я вам дам. Своим временем и усилиями.

– Но у меня мало времени, – заметил Осколок Тьмы.

– Это ничего страшного, – заверил его Олекайн. – Раз ты сюда пришел, значит, его у тебя достаточно. Есть, что тратить. Да ты не бойся, все не возьму, расписывайся, расписывайся.

Обращенный все же прочел то, что было написано в договоре, затем осторожно придержал пальцами листок бумаги и поставил там какую-то закорючку, которая тут же превратилась в кляксу.

– Ладно, и так сойдет, – проворчал Олекайн и недовольно потряс договором.

Потом он протянул такую же бумагу Нэи. Записана там была лишь одна строчка "И пусть ничто не останется неоплаченным". Нэи тоже поставила свою роспись, рядом расписался Аскель, после чего Олекайн скатал обе бумажки в трубочку и рассовал их по карманам.

– Так, девочка, – скомандовал он. – Останешься здесь, и брата прихвати. И вот тебе первое задание: развлеки их пока меня нет. Что можешь сделать?

– Я, ну... – Нэи замялась.

Танцевать она не умела вовсе, пела пусть и неплохо, но тихо – да и неловко ей было делать это при людях. Как еще можно их развлечь?

– А, – вспомнила Нэи вдруг, и лицо ее просветлело. – У меня есть книга с собой, я могу прочесть ее вслух.

– Славненько, – старичок хлопнул в ладоши, хищно ухмыльнувшись. – Открывай свою книжку и читай с любой страницы. Что там у тебя, «Гороскопы»?

Нэи не успела ответить, что это вовсе не «Гороскопы», а странная книга легенд, случайно найденная ею среди вещей, которые Аскелю удалось спасти от пожара.

– Вот и отлично! – заявил Олекайн, так и не дав ей открыть рта. – Про знаки зодиака всегда полезно послушать. А ты, – он потыкал Осколка Тьмы в лоб, – кое-что мне расскажешь. Пойдем-пойдем!

Он цапнул обращенного за плечо и потащил за собой через весь зал в сторону коридора. Люди поспешно вскакивали со своих ковриков, освобождая им дорогу, а Нэи и Аскель оторопело смотрели им вслед.

– Мне кажется, мы довольно глупо поступили, Нэи, – заметил мальчик.

Девушка судорожно кивнула, осознав, что что-то явно идет не так. Возможно, все. Ее не на шутку беспокоило то, что Олекайн куда-то утащил Осколка Тьмы; все вокруг казалось ей теперь настолько странным и непонятным, что паренек, несколько походивший на Тень, как-то уже не особенно пугал. Более того, с его исчезновением Нэи стало совсем не по себе. Она обвела взглядом помещение и увидела, что люди на ковриках смотрят на нее настороженно и выжидающе. Точно, Олекайн же сказал ей читать им сказки! Что ж, не такая уж плохая перспектива по сравнению с блужданием по темному холодному лесу. Она скинула с плеч дорожную сумку и принялась рыться в ней в поисках книги. Аскель вертелся рядом, то и дело заглядывая ей через плечо, и пытался помочь, но в действительности только мешал. Пока Нэи была занята поисками, к ним подбежал Физерд, бросивший свою гитару на коврик.

– Вы зачем вернулись? – с искренним возмущением воскликнул он.

– Бродить ночью по лесу слишком небезопасно. Нам хватило четырех дней, – ответила Нэи. – Разве здесь не собираются такие же бродяги, как мы?

– Да, но я не помню никого, кто ушел бы отсюда и не вернулся после заключения договора, – сказал Физерд.

– Но мы пришли не искать ответ на вопрос, – возразила девушка. – Мы просто переждем ночь, только и всего.

– Все приходят сюда с разными целями... И почему в подобных историях никто никогда не внимает предупреждениям? – юноша посмотрел в потолок и глубоко вздохнул. – Ну, и чем вы теперь собираетесь заниматься?

– Почитаю им сказки, как сказал этот старик, разве не ясно? – пожала плечами Нэи, разгребая разбросанные по дну сумки вещи. – Ага! Нашла!

Она наконец извлекла из кучи наполнявшего сумку хлама вождеденную книгу.

Книга была немного потрепанная, но в целом достаточно хорошо сохранилась, и название ей было "Правда знакомой лжи". Нэинри успела прочитать только самое начало, однако ей уже было понятно, что здесь изложены древние легенды – ничем, кроме легенд это быть не могло. Рассказ, в котором нет Зодиакального Общества, разве может казаться хоть сколько-то правдоподобным?

– "Правда знакомой лжи", – прочитал Физерд. – Никогда ничего подобного не видел. Это ведь не "Гороскопы"?

– Просто какие-то сказки, – ответил вместо сестры Аскель. – Некоторые ничего себе. Я, правда, сам читал только одну, но Нэи по ним просто с ума сходит.

– Не так уж и схожу, – девушка пожала плечами.

По правде сказать, ее увлечение древними легендами больше всего походило на попытку сбежать от настоящего времени; и от мыслей о том, что им уже негде жить, а скоро окажется еще и нечего есть, и что, вполне возможно, так будет всегда. Нищета была трясинной, из которой не так уж просто выбраться, а им с братом нечего было наследовать, и это значило, что трясина уже поджидает их и подбирается к ним. И однажды они ступят в нее – это оставалось лишь вопросом времени. Если, конечно, не найдут Селлу, которая была их единственным спасением. Старые сказки о древних государствах были превосходным способом сбежать от подобных мыслей.

– А вы что, только вечера самодеятельности здесь устраиваете? – расспрашивал тем временем Физерда Аскель.

– Вообще-то, это один день в два десятка, – ответил юноша. – Вам, можно сказать, повезло.

– Говоришь, здесь редко бывает так, как сегодня? – насторожилась Нэи. – А что вы тогда обычно делаете? Ты вроде говорил, что только играешь на гитаре.

– Ну, так это я, – Физерд даже слегка раздулся от осознания собственного превосходства. – А остальные, кажется, занимаются какими-то ремеслами, ну, или чем-то вроде этого. Тут больше комнат, чем кажется, знаешь ли... В общем, я не очень-то этим интересовался, если честно. Но, думаю, завтра ты и сама все узнаешь.

– О, завтра мы уже покинем это место, – заверила его Нэи. – Мы просто хотели здесь переждать ночь.

– Надеюсь, Осколок Тьмы вернется до завтра, – обеспокоенно сказал Аскель. – Олекайн ведь не сделает ему ничего плохого?

– Не помню, чтобы этот старикашка кому-то значительно вредил, – пожал плечами Физерд. – Хотя немного поугаать он может. Кроме того, этот змееносец подписал договор, а значит, для Олекайна он ценен. Вряд ли с ним случится что-то серьезное.

– Хорошо, если так, – задумчиво протянула девушка. – Как думаешь, мне правда нужно читать эту книгу вслух?

– Ты же подписала договор, – фыркнул парень. – Конечно, нужно. Думала, согласишься и будешь ничего не делать?

Нэинри уселась на полу, подобрав под себя ноги – свободных ковриков поблизости не наблюдалось – а книгу разместила у себя на коленях. Она недолго полистала ее, выбирая с какого места лучше начать и взгляд ее упал на "легенду о Маяке". История была красивая и грустная, и, пожалуй, даже чуть более реальная, чем все остальное, несмотря на свою сказочность.

– ...Однажды это место было создано помыслами людей. Оно носит название Маяк и появилось тогда, когда люди научились строить маяки, или самую чуточку раньше. Вероятно, в действительности Маяк существовал всегда, пока существовали люди, но в каком-то ином обличье. Считается, что стоит он у Пересохшего Моря, однако в действительности найти Маяк можно где угодно. Его свет указывает путь для тех, кто желает увидеть путь, к берегу рядом с ним причаливают разбитые корабли, образуя печальное кладбище судов с оборванными парусами. Живому свет Маяка просто указывает нужную дорогу, душам умерших – путь в прекрасный город мертвых, Хеону, или же дорогу в новую жизнь. Следуя лучу, с Маяка можно уйти любой дорогой в любой из миров, однако люди гораздо чаще приходят туда просить у Смотрителя ответы на свои вопросы. Ответы они получают не всегда, но зачастую обретают нечто большее. Смотритель, как говорят, всезнающее существо, наделенное двумя сердцами, одно – для Истинного мира, второе – для мира Иного. Он не может уйти с Маяка, не найдя прежде себе преемника; когда же Смотритель обретает такового, то отдает ему то из сердец, которое ему больше не нужно. До тех пор Смотритель не старится и не умирает, хотя магия, пронизывающая Маяк, порой до неузнаваемости меняет его облик.

Когда-то очень давно, Смотрители сменялись часто. В те времена они старались обучить детей, случайно пришедших на Маяк своим знаниям, а потом бросали их там, так и не объяснив толком всего происходящего. Выросшие дети впоследствии поступали точно так, как их учителя, пока Смотрителем не стал человек, посчитавший эту традицию недостойной. Тот человек был уверен, что хранить Маяк должен лишь тот, кто действительно этого желает, и он первый стал рассказывать своим ученикам правду об этом месте. С тех пор этот Смотритель остается на своем посту, поскольку не нашлось более того, кто пожелал бы провести на Маяке Вечность...

– Подожди! – воскликнул вдруг один из присутствующих. – Говоришь, это место можно найти, где угодно?

– Здесь так написано, – пожала плечами Нэи. – Мне кажется, это просто красивая сказка, разве нет?

Вопрос этого человека ее немного смутил; ей казалось, что она должна теперь все объяснить ему, но не может, потому что у нее не хватает для этого знаний. Однако люди на ковриках заметно заволновались. Они гудели и перешептывались, подростки собирались в группы, а дети настойчиво о чем-то расспрашивали старших. Нэи попыталась понять, о чем они говорят, но слова едва ли возможно было различить в непрекращающемся гуле. Все присутствующие вдруг побросали свои занятия и стали галдеть, оживленно что-то обсуждая.

– Знаешь, – проговорил Физерд, – мне кажется, я уже слышал где-то эту легенду. Только вот не могу вспомнить, где...

В этот миг Олекайн вынырнул в зал из темноты коридора. Осколка Тьмы рядом с ним не было, и Нэи это не на шутку взволновало, но времени на то, чтобы она как следует познакомилась с плохими предчувствиями, ей не дали.

– Что-что-что... Что здесь происходит?! – громогласно завопил старик. – А ну все на место! На место, на место!

Собравшихся в кучки как ветром сдуло с их мест; несколько секунд, и все вновь чинно расселись по своим циновкам. Даже сама Нэи ощутила непреодолимое желание переместиться на что-то напоминающее коврик, но у нее оно не было. Олекайн зловещим ураганом про-

несся через зал и остановился перед девушкой, яростно на нее уставившись. Желтые глаза старика сверкали, как две золотые монеты.

– Что это у тебя за книга, девочка? А ну-ка показывай!

Нэи развернула книгу обложкой к нему, так, чтоб он мог прочитать название. На миг глаза старика сузились, а потом он резко выбросил руку вперед, намереваясь схватить книгу, но девушка одернула ее и поспешно сунула в сумку. Олекайн сипло рассмеялся и выпрямился, отряхивая халат, словно бы успел его испачкать пока бежал через зал. Нэи уставилась на него, испытывая кипучую смесь страха и недоумения.

– Что это вы чужие вещи хватаете? – недовольно буркнул Аскель, поднимаясь с пола.

– Такие книги нельзя читать в общественных местах, – назидательно сказал старик. – Недомаги у власти могут оказаться против. Или кто-нибудь вроде меня... Чтоб я этого больше не видел!

– Вы сами сказали мне отвлечь их, – пожал плечами Нэи.

– Ладно-ладно, – заворчал Олекайн себе под нос, а затем вновь громко закричал:

– Вечер закончен! Расходимся! Ну, быстро-быстро! Кто уходит, тот уходит, кто остается, тот остается!

Он хлопнул в ладоши, и все двери, захлопнутые прежде, распахнулись, открывая темные узкие проходы, ведущие в неизвестные помещения. Нэи удивленно заозиралась. Люди закопшились, покидая свои циновки и коврики, и скоро вокруг девушки бушевала гудящая толпа. Нэи обернулась, чтобы спросить Олекайна об Осколке Тьмы, но оказалось, что старик уже исчез среди людей, и его голубого халата нигде не было видно. Она схватила Аскеля за плечо, чтобы не потерять случайно и его, и тот на это недовольно сморщился, пытаясь сбросить ее руку. На несколько мгновений Нэи застыла в замешательстве, не вполне понимая, куда теперь идти, но затем увидела, что через толпу к ним пробирается Физерд, и двинулась ему навстречу. Они отошли к стене, чтобы не толкаться и не мешать другим, и юноша быстро заговорил:

– За этими проходами, насколько я знаю, помещения, где спят. Вам туда. Я здесь никогда не остаюсь на ночь.

– Где же ты тогда ночуешь? – удивленно спросил Аскель.

– В лесу. Прежде оставался в своей деревне, а теперь я ушел из дома, – юноша печально сощурился. – В лесу опасно, но здесь ночью закрываются все двери, и я чувствую себя как в ловушке. А мы, весы, любим свободу.

– Мы встретимся завтра? – забеспокоилась Нэи.

– Кто знает, – Физерд пожал плечами. – Так или иначе, на меня не полагайтесь.

Нэи оторопело кивнула, огорошенная этим предупреждением.

– Ну, да хранит вас Акрана, – юноша, доброжелательно улыбнувшись, помахал им рукой и поспешил к выходу-коридору.

Девушка и мальчик удивленно смотрели ему вслед.

– Он мне совсем не нравится, – категорично заявил Аскель. – Какой-то он ненадежный.

Нэи подумала, что брат очень даже прав. Помощи от Физерда ждать не стоило, как тот об этом и сказал. Зал постепенно пустел, остались только несколько человек, сосредоточенно сворачивавших циновки и коврики и складывавших их вдоль стен. Она неуверенно подошла к какой-то пожилой женщине, полной и седовласой, с носом, похожим на черносливинку, и они с Аскелем помогли ей убрать ковры.

Когда с этим было покончено, Нэи поспешно спросила ее о том, куда им теперь идти.

– Я вам покажу, – проскрипела женщина и повела их в сторону одного из проходов.

Брат и сестра не без опаски последовали за ней в плохо освещенный коридор, снабженный высоким потолком, но при этом очень узкий. В проходе пахло деревом и землей, мягкий свет скрадывал очертания предметов, и силуэт женщины, казалось, слегка расплывался впереди. Нэи вздрогнула, когда дверь, открывавшаяся в зал, с грохотом захлопнулась за их спи-

нами, и эхо этого звука гулким ветром пронеслось по коридору и растаяло далеко впереди. Назад дороги им сегодня не было. Пока они шли, потолок становился все ниже и ниже, скоро Нэи пришлось даже наклониться, чтобы не задевать его головой. Наконец, они оказались в зале, гораздо меньшем, чем первый, но тоже достаточно просторном. Здесь царили прохлада и темнота, только едва-едва угадывались силуэты людей, которые сидели и лежали на разложенных на полу матрасах.

– Здесь женщины и дети, – шепотом сказала Нэи провожатая. – Ищите любые свободные матрасы.

– А где мужчины? – спросила девушка, вспомнив, что им еще придется искать Осколка Тьмы.

Ее голос в почти абсолютной тишине прозвучал неприятно громко. В зале было очень тихо – только шуршали одеяла, да где-то в углу раздавалось покашливание.

– По другую сторону большого зала, – ответила женщина и двинулась вперед в полумраке.

Нэи и Аскель как можно тише последовали за ней, оглядываясь в поисках не занятых спальных мест.

– Девочка, скажи, – женщина вдруг обернулась к Нэи, и ее глаза едва блеснули в темноте. – Та история про маяк – правда?

Девушка замешкалась, не зная, что сказать: ответ на вопрос был ей неизвестен. Быть может, это сказка, выдуманная автором книги, а может – правда, при том, еще не самая удивительная из всех, какие возможны в их мире.

– Не знаю, – честно сказала она.

– Тогда зря ты ее рассказала, – женщина сокрушенно покачала головой.

Нэи кожей почувствовала ее разочарование, кольнувшее множеством острых иголок.

Аскель за ее спиной возмущался тем, что они вынуждены здесь остаться, и это немного отвлекло Нэи от печальных мыслей. Девушка шикнула на него, и тот немного притих, продолжая недовольно что-то бурчать себе под нос. Наконец они нашли два свободных матраса, сгрузили под головы свои вещи и улеглись, накрывшись плащами. Стоило Нэи лечь, как на нее мгновенно навалилась усталость; после многочисленных ночевок на кучах веток и листьев, на жесткой неровной земле, старый матрас показался ей лучшим местом для сна из всех возможных. Девушка хотела немного поразмышлять о том, что им нужно будет делать завтра, но не заметила, как заснула.

Утром Нэи разбудил голос Аскеля и методичные тычки в плечо. Девушка недовольно перевернулась на бок, намереваясь продолжить спать, но брат стянул с нее одеяло и принялся немилосердно трясти. Нэи открыла глаза и села, отстранив мальчика. Сперва она не поняла, где находится, и испугалась окружающей ее темноты, но затем вспомнила события предыдущего вечера. Из ведущего в зал коридора в комнату проникал слабый свет, превращающий темноту в полумрак, и в этом полумраке холодными тенями двигались фигуры людей, сворачивавших матрасы и складывавших пожитки.

– Доброе утро, – буркнул Аскель, всем своим видом демонстрируя, что утро вовсе не доброе. – Все встали уже давно. Я думал, тебя заколдовали – при таком шуме невозможно не проснуться.

Нэи ничего не ответила ему, чтобы не ссориться, а вместо этого отбросила одеяло в сторону и принялась скатывать матрас по примеру других. Впервые за последние несколько дней девушка не чувствовала боли в теле после сна.

– Нужно скорей найти Осколка Тьмы и выбираться отсюда, – отстраненно сказала она.

– Я бы сначала позавтракал, – проворчал брат, уже сложивший свою постель.

– Успеем еще позавтракать, – ответила ему Нэи, придвигая матрас к стене. – Мне здесь не нравится...

– Ну неужели! – Аскель вспыхнул. – Что я слышу! Да это то, о чем я говорил еще вчера! Но я ведь глупый младший братишка, зачем меня слушать, правда, Нэи?

Девушка сделала несколько глубоких вдохов – за одиннадцать лет жизни Аскеля она так хорошо овладела дыхательной гимнастикой, что могла бы даже ее преподавать. Название у занятий было бы особенное – "Для старших сестер".

– Бери свои вещи и пойдем, – сказала она брату и направилась к выходу, куда уже торопились несколько человек.

Аскель догнал ее и первые несколько минут их путешествия по коридору рассыпал колкости, но, не получив на них достойного ответа, быстро иссяк и умолк, оскорбленно насупившись. Впрочем, обижался он тоже недолго и скоро с интересом стал разглядывать тех, кто шел рядом по коридору. Они вновь вышли в зал, оказавшись в толпе людей. Нэинри принялась оглядываться в поисках Осколка Тьмы – благо среди людей его трудно было бы не найти. Если только он был в зале. Однако Нэи и Аскель обошли весь зал и так и не увидели обращенного, а спросить у присутствующих, не видели ли те парнишку, похожего на Тень, побоялись – неизвестно еще, как на это отреагируют. Зато им встретился Физерд со своей неизменной гитарой. Махнул приветственно рукой, оскалился белозубо и исчез в толпе – только его и видели. Даже не поздоровался толком. Точь-в-точь блуждающий огонек. Нэи вдруг ощутила невероятную досаду и подумала, что непременно выскажет юноше все при следующей встрече – хотя она предпочла бы больше с ним вообще никогда не сталкиваться. Не забывая о своей цели, она вновь нырнула в толпу. Через некоторое время где-то в центре зала раздалась музыка – то Физерд играл уже знакомую мелодию, веселую и тоскливую одновременно. Нэинри не выдержала и, сделав вид, что трет ладонями щеки, зажала уши – так музыку было легче вынести, хотя тоскливая тень в окружении золотых бусин все равно маячила где-то рядом, так и норовя подобраться поближе. На Аскеля музыка странным образом не действовала – он продолжал сосредоточенно выглядывать в толпе Осколка Тьмы. Зато окружавшие их люди, одурманенные звуком, стали садиться на пол, подползая ближе к центру зала – так бабочки в темноте слетаются к зажженной лампе. Нэи, с безотчетным ужасом глядя на это, наоборот невольно попятилась назад, сильнее прижимая к ушам ладони. Эти люди вдруг показались ей страшнее Теней, страшнее детей Иного мира, далекие, чужие, бессмысленные, странные, странные... Что им до нее, что ей до них? Убежать хоть куда-нибудь из мертвого, холодного царства теней, уйти на глубину, под землю, под воду, спрятаться там, где никто не найдет.

– Нэи! – она очнулась, ощутив, что Аскель трясет ее за плечо.

Музыка перестала звучать. Она сидела на полу, прижимая ладони к щекам и толком не понимая, что случилось.

– Нэи! Нэи! – брат продолжал кричать, взволнованно заглядывая ей в лицо, и это выражение искреннего испуга в его глазах взбодрило ее.

– Все уже хорошо, – ободряюще проговорила она, поднимаясь.

Нэи потребовалось некоторое время, чтобы привести мысли в порядок. Аскель смотрел на нее с печалью и страхом – подвижное лицо его не было создано затем, чтоб скрывать эмоции – и она поняла, что подбодрить брата не получилось вовсе. Они двинулись в обход зала, приглядываясь к людям, которые начинали подниматься с пола, замирая в странном ожидании. Девушка подумала, что сейчас появится Олекайн – его-то люди и ждут – и уж тогда она узнает все, что требуется. Однако старичок все не появлялся, а вместо этого внезапно захлопнулись все двери, кроме одной, и люди повалили в оставшийся проход. Нэи хотела примоститься около стены, но не успела, и толпа увлекла и потащила ее и брата к коридору. Они попытались выбраться, но люди стекались к проходу, как вода к пробойне в доннышке глиняного горшка, и скоро их вынесло в коридор. Попытки развернуться и выйти обратно в зал пресекались идущими позади, и им обоим пришлось брести вперед. Здесь было неприятно, почти совсем темно, и люди беспрестанно пихали Нэи с боков, и от них пахло грязью и немытыми

волосами. Девушка крепко сжимала руку брата, опасаясь ненароком потерять его, и тот даже не пытался выдернуть свою ладонь, подверженный, очевидно, тому же страху. Когда коридор окончился, они оба вздохнули с облегчением. Толпа вынесла ее и брата в огромный зал, тоже полутемный, со множеством длинных, грубо сколоченных, столов. Пахло едой – запах был не то чтобы очень приятным, но Нэи, которая со вчерашнего дня ничего не ела, он заставил вспомнить о голоде. Девушка огляделась и увидела в конце зала стол с горой тарелок, огромный чан и женщину, по размерам не сильно уступающую чану, которая разливала по тарелкам его содержимое.

– Мы же не будем здесь завтракать, правда? – хмуро спросил сестру Аскель. – У нас есть своя еда.

– Но вдруг это бесплатно, как ночлег, – засомневалась девушка.

– Ты думаешь этот старикан даст нам так просто здесь поесть и поспать? – мальчик взволнованно на нее уставился.

У Нэи и у самой имелись определенные сомнения на этот счет, вдобавок, ее всерьез беспокоил договор, подписанный накануне.

– Ладно, – проговорила она. – Думаю, и правда не стоит.

Они расположились за одним из столов и принялись за еду. Прошло время и, когда они уже заканчивали со скудной трапезой, на лавку возле Нэи как ни в чем не бывало плюхнулся Физерд. Девушка заметила, что он тоже не стал подходить к чану, а выложил на стол свою еду.

– Пфыфет, – сказал он с набитым ртом. – Представляешь, народ все обсуждает ту сказку про маяк, что ты прочитала.

Нэи неприязненно на него покосилась, терзаемая одновременно раздражением и невозможностью его высказать. Этот парень, конечно, ушел в неподходящий момент, но он ведь и не обязан был с ними возиться, правильно?

– О, рад тебя видеть, – оживился тем временем Аскель. – Представляешь, мы не смогли найти Осколка Тьмы... И что будет дальше, не знаешь?

– Дальше – в лапках случая, – философски отметил Физерд, выкладывая остатки мяса по кусочку хлеба. – А вообще, вам придется отработать ночлег. Вы ведь подписали договор. Просто идите туда, куда идут все – ну, с этим вы, вижу, неплохо справляетесь. К счастью, вам по-настоящему ничего не нужно узнать – в отличие от остальных – значит, отработать будет легче. И лучше не берите никакой еды здесь, пропадете навсегда в долгах; Олекайн очень дорого ценит все, что дает. А вот труд он ценит дешево, рабочей силы у него много...

Нэи задумчиво покивала; ее и брата опасения подтвердились вполне. Она хотела еще что-то спросить, но заметила, что люди в импровизированной трапезной суетятся больше, чем раньше.

– По-моему, вам пора, – словно бы в ответ на ее мысли заметил Физерд.

Они принялись вновь спешно собирать вещи, распахивая их как придется. Толпа тем временем опять хлынула к проходу, но уже не к тому, что вел в зал – этот коридор находился с противоположной стороны. Чуть приглядевшись Нэи поняла, что таких ходов несколько. Девушка тоскливо посмотрела в эту сторону, и они с братом поплелись вслед за людьми, оставляя Физерда и трапезную позади. Новый коридор оказался уже того, который вел из большого зала, потолок был низким, и людей сюда следовало совсем мало. Брат и сестра шли, прижавшись друг к другу, и Нэи постоянно везла плечом по дощатой стене. Ей казалось странным, как кому-то пришло в голову устлать досками сырые подземные помещения, и как эти доски до сих пор так хорошо выглядят, и как огромные подземные залы с высокими потолками не обрушатся, погребая под собой людей... Должно быть, все это была заслуга магии, или "живой реки", как называл ее когда-то Нэин брат, отправившийся учиться у мага и исчезнувший.

Когда проход остался за их спинами, Нэи и Аскель вновь оказались в довольно просторной комнате, хотя и меньшей, чем покинутый зал. Девушка огляделась удивленно: все помеще-

ние оказалось уставлено ткацкими станками. На некоторых станках едва поблескивали незаконченные полотна; нити, в них вплетавшиеся, были странные, похожие на струны на гитаре Физерда, голубые, бледно-синие и золотистые, очень тонкие, светящиеся слабо и таинственно. Полотна, охваченные этим сиянием, переливались, словно перламутр в раковине, а узоры слабо колыхались, и оттого казалось, будто животные и люди, изображенные на них, дышат, а ветви деревьев движутся под порывами ветра. Чем дольше Нэи глядела на одно из полотен, тем сильнее ей казалось, что она заглядывает в окно другой жизни и видит реальные ее картины, лишь подернутые слабой голубоватой дымкой, как во сне. Люди между тем стали занимать места за станками, кто-то принялся сматывать искристые нити в яркий клубок. Нэи забеспокоилась: она никогда в жизни не пробовала ткать за станком и слабо представляла себе, как это делается.

– Я могу как-нибудь помочь? – неуверенно спросила она, толком ни к кому не обращаясь, и с сомнением оглядывая находящихся в комнате.

Но никто даже не посмотрел на нее.

– Странные они какие-то, – заметил Аскель.

– Не то слово, – фыркнула Нэи. – Не знаю, что там хочет от нас Олекайн, но предлагаю выбираться отсюда. Идем!

Они нырнули в уже знакомый коридор, и их исчезновения никто даже не заметил. Некоторое время они брели по направлению к трапезной, и девушка думала о том, что договор, похоже, значит не так уж много. С чего она, Нэи, вообще решила, будто им стоит заниматься тем же, чем заняты другие? Никто, помимо Физерда, не давал никаких указаний на этот счет, а значит они могут исследовать коридоры, сколько заблагорассудится...

...Олекайн вышел им навстречу довольно скоро. Обряженный в изумрудный халат и коричневые шаровары, он выглядел бы забавно, если бы не неприятно-лукавое выражение на его смуглом лице.

– Куда это вы собрались, голубчики? – с притворной мягкостью спросил старичок.

Руками он упирался в стены, преграждая брату и сестре путь.

– Я не умею ткать, – ответила Нэи, глядя на него исподлобья. – И Аскель не умеет.

– Вот уж, проблема! – фыркнул Олекайн. – Будешь разбирать коробки в кладовой. Вы провели здесь ночь, значит, должны отработать! До этого договор вас не выпустит.

Он развел руками, будто бы извиняясь, но глаза его продолжали хитро поблескивать.

– Где Осколок Тьмы? – как можно тверже спросила Нэи, подумав, что иной возможности может не представиться.

– Увидитесь еще, – неопределенно сказал старичок. – А сейчас – следуйте за мной.

Олекайн вывел их в трапезную, затем они вновь преодолели небольшой коридор и оказались в полутемной комнате, заваленной коробками, сундуками и ящиками, ткаными искристыми ковриками и мотками синевато переливающейся пряжи. Здесь было совсем немного людей: одни запаковывали пряжу и ковры, другие носили коробки и ящики во второе помещение, сообщающееся с комнатой. Там находилась лестница, ведущая в огромный каменный зал глубоко под землей, куда и спускали груз. Брат и сестра уныло принялись за дело. Работа была несложная, но муторная до невозможности: уложить в тонкостенный деревянный ящик ковры, заколотить крышку маленькими ржавыми гвоздями и передать ящик тем, кто отнесет его вниз, либо нести самостоятельно. Прошло несколько томительных часов, в течение которых они совершали одни и те же действия; Нэи казалось, мысли стали тягучими и медленными и такими расплывчатыми, что никак не удавалось ухватить одну из них. Откуда-то издали раздавалась музыка, которую извлекал из волшебных струн своей гитары Физерд, вводящая в легкое оцепенение даже тогда, когда ее толком не было слышно. Они почти не говорили друг с другом, только один раз прервались на то, чтобы немного поесть. Потом они снова работали и едва не пропустили тот момент, когда люди вокруг вдруг перестали носить и заколачивать

ящики. Нэи растерянно огляделась и спросила у какого-то пожилого мужчины, низенького и бородатого:

– Почему все остановились?

Тот удивленно захолопал глазами:

– Так ведь ночь почти уже.

– Ночь! – с ужасом прошептала Нэи.

Они с Аскемем грустно переглянулись. Оба так устали, что едва волочили ноги; вроде бы несложные, но повторяющиеся в течение многих часов действия могут порядком утомить. Долг они, кажется, отработали, но вот Осколка Тьмы так и не нашли, а оставить его здесь было бы нечестно. Брат и сестра вернулись в комнату, где провели самую первую ночь, и забылись глубоким сном.

На следующий день они вновь работали, переставляя и заколачивая ящики. Нэи думала, что они отыщут Осколка Тьмы в перерыве и улизнут, но возможности не представилось, и они вновь не успели заметить, как наступила ночь. Потом было все то же самое: ящики и коробки, бег вверх-вниз по лестнице, монотонные, одинаковые действия, тоскливо-радостная музыка, доносящаяся издалека, и отсутствие сил и времени на то, чтобы сесть и подумать. У них заканчивалась еда, и Нэи уже начинала размышлять, не задержаться ли им здесь подольше: по крайней мере у нее и брата здесь гарантировано были кров и теплая еда, а что будет дальше и найдут ли они Селлу – еще неизвестно. Будущее и невозможная огромность мира пугали, а здесь все было таким простым и понятным: знай себе, переставляй ящики, и будешь жить в тепле и покое. С каждым проведенным здесь днем в ней по капле накапливалась усталость, сменявшаяся тоской, скукой и странным оцепенением. Аскемь был таким же вялым и двигался как-то медленно, зато стал гораздо спокойнее и в целом, иметь дело с ним теперь было гораздо удобнее. Действовать не хотелось, да и возможности такой не было. На четвертый день ее начали учить пользоваться ткацким станком, и девушка не особенно ловко, но все же овладевала этим мастерством. На шестой день им пришлось взять еды в трапезной, потому что своей у брата и сестры не осталось.

Из двух зол: часть третья

Вечером четырнадцатого дня Нэи будто бы начала просыпаться. Сидя на матрасе, она рылась в вещах в поисках гребня – темные выющиеся волосы ее совершенно спутались – и из походной сумки ей на колени вдруг упала книга, "Правда знакомой лжи". Девушка лениво полистала ее и наткнулась взглядом на ту историю, какую она читала в первый день, когда попала сюда. Ей вспомнился внезапно переполох, который вызвала эта сказка, и взгляд сам собой забегал по строчкам.

– Что это, "Гороскопы"? – услышала она рядом с собой заинтересованный голос.

Нэи обернулась и увидела Каори – молодую женщину-рака, которая учила ее пользоваться ткацким станком. Она заглядывала в книгу поверх Нэиной головы, роняя той на плечи длинные пряди своих волос. Волосы Као были светлые, густые и на свету красиво искрились, а вот серые глаза напротив казались всегда темными и тусклыми, как и ее осунувшееся сероватое лицо.

– Странные буквы, – продолжила между тем женщина. – Вот этих я не знаю. Это вообще первый язык?

– Да, – Нэи кивнула. – Просто это высокий алфавит. "Гороскопы" написаны с помощью низкого.

Хотя низкую письменность в деревнях разбирали даже дети, высокого алфавита не понимал никто, даже Селла – Нэи знала – на нем не читала. Саму девушку обучила этому мать, которая была магом и состояла в Зодиакальном Обществе до тех пор, пока не родился Аскель и ее не изгнали.

– Мм, не знала, – Као перестала заглядывать через Нэино плечо и откинулась назад, принявшись жевать прядь своих волос.

Девушка скривилась от отвращения, искоса поглядывая на это действие.

– Что там написано? – спросила вновь Каори. – Прочитай.

– Это та сказка про Маяк, помнишь? Я уже ее читала однажды, – попыталась отказаться девушка.

– Не помню, – женщина покачала головой, выпуская изжеванную прядь.

– Да ладно тебе, прочти, – оживился Аскель, доселе молча наблюдавший за происходящим со своего матраса.

И Нэинри сдалась. Когда она начала читать, все, кто тихонько переговаривался до этого, притихли и насторожились, прислушиваясь. А после того, как девушка закончила, наоборот, принялись возбужденно переговариваться и долго потом не могли уговориться, что-то обсуждая. Нэи и сама дольше обычного пролежала без сна – впрочем, она была слишком уставшей, и в итоге все же задремала.

Этой ночью Нэи впервые за все проведенное в подземных коридорах время приснился сон. Она сидела на огромном сером валуне под холодным, громоздившимся облачными горами небом, а вокруг плескалось такое же безрадостное, похожее на отражение этого неба, море. Пахло солью и водорослями, воздух весь мерцал невидимыми, но хлесткими струями, рождаемыми ветром. Были поздние сумерки: солнце уже утонуло в волнах, но облака еще слабо светились белым изнутри. Внезапно раздался странный гудящий звук, будто прозвонил невидимый колокол, а затем по ее лицу вдруг скользнул длинный световой столб. Нэи испуганно вскочила, закрывая руками лицо и едва не поскальзываясь на влажном камне. Волны расшибались о его бока у самых ее ног, рассыпаясь мутными пенными брызгами. Прошло несколько минут и, стоило ей только отнять руки, как свет вернулся, разрезая сумерки и заставляя ее вновь зажмуриться. Она отступила назад от неожиданности, и нога все-таки поехала по мок-

рому камню. Девушка испуганно взмахнула руками и успела только подумать о том, что падает, однако ожидаемого столкновения с ледяной водой не произошло.

Вместо этого Нэи открыла глаза и уперлась взглядом в темный молчаливый потолок, который настолько не походил на бугристое северное небо, что девушка даже растерялась. Вокруг, на матрасах, лежали спящие, кутающиеся в коврики и тонкие одеяла. Нэи только сейчас обратила внимание на то, до чего неприятен этот сухой, пропахший людьми и пылью, лишенный всякого движения воздух, совсем не похожий на тот, который был во сне. Ее одежда была такой же неприятно-пыльной. Девушке вдруг срочно захотелось выстирать ее и вымыться самой. "Завтра", – отрешенно подумала она и закрыла глаза, попытавшись задремать, однако уснуть не получилось. Нэи вспомнила о том, что они живут здесь почти половину подзвездия и давно истратили всю еду, и впервые по-настоящему ужаснулась. Они не могут провести здесь всю жизнь! У них нет времени. Девушка села, скинув с себя шероховатое, пыльное, как и все вокруг, одеяло, и принялась осторожно трясти за плечо брата, который спал неподалеку. Тот проснулся, поморщившись и что-то недовольно проворчав, и уставился на нее, непонимающе щурясь.

– Собирайся, – шепнула ему девушка.

– Куда? – сонно изумился Аскель, натягивающий на себя одеяло. – Ночь ведь...

Нэи не стала ничего объяснять и решительно отняла у него одеяло, подобрала свое пальто и принялась зашнуровывать ботинки. Мальчик, проследив ее действия, тоже сел и стал с сонной медлительностью натягивать сапоги. Опасаясь, что внезапный порыв исчезнет, будто его и не было, Нэи поторопила брата, и Аскель скоро вскочил с матраса, все еще не понимающий происходящего, но относительно готовый следовать за нею. Они оставили постели неубранными и, выбравшись из помещения в коридор, почти бегом двинулись в сторону огромного зала, того, где подписали злополучные договоры. Дверь в зал оказалась закрыта и Нэи, опасаясь, что она заперта, толкнула ее изо всех сил, но та беспрепятственно распахнулась.

Брат и сестра вошли в пустой зал и двинулись к одному из коридоров у противоположной стены. Проход выбирался наугад, но главное, это был не тот, который вел к трапезной и комнатам с коробками. Они запетляли по душным ходам, заполненным спертым пыльным воздухом. Нэи скорее хотелось выбраться в лес – пусть даже ночной и опасный – туда, где можно будет нормально дышать. Они свернули вправо – в темноте было не очень видно, куда они идут, но Нэи старалась запоминать повороты – потом еще два раза в ту же сторону и, наконец, выбрались в какую-то комнату, уставленную станками. Девушка покинула ее почти бегом, увлекая брата за собой, и они, ткнувшись наугад еще несколько раз, решили не заходить в ответвления, а просто идти по главному ходу до самого его конца. Однако, пройдя его, брат и сестра уперлись в стену. Тогда пришлось возвратиться в зал и попробовать следующий коридор; когда и там не нашлось ничего, кроме заставленных станками комнат, они заглянули в третий. Аскель, уже отчаявшийся получить какие-либо ответы на свои вопросы, просто следовал за сестрой. Они свернули в первое попавшееся помещение и оказались в подобию склада: место походило на то, куда они в первые дни спускали ящики. Нэи на всякий случай прошла немного вперед, оглядывая ряды сундуков и колоннады коробок, в которых – она знала – хранились дивные полотна с колышущимися деревьями и дышащими людьми. В этот миг Аскель за ее спиной испуганно вскрикнул, споткнувшись обо что-то. Что-то отпрыгнуло в сторону, врезавшись в колонну из коробок, и та с грохотом обрушилась, погребая его под собой. Нэи сперва застыла в растерянности, а затем все же приняла решение помочь тому, кто теперь старался выбраться из горы картонных ящиков и мерцающих полотен, и принялась оттащить коробки в сторону. Наконец, неизвестный выбрался из завала, и Нэи не смогла сдержать вздоха облегчения, когда в темноте вспыхнули два зеленых огонька.

– Нэинри? – Осколок Тьмы двинулся ей навстречу, сминая ногами коробки.

– Ну наконец-то! – воскликнул Аскель, от радости пнув первый попавшийся ящик. – Ты где пропадал?

– Ну... в основном я разбирал коробки. Я пытался вас искать, – в голосе обращенного зазвучали извиняющиеся нотки. – Я обшарил почти все ходы на другой стороне. Но потом что-то случилось. Я подумал, что здесь безопасно, что вы, наверное, тоже в безопасности...

– И что неплохо будет провести здесь остаток дней, – раздраженно закончила Нэи, услышав в его словах эхо собственных мыслей.

Осколок Тьмы неверно истолковал ее тон и растерянно уставился куда-то в сторону, вжимая голову в плечи.

– Я действительно не знаю, как так вышло, – он запнулся. – Прости. Конечно, это глупо, оправдываться...

– Да нет же! – девушка протестующе тряхнула головой. – Мне и самой так казалось.

– Правда? – обращенный удивленно взглянул на нее. – Не только я ошибался?

– Да, – кивнула Нэи. – И Аскель был прав, когда говорил, что сюда идти не стоит. Прости меня.

Брат рассеянно пожал плечами, мол, чего уж теперь.

– Пойдем скорее, – сказал вместо этого мальчик. – Пока Олекайн не явился.

Трое товарищей, изрядно приободренные, вернулись в коридор и быстрым шагом направились в сторону зала. Нэи было жутко и радостно одновременно. Она помнила о том, что там, наверху – если это место и правда было подземельем, а не хитрым магическим обманом – свежий, чистый, подвижный воздух, пахнувший хвоей и началом осени. Там – свобода. А с остальным они как-нибудь разберутся. Трое выбрались в темный пустой зал, пересекли его и устремились в тот проход, который вел к резной деревянной лестнице, похожей на золотистую спираль. Теперь она казалась серой и мрачной, ведь света почти не было; нет, он горел, но словно бы откуда-то издалека, так что его лучи почти не касались их. Они стали подниматься наверх, и Нэи почти летела вперед, предвкушая тот миг, когда коридоры пугающего жилища Олекайна окажутся, наконец, позади. Они крались в темноте, тихие и быстрые, и Нэи вдруг подумала, что в темноте все люди похожи на обращенных: ночь размывает силуэт и черты, только глаза слабо поблескивают, когда случайно ловят свет.

Достигнув середины лестницы, они увидели огонек, спускающийся им навстречу, и все трое мгновенно узнали фонарь Олекайна. Нэи заметалась на месте, Осколок Тьмы вцепился в перила, а Аскель спрыгнул на две ступени вниз.

– Бежим! – громким шепотом позвал их мальчик.

– Нет нужды, – Олекайн с фонарем в руке возник прямо у него за спиной.

Его свет резанул Нэи по глазам.

– Видите, – старичок вытащил из кармана халата – на этот раз темно-синего – две бумажки. – Договоры еще в силе. Это специальная договорная бумага: когда условия будут выполнены, она истлеет.

Он многозначительно потряс листами перед Нэиным носом.

– Мы тебе уже ничего не должны, – нахмурившись, заговорил Осколок Тьмы. – Свобода – слишком высокая плата за кров, тебе не кажется?

– О-о-ой, – подвижное лицо старичка скривилось в полной снисходительности усмешке. – Какие хорошие, правильные слова! Они идут прямо от сердца – если у вас, обращенных, конечно, есть эта штука. Но бумага в целостности и сохранности, значит, вам отсюда не уйти.

Нэинри ощутила, как сердце камнем падает вниз: сколько еще им нужно работать, чтобы выбраться отсюда? Вдруг они должны теперь остаться здесь навсегда?

– Ну, – усмехнулся старичок, заметив их замешательство. – Все по комнатам, по комнатам. Вас проводить?

– Пойдите, – девушка вдруг ощутила слабое прикосновение надежды. – А может, бумага цела, потому что это вы не выполняете своих условий?

– Верно, – проговорил Осколок Тьмы. – За все это время никто из нас не получил никакой платы.

– Я дал вам еду! – возмутился Олекайн, нервно взмахнув руками.

По тому, как яростно засверкали его глаза, Нэи поняла, что, должно быть, она права.

– Обращенные ничего не едят, – фыркнул змееносец.

– А мы брали ее только после шестого дня, – продолжила Нэи. – Так что говорите, как нам найти ведьму по имени Граноенмару, а то так навсегда и останетесь заложником договора!

– Ты ставишь мне условия, девочка? – глаза Олекайна превратились в две золотистые щелки.

– Не я, – покачала головой девушка. – Вы сами их поставили. В договоре было написано, что "ничто не останется неоплаченным", я помню.

Нэи, взглянув в злое лицо старика, тотчас пожалела о своих неосторожных словах. Вдруг он разозлится и захочет навредить кому-то из них? Словно в ответ на ее мысли Аскель, находившийся к Олекайну ближе всего, незаметно попятился назад.

– Знаешь высокий алфавит? – старичок вдруг хитро ухмыльнулся. – Какая умная девочка. Но может, вы зададите мне какой-нибудь другой вопрос?

Он поднялся на несколько ступеней вверх и цапнул за плечо Осколка Тьмы, наклоняясь над ним. Обращенный вжался в перила лестницы, не имея возможности отойти в сторону.

– Неужели не хочешь узнать свое имя?

Осколок Тьмы молчал. Нэи тоже ничего не сказала – она подумала, что если змееносец и правда задаст такой вопрос, это будет справедливо. Из-за них он задержался здесь, теряя драгоценное время, а иной возможности узнать хоть что-нибудь может не представиться, хотя на честность Олекайна рассчитывать не приходилось.

– Хочу, – сказал Осколок Тьмы, резко отталкивая старика и поднимаясь на две ступени вверх. – Так же, как и ты, хотя не пойму, зачем тебе.

В его взгляде, обращенном на Олекайна, плескался неподдельный, искренний ужас. Старик усмехнулся, обнажая кривые желтые зубы, и в глазах его блеснули зловещие огоньки – или то был лишь рыжий отсвет от лампы?

– Ты отказался, – медленно проговорил Олекайн, как Нэи показалось, с изрядной долей разочарования в голосе. – Что ж, дом Граноенмару найти очень просто. Это там, где сыновья реки становятся горным камнем.

Он выжидающе взглянул на девушку и поднял руку с двумя листами бумаги. На глазах она пожелтела, потом почернела и наконец посерела, рассыпавшись хлопьями пепла, словно ее сжег невидимый огонь. Лицо у Олекайна было очень довольным.

– Погодите, – забеспокоилась Нэи. – Сыновья реки? Вы не могли бы указать более точный адрес?

– Я дал предельно точные указания, – старик гордо вздернул подбородок. – Не моя вина, что вы их не поняли. Можем заключить новый договор, если хотите. Как насчет одного слова за три дня работы?

– Нет! – почти синхронно выкрикнули Аскель и Нэинри.

– Как пожелаете, – Олекайн пожал плечами и обвел их напоследок насмешливым, колющим взглядом.

Не сказав ни слова более, старик развернулся к ним спиной и принялся спускаться по ступеням, держа фонарь в вытянутой руке. Скоро его силуэт скрылся во мраке, а огонек засиял где-то внизу, бросая на дощатые стены длинные зловещие тени.

Аскель потянул Нэи за руку и она, словно очнувшись, стала подниматься вверх. Товарищи шли быстро, стараясь как можно скорее оставить позади Олекайна с его договорами,

коридоры со станками и людей, попавших в ловушку монотонности и неизменных условий. Скоро деревянная спираль лестницы оказалась за их спинами; Аскель, бежавший впереди всех, врезался в дверь, и она распахнулась, впуская в помещение холодный, пахнущий хвоей ветер. Нэи и Осколок Тьмы вышли в лес следом за мальчиком, и девушка смогла наконец с наслаждением вдохнуть свежий воздух, являвшийся пределом ее мечтаний последние несколько часов. Их встретило раннее утро первого подзвездия осени. В лесу царили синие рассветные сумерки, а небо над верхушками деревьев уже начинало светлеть, и первые солнечные лучи едва заметно подсвечивали изнутри облака. Нэи зябко поежилась, кутаясь плотнее в пальто. Трое, еще не до конца осознавшие произошедшее, растерянно побрели вперед, по той самой тропинке, которая привела их сюда половину подзвездия назад.

– Подождите! – вдруг услышали они оклик позади.

Нэинри обернулась и увидела, что к ним несется Физерд, разбрызгивающий палую листву и сухие ветки. Он остановился, подбежав почти вплотную, и, чуть отдышавшись, поднял на них улыбающееся, слегка покрасневшее от быстрого бега лицо.

– Вы чуть не пятые за это утро, – бодрым голосом сказал он. – Олекайн просто рвет и мечет. Кто-то подслушал, как вы его обвинили в невыполнении условий – так что теперь там ужас, что творится. А кто-то еще до вас ушел искать Маяк – ну, помнишь, из твоей книжки...

– Не думаю, что из этого выйдет что-то хорошее, – проговорила Нэи, которой категорически не понравилась эта эфемерная цель.

Вдобавок девушка ощущала себя виноватой – это ведь она рассказала людям об этом месте. Она ведь даже не знает, существует оно или нет.

– А ты здесь зачем? – с подозрением спросил Физерда Аскель.

– Я? Ну, – юноша, замявшись, смущенно взъерошил волосы. – Вы же собирались к ведьме, да?

Нэи вдруг поняла, что Физерд собирается идти с ними, и ей пока было неясно, как к этому отнестись.

– В земляную деревню, – заметил Осколок Тьмы, который тоже это понял, но, в отличие от Нэи, к данной новости, похоже, имел вполне определенное отношение.

– Да, да, – закивал Физерд, будто бы не заметив его тона. – Я не люблю земляных, в жизни бы туда не полез, и, говорят, их города охраняют жуткие существа... Но Олекайн никогда не ответит на мой вопрос. У нас с ним не было такого договора, как у остальных, я не могу от него ничего добиться. Этот старикан требует мою гитару в обмен на ответ, а я не могу ее отдать. Что еще мне делать? Воздушных ведьм очень мало – если такие вообще есть.

Вид у юноши сделался такой расстроенный, что Нэи стало его жаль.

– Так пойдем с нами, – предложил Аскель.

– Правда? Вот спасибо, – мгновенно отозвался Физерд. – Как хорошо. Я боялся, вы будете против.

Осколок Тьмы в ответ на это негромко хмыкнул, но говорить ничего не стал, только бросил недобрый взгляд в сторону юноши.

– Вы ведь выяснили, куда идти? – с надеждой спросил их Физерд, неуверенно улыбаясь.

– Ну... как тебе сказать, – пробормотал змееносец.

– Олекайн указал что, это "там, где сыновья реки становятся камнем", – пояснила Нэи. – Только мы не очень поняли, что он имел в виду.

Физерд на миг задумался, а потом лицо его просветлело.

– Тут недалеко есть маленькое озеро, в которое впадает много ручьев. Его называют Каменным, потому что зимой оно промерзает почти до дна. На берегу вроде бы стоит деревня, но я там никогда не был и не знаю, земляная она или нет. Может, он это имел в виду?

– А что, похоже, – задумчиво сказал Аскель. – Стоит попробовать.

– Все равно больше нет вариантов, – пожал плечами Нэи. – Осколок Тьмы?

– Что? – рассеянно отозвался тот.

– Мы просто хотим узнать твое мнение, – пояснила девушка.

– Будто оно чего-то стоит, – проворчал обращенный, обиженно отворачиваясь. – Но вроде бы, это похоже на правду.

– Ну, вот и славно! – радостно отозвался Аскель и тут же с отвращением заметил. – Не знаю, как вам, а мне здесь задерживаться не хочется.

Наконец они вновь шли через лес, и на этот раз вел их Физерд, почти без перерыва что-то рассказывавший. Нэи и Осколок Тьмы молчали, Аскель изредка устало задавал ему вопросы, но без привычной увлеченности разговором – сказались четырнадцать дней, проведенные в подземельях, и бессонная ночь. Девушка все это время с волнением смотрела на брата. Аскель после половины подзвездия в жилище Олекайна выглядел устало и, что гораздо хуже – болезненно. На бледном лице горел слабый румянец, а глаза казались затянутыми мутной пленкой, хотя жара пока еще не было – несмотря на отчаянный протест брата Нэи все же удалось проверить его лоб. Девушка понадеялась, что болезнь минует, не начавшись. Когда в лесу окончательно рассвело, Нэи, уяснив, что путь предстоит не близкий, попросила Физерда отвести их сначала к реке. Вода в это время года была уже очень холодная, но ей хотелось хотя бы как следует умыться после пыльных коридоров жилища Олекайна. Речка и правда нашлась неподалеку, узкая и прозрачная, спускавшаяся в леса откуда-то с гор.

Брат и сестра как следует умылись, и Нэи не удержалась и намочила волосы, хотя вода оказалась ледяной. Правда, на ее счастье, день выдался солнечный.

Во время привала Физерд вновь поделился с ними едой, и девушка подумала, что совсем не плохой идеей было взять его с собой.

Мучительно хотелось спастись, но они решили не делать этого, пока не доберутся до деревни – новых неприятностей обрести совсем не хотелось – и вновь, как полподзвездия назад, побрели по залитому солнцем сосновому лесу, который теперь не казался таким уж пугающим. По крайней мере – Нэи знала это точно – существуют вещи похуже, чем лес, неизвестность, спутники, похожие на Теней и братья с противоположными по стихии знаками зодиака.

Разумеется, неизвестность пугала. Но ее отсутствие оказалось много хуже.

Келео: часть первая

– Значит, это здесь?

Лэунд с сомнением окинул взглядом небольшой, кремового цвета особняк, затерявшийся среди бархатных спин зеленых холмов. Место, куда они пришли, казалось детским рисунком, до того оно было идиллическим: небо такого яркого голубого цвета, что больно смотреть, низкие зеленые травы, домики, разбросанные у подножия холмов и овцы, похожие на облачка на ножках. Теплый ветер носил запахи сена, овечьей шерсти и слабый запах соли, напоминавший о близости океана. Это место никак не могло быть обиталищем великого злодея, единолично завладевшего Душой Мира, о чем Лэунд не преминул сказать Сэвезмунту.

– Ну, понимаешь, не все селиться во всяких мрачных замках, – пожал плечами маг. – Это, знаешь, не очень-то комфортно, да и надоедает.

– Каково его имя? – спросил Лэунд, пока они спускались по склону бархатного холма.

Сэвезмунт рассмеялся и долго хохотал, утирая тыльной стороной ладони слезящиеся глаза.

– Лэу-Лэу, до чего же ты наивный! – выговорил он, наконец. – Он ведь великий маг, этот человек. Он видел, может, еще Затяжную войну! Разве назовет такой кому свое имя? Обращенным-то быть не хочется, а?

– Если он такой могущественный маг, – прошипел юноша, взбешенный дурацким обращением "Лэу" и снисходительным тоном учителя, – то как же мы отберем у него Душу Мира? Или он прямо сразу нам ее отдаст? О, великий Сэвезмунт, мне вовек не совладать с тобой, бери, бери, пожалуйста, Душу Мира, только оставь меня одного подумать о моем страшном поражении! Так, что ли?

– Было бы неплохо, – вскинул подбородок маг, будто бы не заметив его тона. – Но вряд ли это получится... Сперва поговорим с ним, выясним, что он за шим такой. Сомневаюсь, что получится отобрать Душу при первой встрече, но для начала припугнем Зодиакальным Обществом. Вдобавок, ты, кажется, меня недооцениваешь, друг мой.

Лэунд хмыкнул и многозначительно закатил глаза. Они спустились к самому особняку, который располагался в отдалении от прочих домов, возле быстрой узкой речки, по берегам которой среди зарослей осоки высились оливковые деревья.

Вокруг самого особняка в изобилии росли оливковые и рожковые деревья, и наххары, такие высокие, каких Лэунд никогда в жизни не видел, и жасмин, усыпанный сладко пахнущими белыми цветами, хотя ему не положено цвести в это время года. Сад был огражден высоким забором из железных прутьев, за которые цеплялись вьюны и дикий виноград. Путники приблизились к калитке, Сэвезмунт дернул дверное кольцо, но дверь, конечно, оказалась заперта. Зато зазвенели многочисленные колокольчики, закрепленные на железных прутьях. Маг чуть отошел от калитки и принялся вглядываться в сад, скрестив руки на груди. Лэунд последовал его примеру, попутно размышляя о том, на кого мог бы быть похож этот человек. Они ждали достаточно долго. Воздух нагревался, становилось все жарче по мере того, как солнце карабкалось выше и выше по небосводу; не помогали даже ветер и близость реки. В какой-то момент юноша заметил, как по рассеянно-задумчивому лицу Сэвезмунта пробежала тень, и он обернулся, преувеличенно медленно, будто сдерживая себя усилием воли. Лэунд обернулся тоже, куда резче, чем учитель, и увидел человека, который стоял на расстоянии не больше пяти шагов от них и с интересом за ними наблюдал. Человек оказался мужчиной неопределенного возраста: равно ему можно было дать и тридцать, и пятьдесят, хотя лицу его не была присуща та размытость черт, которая отличала старейших магов Зодиакального Общества. У него был прямой и узкий нос, немного впалые щеки, губы – тонкие, искривленные

в насмешливой улыбке, на высокий лоб спадали пряди волос, тронутые сединой. Волосы его больше всего походили на пучок соломы, желтые, сухие, достающие до плеч. Однако первое, что бросалось в глаза, существенно отвлекая от лица незнакомца – это его одежда. Обыкновенные бежевые штаны из мягкой кожи и накидка наподобие пончо, сшитая из огромного количества кусочков и украшенная таким количеством узоров, что при попытках взглянуть на нее рябило в глазах. Казалось, в его одеянии нашли себе место все цвета радуги. Возможно, даже те цвета, которых нет в радуге.

– Я могу быть вам чем-то полезен, господа? – проговорил мужчина и приблизился, ступая почти бесшумно.

Стоило ему поравняться с ними и Лэунд ощутил странное, необъяснимое раздражение; казалось, человеку чего-то не хватает, но юноша никак не мог понять, чего именно.

– Можешь, пожалуй, – спокойно ответил Сэвезмунт и снял капюшон.

Глаза человека блеснули любопытством, холодные и зеленые, как две виноградины.

– Ученик Тэльге, – произнес он. – Мог бы и не снимать капюшона, я узнал тебя прежде; хотя жест весьма эффектный, спешу отдать должное. Но я предпочитаю демонстративные взмахи плащом, когда его полы так красиво разлетаются на ветру. Это, конечно, устарело в наше время, но я приверженец старых традиций. Впрочем, я не ношу длинных плащей, и, похоже, я заговорился... Не думал, что еще когда-нибудь тебя увижу. Как Общество? Далеко увела тебя карьерная лестница?

– Боюсь, я ее миновал, – пожал плечами маг. – А ты? Смотрю, нашел себе место в славном уголке природы? Изводишь неиспользованные заклатья на цветы жасмина?

Человек рассмеялся, обнажив ровные белые зубы, а отсмеявшись, проговорил:

– Зря говоришь так, Шэви. Чай с жасмином очень полезен для здоровья, кроме того эти цветы так прекрасно пахнут, особенно ночью... Сказка. Сказка и явь одновременно. Если когда-нибудь дойдешь до того, что осядешь и заведешь свой дом, очень рекомендую немедленно посадить как можно больше жасмина, благо, в местном климате он прекрасно растет. Может, мне сказать садовнику выкопать тебе пару кустов?

– Нет, спасибо, – Лэунд почти услышал, как учитель скрипит зубами.

Этот маг – конечно, это был тот маг, что им нужен – позволял себе говорить с Сэвезмунтом так, как сам Сэвезмунт говорил с Лэундом.

– А это... твой ученик? – маг окинул юношу беглым взглядом.

Лэунду показалось, что по коже у него пробежал холодок, до того неприятные, лишенные всякого выражения глаза были у человека. Вдобавок, юноша никак не мог разглядеть его знак зодиака. Это было странно, ведь Зодиакальное Общество запрещало подобные заклатья. Впрочем, что могущественному магу правила? Но и самого заклинания Лэунд тоже не видел, и это раздражало его не на шутку.

– Коренной вицерец, – заключил маг. – Как тебя зовут, мальчик?

– Воздержусь от ответа, – буркнул Лэунд, хмуро сверля взглядом собеседника.

Он не знал, что значит "вицерец", но это здорово походило на какое-то оскорбление.

– Смотрите, каков, – маг усмехнулся. – Впрочем, это довольно дальновидно, как считаешь, Шэви? Ты сам в юности сообщал свое имя кому не лень.

– Ладно, – Сэвезмунт нахмурился. – Поболтали и будет...

– Ох, разумеется! Не могли такие важные гости прийти просто так, – маг не переставал кривляться, чем изрядно раздражал Лэунда. – Прошу проследовать за мной в дом. Какое вино предпочитаете?

Мужчина приблизился к калитке, и она послушно распахнулась перед ним, серебристо-зазвенев длинными рядами колокольчиков.

Они прошли на веранду дома, где стоял поблескивающий бежевой мраморной поверхностью стол. Маг подозвал какого-то человека и попросил того принести вина, чай и сыр.

– Слуга сейчас все принесет, – произнес маг, когда человек удалился.

– Сейчас не существует слуг, – нахмурился Лэунд. – Законы Четвертого мира...

Формально их и правда не существовало. Юноша знал, что когда-то, до Затяжной войны, были времена, когда одни люди могли принадлежать другим. Потом законы изменились.

– О, не думаю, что эти люди знают новые законы. Как и я, они приверженцы старых традиций, – человек усмехнулся. – К слову о традициях. Я вам не сообщил имени, каким меня можно звать... Сейчас подумаю.

– Думаю, Ёрт сойдет, – сухо заметил Сэвезмунт.

– Да, пожалуй, Шэви. Ёмко и лаконично.

Пожилой мужчина, тоже облаченный в легкую накидку вроде пончо, принес им вино, чай и сыр. Лэунд не стал ничего брать, а Сэвезмунт сразу налил себе большой бокал вина. Ёрт предпочел вино чай (надо думать, он был с жасмином).

– Не буду юлить, мы пришли по поводу Души Мира, – отхлебнув, сказал учитель.

Лэунд с сомнением покосился на Сэвезмунта: по его мнению, было глупо так сразу открывать планы врагу.

– Не буду юлить тоже: я прекрасно это знал, – с легкой ухмылкой ответил Ёрт. – И что же ты хочешь мне сказать про Душу Мира? Неужели ты знаешь о ней что-то, чего не знаю я?

– О, да, – кивнул маг, нервно сжимая руку в кулак. – Например то, что ты должен вернуть ее Зодиакальному Обществу.

Костяшки пальцев Сэвезмунта побелели, хотя казалось, его необычайно светлая кожа не может стать бледнее, чем есть.

– Вернуть? – Ёрт выразительно приподнял брови. – Вернуть... О, боги! Как будто Душа Мира им когда-то принадлежала. Ты никогда не задумывался, что наш благословенный Сабскрибер (в том числе, и его таинственная духоподобная сущность) – собственность растений, животных, драконов, секлаев, народа тэнши, существ Иного Мира и – чего уж греха таить – людей тоже? А не только Зодиакального Общества.

– Не думал, что ты будешь читать мне подростковые морали, – хмыкнул учитель.

– Не думал, что ты будешь прикрываться Зодиакальным Обществом для осуществления своих планов подобно ребенку, – в тон ему ответил маг. – Впрочем, я все равно не отдал бы тебе Душу Мира, как и любому, кто ищет ее. А отнять ты ее у меня не сможешь.

– Это почему же? – пальцы Сэвезмунта вертели тонкую ножку бокала.

Сам он ухмылялся, копируя насмешливую улыбку Ёрта. Но на его лице она смотрелась куда более нервной.

– Потому что у меня ее нет, – пожал плечами маг. – Она спрятана в не очень надежном, но сложном для обнаружения сосуде. Можете поискать, если хотите.

Сэвезмунт схватился рукой за посох, до того прислоненный к перилам веранды, предварительно отбросив в сторону бокал, который разлетелся на множество истекающих вином осколков, ударившись о перила. Лэунд предусмотрительно отодвинулся в сторону вместе со стулом.

– Она у тебя! – закричал маг. – Говори, где! Я знаю твое имя и знак зодиака!

– Знак зодиака? – спокойно переспросил Ёрт. – Ты уверен?

– Что за... Шимхар! – Сэвезмунт вдруг опустился на стул.

Рухнул тяжело, как мешок с песком, судорожно цепляясь за посох.

Лэунд взглянул на Ёрта и вдруг все понял: он не мог рассмотреть заклятия, скрывающего знак мага потому, что заклятия попросту не было. Как и, собственно, знака зодиака.

– Где он? – воскликнул юноша, не сдержав удивления.

Ёрт на это лишь развел руками.

– Видишь ли, у меня его позаимствовали. Однако этот разговор перестает быть приятным.

И маг стал исчезать. С пальцев Сэвезмунта слетела зеленовато-синяя вспышка, но она не коснулась мага, а пролетела сквозь него и разбилась на сноп искр, ударившись о стену и оставив за собой черный след. Силуэт снисходительно ухмылявшегося Ёрта продолжал неторопливо таять.

– Что это такое? Что вы делаете? – спросил его Лэунд.

В панике он цеплялся за самое неожиданное.

– Это длительная телепортация. Часть меня в этом месте, а часть – уже в другом. Не скажу, где, – спокойно объяснил маг, и голос его звучал очень тихо, будто бы приглушенно.

Лэунд растерянно кивнул.

– В наше время это, конечно, устарело, но я приверженец старых традиций, – прошептал напоследок Ёрт и растаял совсем.

Сэвезмунт, не веря своим глазам, сверлил взглядом то место, где только что был маг. Посох в его руках дрожал. Лэунд нервно вздохнул и осторожно взял с тарелки кусочек сыра.

На всякий случай они обыскали особняк, и никто из слуг не возразил против этого – возможно, маг по имени Ёрт успел тем каким-то образом предупредить. Конечно, ничего они не нашли. Сэвезмунт уходил раздосадованным и разозленным, а Лэунд – обескураженным.

– Почему Зодиакальное Общество ничего не сделает с ним? – спросил он учителя уже на обратном пути, когда они брели от особняка к затерянной в холмах деревеньке.

– С такими, как он, лучше дружить. А если не получилось, то их стараются не трогать. Неудавшийся ученик Тэльге, как никак. Неудавшийся, но очень талантливый. Честно сказать, Ёрт – последний, кого я ожидал здесь встретить. Я думал, он пропал без вести около сорока лет назад. Это чуть ли не единственный человек, с которым мне никак... с которым будет проблематично справиться.

– Кто такая Тэльге? – Лэунд вспомнил, что не первый раз уже слышит это имя.

– Моя учительница, – Сэвезмунт скрипнул зубами. – Одна из Тринадцати великих магов.

– То есть вы учились вместе?

– Нет, – маг покачал головой. – Не "то есть". Тэльге очень долго жила на свете, но учеников у нее всего двое, я и Ёрт. Ёрта она учила во времена Затяжной войны, а потом внезапно отказалась от него. Она поняла, что опасно давать ему знания, и, наверное, оказалась права. Говорят, это как-то связано с "Гороскопами", но, я думаю, это все слухи... Правда, отказываться было уже поздно: Тэльге хорошо учила, а Ёрт – умен, талантлив, а кроме того еще и старателен; ему и не требовалось заканчивать обучение, чтобы стать сильным магом. Конечно, у него в результате нет посоха, но не то чтобы это здорово ему мешало.

– И этот человек украл Душу Мира, – полувопросительно проговорил Лэунд и тут же усмехнулся, мстительно вспомнив утро. – Что ж, плохое твое дело, Сэвезмунт!

– Это мы еще посмотрим, – осклабился маг.

– Что вообще такое эта Душа? – спросил юноша, обрадованный тем, что наконец удалось вытащить из мага информацию.

– Таинственная сущность Сабскрибера. Говорят, однажды какая-то часть живой реки осознала себя как разумное существо. Говорят, будто это самый могущественный дух из существующих, и поймать его – значит получить власть над живой рекой. Надо сказать, мы долго считали, что это глупость! Но по окончании Затяжной войны кто-то из магов заметил, будто живая река стала более... хаотичной. С ней проще теперь договориться, чем в старые времена. И духи в последнее время чем-то обеспокоены: ходят, ищут и никак не могут найти. Затем от одного духа из дома Чиниоре мы снова услышали о Душе, и тогда стало понятно, что это не шутки. С тех пор Зодиакальное Общество пытается отыскать Душу и присвоить ее себе – да, вот, пока ничего не выходит. Такие вот дела, Лэу, – на лице Сэвезмунта мелькнула сухая ухмылка. – Что же ты в своих умных книжках этого не вычитал?

– Как-то не пришлось, – пожал плечами Лэунд.

Они уже почти вплотную подошли к деревне.

– Что теперь будешь делать?

– Ну, вообще-то теперь я собираюсь зайти в трактир, – пожал плечами маг. – После такого мероприятия недурно как следует выпить...

– И все? – изумился юноша. – Тыпустишь все на самотек?

Даже теперь он все никак не мог привыкнуть к безалаберности учителя.

– Не дури, Лэу, – пренебрежительно фыркнул Сэвезмунт. – Ёрт ушел, и с этим ничего не поделаешь. Что мне нужно сейчас – так это чего-нибудь покрепче. Шутка ли – встретить ученика Тэлыге, да еще не у себя в зеркале! Сомневаюсь, что в этом захолустье найдется приличное место, но иногда следует довольствоваться малым... Отдохну сперва, потом схожу в ближайший Центр, у меня там есть кое-кто знакомый. А у тебя появляется фантастическая возможность расслабиться, попрактиковаться в управлении живой рекой и заодно стать чуть более самостоятельным.

– Ты имеешь в виду, мне придется остаться в этом сомнительном месте? – скептически уточнил Лэунд.

– Видишь, мы еще не зашли в деревню, а ты уже стал чуточку сообразительней, – обрадовался маг. – Сейчас немного выпьешь и окончательно превратишься в гения...

– Нет уж, спасибо! – фыркнул юноша, презрительно морща нос.

Любые действия, связанные с алкоголем, казались ему глубоко отвратительными, а к деревенским кабакам юноша и вовсе относился с брезгливым презрением. Поэтому вместо того, чтобы последовать за Сэвезмунтом, он отправился исследовать деревеньку. Все равно учитель уходит на несколько дней, что толку таскаться за ним сейчас, тем более, что его общество не так уж приятно?

Деревенька была воздушной, и располагалась вокруг небольшого холма, у подножия которого бежала маленькая узкая речушка, сверху похожая на голубоватую ленту. Дома прятались в кущах зеленых садов, в садах росли сливы и накхары, увешанные плодами, вдоль заборов весело вилась ежевика и горели красные ягоды шиповника. Наверху холма виднелся потрескавшийся серый купол храма Богини Янтарного Солнца, тонуший в пышных древесных кронах, едва тронутых дыханием наступающей осени.

Лэунд побрел по холму вперед, к храму, мимо садов, мимо покосившихся заборчиков, мимо грубо сколоченных деревянных домов с аляповато украшенными ставнями. По улицам весело носились дети, и Лэунд смотрел на них со снисходительным умилением, пока не обнаружил, что какой-то особо прыткий парнишка его обокрал. Юноша изрядно устал, пока бегал за ним, но догнать вора так и не получилось. Поэтому до храма Лэунд добрался злой, взъерошенный и весь мокрый от жары. Мечты его теперь сводились к одному – найти где-нибудь поблизости колодец с холодной, прозрачной водой и как следует напиться и умыться. Лэунд знал, что при храмах часто ставят колодцы, чтобы порадовать богов – считалось, они это одобряют – и он надеялся найти здесь такой, желательный, еще действующий.

Он обошел вокруг сада – плотным кольцом его окружала колючая, яростно разросшаяся без ухода живая изгородь из ежевики, терна и дикого винограда. Изгородь выглядела колючей и недоброй. Наконец, после непродолжительных поисков Лэунд отыскал узкую тропинку, уводящую куда-то вглубь, в ежевично-терновые дебри. Из глубины сада доносилось негромкое визгливое поскрипывание. Лэунд двинулся вперед, прислушиваясь к звуку и осторожно отодвигая колючие ежевичные плети, то и дело цеплявшие его волосы. В неизвестном саду сильно пахло полынью и тмином.

Скрип становился все громче и громче, и вскоре Лэунд заметил очертания оплетенного вьюном колодца и чью-то темную фигурку, сидевшую на его краешке. Ноги путались в тонких мокрых стеблях травы; когда Лэунд подошел поближе, он сумел рассмотреть очертания непо-

знанного ранее существа. По всему видно, девочка, может, немного помладше его самого. Худая, кажется, невысокая, со светлыми, необычно блестящими пепельными волосами, мягко спадающими по плечам. Он уже видел ее знак зодиака: девочка, по счастью, была рыбы – нечестный и не совсем желательный знак в воздушном городе.

"Вот тебе и вода, и собеседник", – юноша несколько оживился.

Она сидела к нему спиной и даже не пошевелилась, когда Лэунд подошел совсем близко.

– Эй, – позвал он. – Привет.

Прошло несколько секунд, и незнакомка медленно обернулась, полыхнули голубоватыми огоньками ее глаза. Сердце ухнуло вниз от мимолетного испуга: что-то с девочкой было не так. Лэунд несколько секунд просто неподвижно смотрел на нее, усердно пытаясь понять, что именно его напугало, а потом, наконец, осознал: обращенная. Девочка оказалась обращена в Тень. Судя по всему, она провела в этом состоянии уже много времени, потому как сейчас больше походила на бледного серого призрака, нежели на черное существо Иного мира. Теперь Лэунд понял, почему ее волосы казались блестящими: коричневатая ткань пальто через них попросту просвечивала, что издали можно было принять за необычную игру света. Глаза обращенной недобро сузились, превратившись в две яркие голубые щелочки.

– Ты што? – четко произнесла она на искаженном акцентом четвертом языке. – Уходи!

– Не стоит, – сказал Лэунд, поспешно переходя на второй – свой родной язык. – Я знаю по-вашему. И с чего бы это я должен уйти?

Девочка недолго обдумала его слова, потом холодно спросила:

– Зачем пришел?

– Я хочу пить, – он указал кивком на колодец.

– Колодец пересох, – медленно проговорила девочка.

– Тогда что ты здесь делаешь? – Лэунд мысленно укорил себя: связываться с обращенной, тем более, находящейся в таком состоянии – не лучшая идея.

Впрочем, кто знает, может, она еще сохранила способность к нормальному, осмысленному диалогу.

– Разве не видно? Я собираюсь топиться, – одной-единственной фразой опровергла все его надежды обращенная.

Сказала она это так спокойно и буднично, словно проделывала эту процедуру на протяжении многих лет изо дня в день. Впрочем, может, так оно и было – кто этих обращенных знает.

– Топиться? В пересохшем колодце? – уточнил Лэунд

– Ты же хотел из него пить...

"Похоже, она так шутит", – успокоил себя будущий маг, все еще пытавшийся составить мнение о том, насколько собеседница адекватна.

– И, раз воды тут нет, уходи, – все так же безэмоционально произнесла девочка.

– Почему?

На этот раз обращенная молчала довольно продолжительное время, светлые глаза ее подернулись мутной пеленой, в раздумии она подцепила пальцами рычажок, с помощью которого вытягивали ведро, и стала его крутить: пол-оборота в одну сторону – пол-оборота в другую. Раздался тот самый противный скрип, какой Лэунд слышал ранее. Юноша уже подумал, что собеседница заснула, но тут губы обращенной дрогнули, и она многозначительно изрекла:

– Потому что я так хочу.

– Что ж, я не собираюсь выполнять твои пожелания, – фыркнул Лэунд.

Девочка пожала плечами, соскользнула с края колодца и, шурша и хрустя ломающимися под ногами ветками, направилась к выходу из сада. Лэунд, которого ситуация начала уже забавлять, последовал за ней. Он вынырнул вслед за девочкой из разросшихся ежевичных зарослей и вместе с ней зашагал по дороге. Так некоторое время они и шли: обращенная, и Лэунд чуть поодаль. Наконец, девочка резко остановилась, развернулась к нему и тихо спросила:

– Ты маг, да?

– Я младший ученик, – отвечал Лэунд. – Как ты поняла?

– Ты поступаешь жестоко, – ответила она. – Похоже на мага... Ты знаешь об этом?

Слова ее прозвучали настолько устало и невыразительно, что Лэунд на миг даже почувствовал себя виноватым, но тотчас отбросил это глупое чувство и с немым вопросом в глазах воззрился на собеседницу. Юноша не понимал, что такого жестокого в его поведении: он не ударил ее, не оскорбил, и вообще, это ведь она старается прогнать его из сада, который никому не принадлежит! Так почему же он, Лэунд, вдруг поступает жестоко?

Он ждал объяснения, но обращенная по глазам, похоже, читать не умела.

– Почему? – не выдержав, спросил Лэунд.

– Я попросила оставить меня в покое, – отчеканила девочка. – Ты не захотел. Я ушла сама. Ты пошел за мной. Ты прекрасно знаешь, что означает мой внешний вид, и все равно...

– А ты прекрасно знаешь, что давишь на жалость, – холодно прервал ее тираду юноша.

– Просто говорю, как есть, – обращенная покачала головой. – Я не люблю магов. Оставь меня в покое.

Лэунд пожал плечами и, резко развернувшись, в самом деле пошел назад, чувствуя себя немного раздосадованным. Он-то надеялся на что-нибудь интересное, а получил лишь нудные проповеди. Но обращенные есть обращенные, что с них взять? Да и что Лэунду может быть нужно от такой, как она? Он ожидал в скором времени услышать возглас "Эй, постой!", или что-нибудь вроде того, ведь обращенные, как правило, тянутся к общению, если возникает такая возможность, пусть, своеобразно и в целом безрезультатно. Немного погодя, он обернулся, посмотрел через плечо; девочка стояла все на том же месте и глядела ему вслед.

Лэунд хмыкнул: до чего же слабое создание. Юноше не было жаль ее: обращенными – он был уверен – становились по большей части либо слабые люди, либо отъявленные гордецы и глупцы, которые сумели нажить нерасположение ведьмы. Какой бы эта девчонка не была раньше, сейчас она уж точно слабая, и Лэунду незачем водиться с ней. Он прошел вперед еще немного, неодобрительно качая головой, и уже почти свернул с дороги, как вдруг услышал позади себя топот. Юноша тотчас обернулся и увидел недавнюю знакомую. Девочка бежала, похоже, по направлению к старому саду, и бежала вполне целеустремленно. И откуда у обращенной столько энергии? Живет она там что ли?

Лэунд насторожился и остановился посреди дороги. Любопытство незаметно подталкивало его вперед: там, под сенью деревьев может прятаться что-то странное, интересное или страшное, какое-нибудь сокровище или таинственное животное. Что-нибудь такое, чего Лэунд никогда не видел, что-нибудь, о чем он даже никогда не слышал. Его любопытство тихонько нашептывало ему эти слова, распаляя воображение, и противиться этому шепоту было сложнее, чем сопротивляться музыке сирен. Поэтому юноша, немного поразмыслив, вновь свернул на дорогу, ведущую к храму.

Преодолев гущу колючих зеленых кустов, он вновь вышел к колодцу, но обращенной на этот раз тут не оказалось. Лэунд приблизился, перегнулся через край колодца и увидел свое отражение на темной глади воды.

"Пересох, как же... Воды ей, что ли, жалко?"

Он огляделся, посмотрел, нет ли поблизости ведра, чтобы зачерпнуть воды, но вместо этого неподалеку от колодца заметил еще одну протоптанную тропинку. Похоже, по ней часто ходили – трава тут почти не росла. Тропинка змеей огибала храм. Лэунд, стараясь не шуметь, прошел вдоль стены, осторожно выглянул из-за угла и замер с широко распахнутыми от удивления глазами.

Пред ним предстал сад, сравнимый по красоте с садами Хайноса. Розовые кусты пестрели алыми, бордовыми и белыми бутонами, дельфиниум склонял тяжелые синие шапки соцветий.

Вкрапления бархатцев, кореопсиса и красных лилий горели, как таинственные костры. Розовые и голубые маки нежно трепетали на ветру. В цвету стояли сирень, и жасмин, и такие растения, которым совершенно не полагается цвести в начале осени даже на юге, сладко пахло шалфеем и розмарином. Храмовая стена совсем потерялась, окутанная синей дымкой цветов клематиса. Лэунд в отчаянии посмотрел на яблони и накхары, но, к счастью, они не цвели – этого юноша бы не вынес – а вполне прилично пестрели спелыми плодами.

И посреди всего этого великолепия сидела обращенная и старательно выдергивала травинки из рыхлой земли под розовым кустом.

– Это все ты? – озадаченно спросил юноша, отходя от стены и обводя рукой сад.

Девочка, которая заметила его только что, вскочила – руки ее были выпачканы в земле – и водянисто-голубыми глазами уставилась на Лэунда.

– Только попробуй... только попробуй что-нибудь сломай! – срывающимся голосом воскликнула она.

– Это ты все сделала? – продолжал спрашивать Лэунд.

Может, здесь еще много обращенных? Много-много обращенных, вооруженных лейками, лопатами, мотыгами и граблями, и все они целыми днями пропальвают, окучивают, сажают и поливают – это, по крайней мере, объяснило бы все. Все, кроме цветения сирени в первое осеннее подзвездие, конечно же.

– Сначала пообещай, что ничего не сломаешь, – стояла на своем девочка.

– Не сломаю-не сломаю, – юноша зачем-то вскинул руки. – Так это твой сад?

Девочка пожала плечами.

– Не знаю. Я ухаживаю за ним.

– Как это все мог сделать кто-то вроде тебя? – вопросы, ворохом крутившиеся ранее в голове Лэунда, вырвались теперь наружу, превратившись в словесный поток. – Тебе кто-то помогает? Вас много здесь? Или ты сама бывшая ведьма? Или маг?

– Что, неплохо, да? – обращенная слабо улыбнулась.

– Неплохо?! – вскричал Лэунд, впрочем, почти сразу же взяв себя в руки:

– Да, очень даже неплохо. Хотя я видал и получше. В Хайносе куда как ухоженной сады, а у тебя, вон, трава везде растет.

Обращенная хмыкнула.

– Я бы ее выволола, если б ты мне не помешал.

– А я не мешаю, – юноша пожал плечами. – Я просто тут стою, а ты зачем-то отвлекаешься.

Девочка улыбнулась и вдруг тихонько засмеялась – слабым, мурлыкающим, как у всех обращенных, смехом, который внезапно перешел в сдавленный кашель. Она наклонилась, прокашлялась, прикрывая лицо тыльной, незапачканной стороной ладони, и проговорила:

– А ты не такой уж ужасный для мага.

– А ты не такая уж немощная для обращенной, – в тон ей сказал юноша, подходя на несколько шагов ближе, и протянул ей руку. – Я Лэунд.

– Меня называют Келео, – обращенная слегка сжала его ладонь тонкими, измазанными в земле, пальцами.

Лэунд поморщился: "Келео" на первом языке означало "Призрак", но сейчас слово прозвучало как имя собственное. Кто-то из Первого мира был здесь и назвал ее так? Как-то ей живется с таким имечком...

– Символично, ничего не скажешь, – грустно сказал он.

– Символично? – нахмурилась девочка.

– Ты знаешь, что означает твое имя? – настороженно спросил Лэунд.

– А оно что-то означает? – удивилась Келео. – Мне всегда казалось, это просто красивое слово... Один приезжий меня так называл. Расскажи скорее!

Юноша чуть помедлил, а затем, меланхолично пожав плечами, ответил:

– Оно значит "ручей".

Девочка недолго подумала, потом на ее лице медленно расцвела улыбка.

– Неплохо. По-моему, мне подходит, как думаешь, Лэунд?

– Возможно-возможно, – протянул юноша – ему было приятно, что она не стала сокращать его имя как "Лэу".

– Ты будешь помогать мне теперь, – заявила вдруг Келео, так просто и спокойно, будто это было чем-то самым собой разумеющимся.

– С чего ты взяла?

– Я прошу тебя об этом.

– Обычно с просьбы и начинают, – Лэунд фыркнул.

– Я кажусь тебе похожей на обычного человека?

На следующий день, немного побродив по холмам мимо тех мест, где стояли овчарни и амбары, Лэунд вновь вернулся в сад – все равно делать было больше нечего. Сначала юноша просто забрался на дерево, устроился на ветке поудобнее и стал наблюдать за тем, как Келео копается в земле, что-то выдергивает, что-то пересаживает, но вскоре ему это надоело.

– Эй, обращенная! – крикнул Лэунд, хитро поглядывая сверху на устраивающую клумбу девушку.

Келео вздрогнула и посмотрела вверх. Вскоре выражение недоумения на ее лице сменилось теплой улыбкой.

– Здравствуй, маг по имени Лэунд! Не хочешь помочь?

– Ну уж нет, – фыркнул юноша и раздраженно качнул ногой. – Еще чего, в грядках копать! То ли дело смотреть, как работают другие..!

Келео пожалала плечами и продолжила свое занятие, тихонько напевая себе под нос. Мотив песенки был знакомый, но Лэунд не смог разобрать слов – слишком уж высоко он забрался.

Он пришел и через два дня. Делать опять было нечего, а от Сэвезмунта не было никаких вестей. Лэунд устроился на ночлег в какой-то таверне, где внизу день и ночь пили, ели, горлашили, дрались и жуткими голосами завывали застольные песни. Тихий сад в сравнении с этим казался ему более приятной альтернативой.

На этот раз Лэунд примостился на краю колодца, и Келео заметила его гораздо быстрее, когда пошла за водой для полива.

– Здравствуй, Лэунд! Еще не надумал помочь?

– Да как-то еще нет, – юноша смотрел, как ведро погружается в воду. – Между прочим, ты соврала тогда про колодец!

– Надо же было тебя как-то отвадить, – Келео равнодушно пожалала плечами.

Лэунд хмыкнул и стал рассматривать покачивающиеся на ветру высокие стебли травы. Ласковый ветер трепал его волосы, солнечные лучи согревали, пробиваясь сквозь древесную листву, и в душе его медленно растекались мир и покой. Он улыбнулся сам себе и прикрыл глаза, слушая удаляющиеся шаги обращенной и шепот трав. Поскрипывание ведерной ручки среди этих мягких, успокаивающих звуков казалось чем-то чужеродным.

"Мог бы помочь донести", – с укором напомнил ему внутренний голос, который зачем-то знал, что Лэунда, к сожалению, воспитывали приличным человеком.

"Ерунда, – думал Лэунд. – Это ее сад, ее колодец и ее ведра. Я просто так сюда пришел и не имею к этому никакого отношения".

Дни неслись вперед, один за другим, по-летнему солнечные и умиротворяющие, в них не было ничего от губительной осенней тоски. Лэунд потихоньку читал те книги, которые взял с собой. Призывать огонь у него все еще не получалось.

Четыре дня спустя Лэунд устроился на старой, порядком прогнившей скамейке у стены храма, уже не стремясь остаться незамеченным.

- Лэунд, там неподалеку от тебя стоят грабли, можешь передать?
- Да шим с тобой! – выдохнул юноша и крепко схватил инструмент. – Только это первый и последний раз, когда я для тебя что-то делаю!
- Хорошо! – живо отозвалась Келео.

Келео: часть вторая

Лэунд всегда знал, что быть приличным человеком – опасно и трудно, а помощь людям не доводит до добра.

Он и сам не заметил, как стал помогать Келео в саду. Сначала все ограничивалось простыми просьбами, а после его каким-то совершенно немыслимым образом умудрились привлечь к прополке и выкорчевыванию пеньков. Это был труд совершенно не подходящий магу, занятие для простолюдинов! Да и растениеводством он никогда не интересовался. Главное, не пропустить момента, когда вернется Сэвезмунт: если маг узнает про его садоводческие подвиги, будет смеяться над Лэундом до скончания времен.

"Мне просто-напросто больше нечего делать, – убеждал себя не желающий терять чувства собственного достоинства Лэунд. – Нужно же чем-то заняться, правда?"

И с подобными мыслями Лэунд раз за разом брел в сад, чтобы от нечего делать опять выполнять какую-нибудь, в общем-то, бесполезную для него работу. Недочитанное руководство по практической магии пылилось в его комнате, в таверне, где день и ночь пили, ели и горланили застольные песни.

– Принеси, пожалуйста, немного воды, тут надо полить.

Лэунд отряхнул от земли руки и проворчал:

– Сейчас-сейчас, ну что ты заладила? Я тебе не наемный работник. Я вообще ничего тебе не должен!

Келео пожалала плечами, не переставая копать в клумбе. Парень горестно вздохнул, взял ведро и направился за водой.

Старый рычаг противно скрипел под руками, ощущалась тяжесть ведра, наполненного водой. Скоро его заржавелый край вынырнул из темноты колодца. Лэунд снял его с крюка и поволок к клумбам.

– Ну, где поливать?

– Поставь пока, – отвечала Келео. – Да, там где-то у стены должна быть коса... Возьми ее и скоси траву с другой стороны храма.

– Что, всю? – опешил Лэунд. – Зачем?

– Я хочу успеть прополоть и засадить здесь все до того, как исчезну, – пожалала плечами девочка. – Я хочу, чтобы люди увидели мои труды и то, какая красота есть в их деревне. Хочу оставить что-то после себя. Хоть какой-то след.

– Но это невозможно! – воскликнул Лэунд. – За такое короткое... Это займет кучу времени!

– Я постараюсь, – невозмутимо ответила Келео. – Ты ведь мне помогаешь. Значит, не все еще потеряно... Иди, коси.

Лэунд вздохнул, взял косу и взглянул на просторные желтеющие заросли травы и сорняков. Ему казалось, на то, чтобы это скосить потребуется самое меньшее – неделя, тем более, что он никогда прежде этого не делал. Юноша задумчиво потер плечо; почему-то возле храма кожа его всегда покрывалась мурашками.

"Погоди-ка, мурашки?"

Похожий эффект обычно давала перебродившая магия. Она пропитывала воздух в старых лавочках ведьм, жилищах шаманов или магов и... возле храмов. Перебродившая магия! Болотце из живой реки! Ну конечно! Вот почему сирень и жасмин здесь цветут даже летом, вот почему черенки роз дают листья и корни на третий день, а на пятый превращаются в небольшие колючие кусты. В месте, где есть перебродившая магия, хорошо получается всякое колдовство, правда, оно иногда ведет себя непредсказуемо, но это уже другой вопрос.

"Маг я в конце концов, или не маг?"

Лэунд положил косу на землю и прикрыл глаза. Желтые и светло-зеленые краски исчезли, остался только терпкий запах полыни и земли, да шорох ветра, качавшего траву.

– Что ты там делаешь? – осведомилась Келео.

– Помолчи, – Лэунд поднял руку перед собой, согнув в локте, направив ребром ладони вперед.

"Вот растут травы. Ветер качает стебли полыни, шевелит сухие травинки... Вот они падают, срезанные".

Лэунд резко открыл глаза, рубанул воздух рукой, раздался негромкий свист. Ветер качнул стебли сорняков, поиграл с листьями... и травы упали, скошенные под самый корень, улеглись ровным зеленым слоем. Юноша улыбнулся и довольно потер руки. Это было первое заклинание, которое получилось у него как следует.

– Эй, Келео, я все скосил!

– Я видела, – обращенная стояла у каменной стены, взгляд у нее был затуманенный, задумчивый, а губы чуть приоткрыты.

Лэунд внутренне дрогнул. Ему вдруг пришла в голову мысль, что Келео могло испугать колдовство. В конце концов, именно по его вине девочка оказалась обращенной в Тень.

Вдруг взгляд Келео прояснился, мутная пелена исчезла с глаз, обращенная приложила руку к подбородку и тихо, грустно пробормотала:

– А ты... ты можешь так же и корни выкорчевать?

Некоторое время Лэунд смотрел перед собой, осмысливая услышанное и пытаясь сопоставить значение высказывания Келео с ее тихим грустным голосом и преисполненными вселенской печали невероятными глазами. И решил не сопоставлять. Где-то не слишком глубоко внутри всколыхнулось раздражение; мысль о том, что он только что волновался почему зря была ему неприятна.

Он фыркнул:

– Магия тебе не бирюльки, чтобы с ее помощью траву полоть.

– Почему?... – искренне удивилась Келео.

Юноша махнул рукой.

– Пойду траву в кучу соберу... Где тут грабли?

– Все там же, – растерянно отозвалась обращенная.

Лэунд сделал несколько шагов в указанную сторону.

– И я даже не надеюсь на благодарность, – сообщил он, выглядывая из-за угла.

– Ясно, – пожала плечами Келео.

Лэунд заскрипел зубами. Он не знал, на что именно пенять, не то на слабоумие Келео, не то на физическое, либо душевное состояние. И потому просто пошел собирать траву.

Тем не менее, этот день напомнил ему об одной детали, о том, что Лэунд успел за последнее время забыть, растворившись в уходящем лете, в его солнце, в травах, воде, питающей новые ростки. Деталь была вот какой: Келео скоро исчезнет. С этого дня по вечерам он стал перебирать многочисленные учебники в попытках найти хоть какую-то информацию об обращенных. Но о них ничего не писали. Все, что Лэунду удалось отыскать, поместилось бы на паре страниц:

"Это заклятие было придумано давно, в далекие мрачные времена, когда маги разных народов, в то время еще существовавших, сражались за возможность править Большим Материком. Маргна, так тогда этот материк называли, но теперь и этого не помнит никто. В те времена это заклинание, только что придуманное, называли заклятием Забвения, а заколдованных – забывшими.

Эту особую магию придумали ведьмы, когда Тени – порождения человеческого страха – заполнили весь материк. В те времена заклинание было немного другим, хотя суть его осталась неизменна. Когда ты не можешь жить, как прежде, когда ты забыл, кто ты, когда не хочешь больше назваться тем именем, которое дано тебе от рождения – приходи к ведьме, и она отберет самый болезненный кусочек твоего прошлого – тонкую искристую временную нить – и даст тебе новое имя и шанс на новую жизнь. Ты будешь помнить свой знак зодиака, а больше ничего; никто не сможет тебя узнать, поскольку твоего прошлого больше не будет во всемирном временном полотне. Тогда забывшие не становились похожими на Теней, хотя жили все равно совсем недолго; но никто не связывал последний эффект с заклинанием.

Долгое время считалось, будто нить прошлого продлевает жизнь, и ведьмы продавали их направо и налево. Но оказалось, что это не так. Нить прошлого была уже прожитым временем, тем, что никак больше нельзя потратить. Зато будущее забывшего страдало от заклинания неизмеримо. Стоит отрезать прошлое от временной нити, и будущее начинает расплзаться – так расплзается капроновый шнурок, если не опалить вовремя его кончик.

И тогда закливание изменилось.

Теперь ведьмы забирали почти всю временную нить, двенадцать ее частей, оставляя забывшему лишь небольшой кусочек – тринадцатую часть, где было немного прошлого и немного будущего. Однако эффект заклинания переменился. Забывшие становились подобиями Теней; душа человека, подвергнувшегося заклинанию забвения, перемещалась в тело Тени, а его собственное тело спало, пока не истекло данное забывшему время. Тогда тело умирало, а душа оставалась скитаться между Иным миром и Истинным, почти ничего не помня и нигде не находя покоя. Таких существ, похожих на Теней, детей заклинания забвения, стали называть обращенными, а само заклятье – заклинанием обращения. Обращенные жили чуть больше, чем забывшие, большую часть отпущенного им времени они проводили в страхе и исканиях и попытках вспомнить о том, что они ищут. Такова была судьба тех, кто утратил свои имена.

У обращенных оставалась лишь одна лазейка – вспомнить свое прошлое имя. Но такое случалось редко. Они почти никогда не знали, что они такое, и не желали копаться в оставленном им маленьком кусочке памяти, и не желали вернуть утерянного. Иногда другие люди делились временем с ними, и они могли жить дольше, но это случалось редко; обычно никто не хотел уделять обращенным время. И они умирали совсем одни, забывшие и забытые, и никто не замечал этого – только иногда горевали над их телами, переставшими дышать.

Временная нить обращенного была котом в мешке. Ее длину невозможно было определить, поскольку будущее не является чем-то определенным, и никогда не было ясно, продлит это время твою жизнь или не продлит. Но часто эффект был нужным, и временные нити покупали, и сами ведьмы пользовались ими. И все же, несмотря на очевидную выгоду, ведьмы старались этим не злоупотреблять: вытаскишь слишком много ниток из временного полотна, и оно распустится, расплзется. Однако потом закливание попало в руки магов, и многое изменилось с тех пор".

Единственной зацепкой стало упоминание о том, что с обращенным можно поделиться временем. Но как? Этого Лэунд не знал. И продолжал методично листать учебники, хотя уже сознавал, что вряд ли найдет что-то ценное. Невозможность призвать огонь заклинанием казалась пустой глупостью по сравнению с новой проблемой.

Так тянулись, один за другим, несколько дней. Однако, что бы Лэунд ни говорил, как бы ни убеждал он Келео, что невозможно возвести целый сад за отведенное ей время, участок вокруг храма менялся и преображался в не постижимом темпе. Прошло едва больше половины подзвездия со дня их встречи, а площадка перед храмом была уже почти вся выполота, и кое-где даже посажены цветы. Благодаря перебродившей магии они хорошо приживались и быстро тянулись вверх, отращивали новые листочки, давали бутоны, радовали глаз распускающимися, просыпающимися от недолгого сна цветами и соцветиями. И глаза Келео с каждым днем сияли

все ярче и становились все яснее в ожидании скорого воплощения мечты. Только вот сама обращенная таяла и выплетала с каждым днем. И все больше кашляла.

Лэунду порой казалось, будто Келео вообще не спит. Никогда. Только работает в саду, и все. Иногда он пытался говорить с ней об этом, но из подобных разговоров ничего толком не выходило.

– Почему бы тебе просто не пожить в свое удовольствие, – бурчал Лэунд, старательно рыхля мотыгой землю.

– Я уже говорила, – отвечала тогда девочка. – Я хочу, чтобы после меня в этом мире что-то осталось. Понимаешь?

Лэунд не понимал. Какая разница человеку, ушедшему из этого мира, что там от него осталось, если его самого уже нет? А еще юноша часто думал, что на этот сад никто в будущем, может, и не обратит внимания, и все усилия Келео окажутся бессмысленны – но ей он, понятное дело, ничего такого не говорил.

Один раз Лэунд выбрал время и отлучился в город неподалеку – там был маленький Центр и небольшая библиотека. Почти сутки юноша провел среди книг, но снова ничего не нашел: не было нигде больше упоминаний о разделенном времени или нужных заклятий. Зато Лэунд тайком унес оттуда небольшую книгу с легендами и старыми песнями. Он показал ее Келео, и она обрадовалась, хотя и не знала высокого языка, и ему пришлось читать ей вслух. Чтение стало поводом хоть немного отвлечь ее от постоянной работы. Когда Лэунд что-либо делал в саду, ему казалось, будто собственными руками он приближает тот момент, когда Келео исчезнет. Девочка говорила, что до тех пор, пока работа над садом не будет закончена, она никуда не денется. И Лэунд ей верил. И совершенно не знал, что ему делать. Он чувствовал себя как никогда слабым, и слабость подкрадывалась сзади, обнимала за плечи, уговаривала опустить руки, оградиться от мира и ни за что не верить в происходящее.

"Все решится как-нибудь само, – нашептывала слабость Лэунду. – Реальность не бывает такой жестокой".

Но юноша не мог ей поверить. Потому что заклинание обращения все еще существовало. А сад все рос.

Лэунд наконец смог разобрать слова песенки, которую Келео постоянно мурлыкала себе под нос.

Ждать удачи, ждать фортуны -
Но в руках лишь звезд сиянье.
В чаше неба, в свете лунном
Нету силы, нету знанья.
Под далеким небосводом,
Под сиянием рассвета
Засыпай. Но все мы родом
Из историй – помни это.
Наша память вечно рядом,
Знай, лелеет все, что было:
Наши встречи, наши взгляды,
Города, что стали пылью.
Наши мысли и дороги -
В отголосках слов и смеха.
Мы остались на пороге
Умирающего века.

Это была "Песнь прошлого" – Лэунд слышал ее всего однажды в своей жизни. Тогда горел коварный, темный Самшейн – праздник умирающего солнца – и родители Лэунда пели эту песню, грустную, и все же куда более нежную, чем другие песни, которые обычно звучат в

Самшейн. И всякий раз, как он слышал, что обращенная поет ее, ему становилось как никогда грустно.

Скоро стало понятно, что лето кончилось. То и дело начинал моросить дождь, небо затянуло тучами, листья на деревьях едва заметно тронула позолота. В воздухе пахло водой, прелыми листьями и увяданием. В колодце плавали упавшие с деревьев краснобокие яблоки. Мир желтел и бурел, меняясь неумолимо, даже звуки стали другими, таинственными, размытыми и гулкими.

Они с Келео переместили на новое, освободившееся место некоторые цветы, что прежде росли перед входом. Силой перебродившей магии недавно посаженные черенки роз превратились в огромные колючие кусты, и благодаря особенностям все той же магии их листья отливали лиловым. Под деревьями Келео решила оставить небольшие лужайки, потому что "Ну какой же сад совсем без травы?". Познания Лэунда о садах, как таковых, оказались весьма скромными, но он не возражал.

Сэвезмунта все не было, и Лэунд подумывал, что это даже неплохо. Он теперь тоже, кажется, почти не спал.

– Так хорошо слушать, как деревья растут, – говорила Келео, присаживаясь на лужайку и прислоняясь спиной к шершавому древесному стволу.

Лэунд пытался прислушиваться, но не слышал. И его это пугало. У людей и, уж тем более, у обращенных не настолько хороший слух, чтобы знать, с каким звуком растут деревья. И тогда Лэунду стоило больших усилий сдержаться и не зажать Келео уши. Чтобы она тоже не слышала.

К концу подзвездия сад был закончен, последние сорняки выдернуты, а последние цветы пересажены. Келео устало вздохнула:

– Вот и все.

За крышей храма разгорался рыжий закат, теплое на вид, но слабо греющее солнце проливалось на древесные стволы и серые стены расплавленный янтарь. Обращенная стала совсем тусклой, и сейчас ее туманный силуэт был окутан рыжеватым ореолом. Она медленно таяла, как исчезают призраки и фата-морганы.

Лэунд поджал губы. Слабость сковала его по рукам и ногам, мертвым грузом повисла на шее, придавливая к земле.

– Это еще не все! – вдруг отчаянно вскрикнул он, стряхивая неимоверно раздражающие липкие путы. – Сорняки вырастут снова! Растения надо поливать!

– Это все сделаешь ты, – невозмутимо пожала плечами Келео, на губах ее была легкая, чуть грустная, невозможно безразличная улыбка.

– Нет, я этого не сделаю! Это не мой путь! Ты не смеешь меня связывать подобным обязательством! – собственное бессилие выводило Лэунда из себя наравне с этой самой улыбкой. – И хватит казаться безразличной! – он схватил ее за плечи и осторожно встряхнул. – Тебе не может быть все равно! Где та Келео, которая защищала сад?!

– А? – остекленелое выражение глаз сменилось недоумением, прежняя безразличная расслабленность пропала. – Защищать?

– Да! – уцепился Лэунд за последнюю соломинку. – Ты даже меня хотела прогнать... Но кто его будет защищать, если ты исчезнешь?

– Ты.

– Прекрати без конца надеяться на других! – в сердцах воскликнул Лэунд. – Думаешь, мне так нравилось возиться в земле?

– Так и не помогал бы тогда!.. – слабо вскрикнула девушка.

– Вот видишь, ты можешь злиться, можешь быть настоящей. А настоящее просто так не исчезает.

– Я исчезаю? – Келео потерянно на него посмотрела.

О боги! Лэунд судорожно сглотнул. Она стояла, пошатываясь, и он продолжал придерживать ее за плечи. Ему стало вдруг стыдно за все, что он говорил до этого.

– Все хорошо, – как можно увереннее сказал он, выжимая из себя улыбку. – Я такой ерунды наговорил...

Девочка взглянула ему в лицо и вяло улыбнулась.

– Да, – проговорила она. – Спасибо тебе за ерунду.

Она даже не сопротивлялась. Лэунд не знал, что делать. Ему хотелось, чтобы все это закончилось, но он не умел останавливать время. Все заклятия, знания, живая река – все на свете перестало вдруг иметь какое-либо значение. "Магия не может всего". Он не мог растерзать врага, который стоял всего в нескольких шагах, потому что никогда и никому этого врага не удавалось победить до конца. Келео обмякла в его руках и, все так же грустно улыбаясь, накрыла медленно таящей в воздухе холодной ладонью его пальцы. Лэунд посмотрел обращенной в лицо и понял: что бы он ни сделал сейчас, все будет бесполезным. А потом Келео, кажется, обняла его, но Лэунд не смог бы сказать точно, потому что янтарные лучи закатного солнца слепили глаза, пронзая уже почти невидимый силуэт обращенной, не давая его рассмотреть. Лэунд только успел выжать горькую улыбку, когда почувствовал холодные пальцы на своих плечах, а потом объятия Келео превратились в легкий порыв ветра.

Он потерянно стоял в прекрасном опустевшем саду. Золотистые листья, кружась, медленно падали на землю. Солнце зашло за храм, в последний раз блеснув рыжим ореолом вокруг купола, и мир погрузился в зыбкие белесые сумерки.

Лэунд сложил плащ Келео, который остался на земле, когда она исчезла, положил его под яблоню и, немного подумав, сорвал голубой мак и опустил сверху. Он хотел сделать что-нибудь еще, но не знал, что именно.

В этот миг темнеющее небо осветила яркая белая вспышка – Сэвезмунт, конечно, это Сэвезмунт! Они условились, что он подаст сигнал, когда вернется. Лэунд выругался: до чего же вовремя! Мысли юноши, как ни странно, оставались невероятно четкими и ясными – болевой шок, так он это для себя определил. Плохо будет потом, когда он осознает.

Это даже хорошо, что сейчас у него нет на это времени.

А пока... Лэунд в последний раз оглядел сад. Ленты живой реки незаметно щекотали кожу, ветер трепал его волосы, цветы в тусклом вечернем свете казались удивительной сиреневой иллюзией. Это был какой-то странный, застывший мир, очень близкий к миру Иному.

Лэунд запомнил все до последней детали: это было очень важно. Вспышка осветила небо еще раз – забава и фарс. Юноша взглянул наверх, посмотрел, как она угасает, развернулся спиной к храму и исчез из сада, скрывшись в колючем кустарнике. Сухие листья путались в его волосах.

Песнь памяти: часть первая

Есть песни, которые поют в любое время, тогда, когда просто хочется петь или тогда, когда нужно заставить кого-то улыбнуться. Есть песни, которые поют, потому что не могут изгнать их из своей головы. Есть песни, которые поют от скуки или от радости. Есть песни, которые уходят в небытие, потому что их забывают. Исчезают песни пастухов, когда перестают пасти скот, исчезают песни пахарей, когда перестают пахать, исчезают песни богам, когда боги уходят, позабытые. Есть такие песни, в которых заключены души народов и такие, в которых заключены души людей. Песни, в которых звучат души миров, наверное, тоже есть, но эта музыка слишком всеобъемлющая, чтобы так просто ее услышать; рождаясь и умирая в одном мире, люди привыкают к ней, звенящей непрерывно, и им требуется время, чтобы разобрать ее.

Но, помимо всего прочего, в любом мире есть такие песни, от которых волосы встают дыбом. Не потому, что они так плохи или так хороши, а потому, что они значат что-то такое, от чего трепещет и бьется душа. Их звук, их слова, хотя бы однажды породив этот трепет, вечно будут возвращаться призраками воспоминаний, холодными, как нервная дрожь.

Нервная дрожь пробежала по коже Нэинри. Подступали холодные сумерки, когда путники взошли на высокий, поросший цепким кустарником холм, чтобы увидеть внизу долину с небольшим озерцом и горсткой деревянных домов по его берегам. С низины ветер нес слабый запах дыма. К деревне меж таких же холмов вела залитая дождями дорога, по какой невозможно проехать, а по ее обочинам беспорядочно паслись бурые, измазавшиеся в глине коровы. Поблизости виднелись еще два безликих, убранных уже поля.

– Теперь недалеко, – ободряюще сказал Физерд. – Похоже, деревня и впрямь земляная, мы совсем не так дома строим.

Нэи пожала плечами. Осколок Тьмы смотрел на юношу флегматично. Аскель, которому совсем не хотелось углубляться в особенности местной архитектуры, нервно топтался на месте, хрустя сухими ветками и цепляя репы. Физерд, осознавший, что его предисловия никого не заинтересовали, двинулся вперед, продираясь через кустарник, и остальные последовали за ним. По мере продвижения Нэи чувствовала, как на ее руках остаются жгучие красноватые полосы царапин. Они все торопились покинуть лес, с его хохотом странных существ и безликими призраками, прячущимися среди деревьев. С его легкими Тенями, которые всегда ждут неподалеку, от которых не спасает ни защитный круг, ни свет костра – что как не свет рождает тени?

Наконец путники, еще более исцарапанные и взъерошенные, чем прежде, спустились в низину и побрели к озеру, с трудом выдергивая ноги из мокрой красноватой глины. Коровы безразлично поглядывали на них, фыркая и пощипывая редкую жухлую травку, с холмов на озеро спускался прозрачный осенний туман, незримо сближавший Истинный и Иной миры.

Чем ближе они были к деревне, тем заметнее нервничал Физерд, то и дело дергавший ляжку от сумки на своем плече, Нэи и Аскелю же близость желанной цели и – возможно – теплого безопасного ночлега наоборот придала сил. Однако у самых ворот в деревню их поджидала неожиданность. На самом деле ворот как таковых не было, только две горстки жердей, расположенных на некотором расстоянии друг от друга, и между ними – свободное пространство, где они должны были находиться. И на этой площадке с воображаемыми воротами лежали три огромных серых камня. Вернее, в сумерках сперва казалось, что это только валуны, но вблизи они оказались гигантскими серыми птицами, устроившимися в ямках на дороге. Они преспокойно пощипывали травку, попутно выковыривая что-то в глине, время от времени кося на путников недобрыми янтарными глазами.

– О, Акрана, – вырвалось у Нэи.

– Вот так куры! – покачал головой Аскель, испуганно отступая назад. – Чем это они их кормят?

– Я знал, что земляные города сторожат чудовища, – севшим голосом проговорил Физерд. – Что это вообще такое?

– Мне кажется, я где-то таких видел, – сообщил Осколок Тьмы. – Но может, и нет.

– И как нам с ними себя вести? – спросила его Нэи.

– Не знаю, – пожал плечами обращенный. – Я сказал, может, нет...

– Говорят, эти чудовища пожирают людей воздушных и огненных знаков зодиака, – дрожащим голосом проговорил Физерд. – Проглатывают целиком, так что никто потом не знает, куда делся съеденный...

В этот миг их накрыла черная тень еще одной птицы. В полете она казалась совсем огромной, больше тех, что лежали на земле. Издав хриплый свист, существо опустилось на землю перед чужаками, однако нападать оно не спешило.

– Пока не похоже, чтоб они кого-то хотели проглотить целиком, – заметил Аскель. – Да и по частям тоже...

В этот миг птица подалась вперед и, разрывая землю огромными лапами, двинулась прямо на Физерда. Нэи отшатнулась в сторону, утягивая за собой брата, Осколок Тьмы нервно дернулся, но замер на месте, не торопясь спастись бегством. Птица, продолжая преследовать в панике рванувшего в сторону Физерда, ухватила клювом его дорожную сумку и удовлетворенно потянула на себя.

– Эй! – крикнул юноша, цепляясь за ляжку – с сумкой ему расставаться не хотелось. – А ну, отдай!

Наконец, птица одержала верх и удовлетворенно принялась толкать клювом добычу, переворачивая ее с боку на бок. Другие птицы поднялись со своих мест и приблизились к первой, заинтересованные расправой над сумкой. Сам Физерд, как представитель воздушной части зодиакального круга, их не очень волновал.

– Может, у тебя там еда? – спросила Нэи, подходя ближе.

– Точно, у тебя оставалось копченое мясо, – сказал Аскель, выворачиваясь из-под руки сестры, обхватывавшей его плечи.

– Еда, – проговорил Физерд, скорбно взирая на птичью возню.

– Ну, зато дорога освободилась, – спокойно пожал плечами Осколок Тьмы. – Мы можем пройти.

– Слушай, я, конечно, понимаю, что тебе без разницы, но я должен ее вернуть, – раздраженно отозвался юноша.

Некоторое время Физерд ходил вокруг птиц кругами, еще некоторое время он пытался протиснуться между пушистыми серыми боками и достать сумку, а потом он нарезал петли, разбрызгивая вокруг себя комья глины и мутную воду, в попытках убежать от двух самых бойких недругов. Аскель хохотал над ним от души, поглаживая бок другой, более спокойной птицы, которая ничуть его не боялась. Нэи поняла, что они совсем ручные. Наконец, юноша выпотрошил всю еду из изрядно потрепанной сумки и, оставив сбежавшихся птиц трапезничать, отошел подальше.

В деревню они вошли беспрепятственно. Под вечер здесь было очень пустынно, только в темноте желтыми прямоугольниками горели окна в домах, выдавая человеческое присутствие. Сообща они решили отправить Нэи выяснять у местных, где в их деревне ведьма – на эту роль кроме нее больше никто не подходил. Аскель ворчал, что они вновь пришли в место, где ему не рады. Физерд пообещал, что если ведьмы здесь не найдется, то он сводит их всех на экскурсию в какой-нибудь огненный город, и тогда-то тот отыграется. Осколок Тьмы фыркнул, что ни в какие огненные города он не пойдет, и завязалась перепалка, сопровождавшаяся бурным обсуждением недостатков тех или иных знаков зодиака. Вернее, бурно обсуждал Физерд, а

Осколок Тьмы в основном молчал, зато так выразительно, что молчание это оскорбляло вернее всяких слов.

Нэи, отправившаяся выяснять более важный вопрос, ничего этого уже не слышала. Она взошла на крыльцо первого попавшегося дома, и дверь ей открыла полная светловолосая женщина, торопливо вытирающая мокрые руки о подол юбки. Нэи как можно вежливее спросила о том, где в их деревне живет ведьма, и женщина торопливо объяснила ей дорогу, глядя при этом на девушку с неподдельной жалостью. Под конец она попыталась позвать Нэи пообедать, но та отказалась и торопливо убежала, сгорая от стыда.

Когда девушка вернулась, все уже успокоилось: Физерд перестал ругаться, Осколок Тьмы все еще молчал, но уже не так выразительно, а Аскель скупающе нарезал круги вокруг них, пиная носком ботинка камешки.

– Нам следует идти в самый конец деревни, – сообщила девушка. – Нам нужен дом на отшибе.

Физерд на это фыркнул:

– Неудивительно, где еще селиться ведьме?

Они двинулись вперед, и Нэи думала о том, что и их сгоревший теперь дом тоже был на отшибе. Многое она бы отдала, чтобы вновь оказаться там, в недружелюбной водной деревне, не тронутой еще огнем, спорить с братом и бояться разве что гнева Селлы, слишком доброй, чтобы злиться по-настоящему.

Дом они нашли без труда, и он был до того похож на их с Аскелем дом, что Нэи стало не по себе. Но, приглядевшись, она поняла, что он меньше и построен, похоже, не очень давно – доски и бревна, из которых дом был сколочен, оставались еще светлыми, и краска на них не успела толком облупиться.

Над самой дверью, под козырьком, защищавшим крыльцо от дождя, висел фонарь, здесь же крепилась сухая веточка физалиса – эти же цветы в обилии росли перед крыльцом – а на дверь была прибита табличка, коротко гласившая "Лавочка".

Аскель, взлетевший на крыльцо прежде всех, постучал в дверь, так, что табличка закачалась, и напряженно уставился перед собой. Нэи ощутила, что тоже нервничает. Она мало знала про ведьм – в основном, слухи, что распускали лекари, которым ведьмы сокращали заработок одним своим существованием, да редкие рассказы Селлы. В сплетнях лекарей говорилось, что все они – носатые беззубые старухи, знающиеся с самыми гнусными из существ иного мира, устраивающие раз в год весьма своеобразные праздники на Лысой горе.

Ведьмы в историях Селлы были разными. Как самые обычные люди, хотя и обладали страстью к разным своеобразным штучкам, вроде навешивания где попало веточек физалиса. Тем не менее, чего ожидать от ведьмы, Нэи все равно понимала плохо. Граноенмару она видела только раз в своей жизни, и вдруг та не узнает ее, не поверит им или... Додумать она не успела. За дверью послышались ленивые шаркающие шаги, а потом раздался голос:

– Лавочка работает до семи! Читать умеете? Приходите завтра.

– Здесь не написано время, – крикнула в ответ Нэи. – И это очень срочно!

– Как это не написано? Опять дети оторвали? Ну я им!..

Снаружи послышался звук отпирающегося замка, потом дверь отворилась, выпуская на волю прямоугольник золотистого света. Нэи взглянула на ведьму и приоткрыла рот в изумлении. В дверях стояла Акрана. Это точно была она, потому что ее волосы были сделаны из пламени. Ярче цветков физалиса, ярче окон, горящих во тьме, ярче фонарей; рыжие-рыжие, пряди были такого насыщенного яркого цвета, что смотреть на них оказалось больно. Голова девушки казалось объятай веселым огнем. В этих искристых волнах, как чудесный корабль, колыбался единственный цветок физалиса. Нэи растерянно подумала, что с такими волосами свет вообще зажигать не обязательно. Наконец, наваждение спало, девушка с большим трудом оторвалась от разглядывания волос и принялась рассматривать их обладательницу, которая,

вообще-то, в остальном не то чтобы сильно походила на Богиню Янтарного Солнца. Это была юная девушка, немного постарше Нэи, низкого роста и крепкого телосложения, одетая в зеленую рубашку с очень широкими рукавами и юбку, натянутую поверх штанов. Лицо у девушки было круглое, все усыпанное веснушками, нос походил на картофелину, а небольшие светлогриазные глаза казались рыжими от света и бликов, отбрасываемых волосами. И ее совершенно точно звали не Граноенмару – девушка ни капли на нее не походила, ни внешне, ни по возрасту.

Ведьма тем временем с не меньшим удивлением разглядывала их, ее взгляд скользнул по лицу Аскеля, задержался на лице Нэи, споткнулся об Осколка Тьмы и неподвижно остановился на Физерде.

– Веси, – прошипела она. – У тебя должна быть серьезная причина сюда прийти.

Юноша оторопело кивнул.

– Да и овен, – ведьма посмотрела на Аскеля, затем взглянула в лицо Нэи. – Вы так запросто стоите рядом!

– Мы... – начал было мальчик, но поспешно умолк.

– Мы ищем ведьму по имени Граноенмару, – девушка повторяла эту фразу так много раз, что от нее теперь сводило зубы.

– Что ж, я в некотором роде она и есть, – ведьма скрестила руки на груди. – Что вы хотели?

– Не лги, – раздраженно бросила Нэи и продолжила, чуть спокойнее: – Граноенмару выглядит совсем иначе, чем ты.

– О, – рыжая девушка прищурилась. – И как же она выглядит?

– Она выше тебя. И старше. У нее черные глаза и темные густые волосы, – поспешно заговорила Нэи. – Очень пышные, и...

– Вы ищите мою учительницу, – оборвала ее девушка. – Но она покинула деревню несколько месяцев назад. Ее здесь нет, и по обычаю я наследую ее имя. Что вы хотели от нее, то говорите и мне.

Нэи и Аскель встревоженно переглянулись.

– Мы, – девушка запнулась. – Она дружила с моей семьей... э, с частью моей семьи. С женщиной, у которой я жила. Ее звали Селла. Граноенмару предлагала нам помощь, но мы отказались, а теперь наша деревня сгорела, и мы с братом остались одни, и я...

– Пришла сюда просить помощи, – окончила за нее девушка. – Извини, но я не держу приют.

С этими словами она захлопнула дверь у Нэи перед носом. Девушка несколько секунд просто стояла и смотрела перед собой, ощущая смесь отчаяния и желания провалиться от стыда сквозь землю. Точнее, сначала сквозь крыльцо, а потом уже сквозь землю, и желательно так глубоко, чтоб оказаться на другой стороне Каавты – кто знает, может, там людям живется лучше, и они не отчаиваются и не краснеют от стыда?

– Мне кажется... – начал было Физерд, но в этот миг дверь вновь отворилась, и на пороге опять появилась рыжая девушка.

– Как ты сказала? Селла? – переспросила она.

– Да, – Нэи поспешно кивнула.

Девушка вздохнула, печально и раздраженно одновременно, и, облокотившись спиной о дверь, проговорила:

– Что ж, заходите, я постараюсь вам помочь по мере сил. Вам просто невероятно повезло, что моя учительница столь предусмотрительна, – ведьма помахала зажатым в руке конвертом желтоватой бумаги.

Ситуацию это действие не прояснило, однако у Нэи немного отлегло от сердца. Они с Аскелем вошли в Лавочку, и девушка с наслаждением ощутила, как ее обдало теплом – она успела порядком замерзнуть на вечернем ветру.

– У меня есть вопрос, – сказал тем временем ведьме Осколок Тьмы. – И еще, я – с ними. Я могу войти?

Девушка закатила глаза.

– Видит Акрана, я бы хотела сказать тебе "нет". Но я не могу не впустить обращенного, поскольку вы – шим с вами! – наша злосчастливая ноша. Поэтому входи поскорее.

Змееносец прошел, очень осторожно, стараясь держаться на как можно большем расстоянии от ведьмы, словно та и впрямь была сделана из огня и могла обжечь.

– Э... – сказал Физерд. – У меня тоже вопрос. И еще я могу заплатить.

– О, боги! Входи и ты, я не могу вечно держать дверь. Надеюсь, по крайней мере у тебя есть дом, в который ты отсюда уйдешь? – хмуро спросила ведьма, проследив за тем, как он проходит в Лавочку.

– Ну, как тебе сказать...

Пока ведьма запирала дверь, Нэи принялась оглядываться. Комната, где они оказались, как ни странно, выглядела довольно чистой и прибранной; во всяком случае, Нэи была о жилищах ведьм куда худшего мнения. Ближе к единственному окну, закрытому зелеными занавесками, стоял массивный стол, уставленный разнообразными баночками и коробочками, усыпанный связками трав. У противоположной от окна стены располагался камин, в глубине которого тихонько тлели сваленные горкой угли. Рядом с камином лежали дрова, здесь же была кочерга с ручкой в виде птичьей головы. Камин был покрыт немного осыпавшимся подобием лепнины, изображавшей птиц с человеческими лицами в завитках цветочного орнамента. На стене рядом с ним мерно тикали часы с кукушкой да поблескивала мутным взглядом голова странной рыбины. Зубов у рыбины оказалось не менее четырех рядов, и в пасть ее была вложена связка трав.

"А где метла? – подумала Нэи растерянно. – Где остроконечная шляпа? Где черная кошка?"

Третья стена была наполовину занята полками, заставленными баночками, мешочками, табакерками, шкатулками и маленькими коробочками. Здесь же стояла разлапистая вешалка, на которой аккуратно крепились пальто и два плаща, светло-коричневый и темно-синий, поверх громоздились платки и шляпы. Шляпы были странные: высокая зеленая, с единственным куцым пером, широкополая фиолетовая с роскошными пушистыми перьями, голубая в белых пятнах, похожих на облака, и блестящий черный цилиндр. Но остроконечной ведьминской среди них не нашлось. Зато Нэи заметила спрятавшуюся позади вешалки дверь и решила, что, наверное, все по-настоящему ведьминское хранится за нею, подальше от чужих глаз.

– Что, хорошо все рассмотрела? – Нэи не заметила, когда ведьма оказалась у нее за спиной, и вздрогнула от неожиданности.

Девушка вдруг улыбнулась, сдержанно, но светло, и, успокаивающе тронув Нэино плечо, двинулась к столу и принялась выдвигать спрятанные под ним табуретки. На пол при этом почему-то посыпались сухие листья.

– Вы можете сесть, – ведьма сделала приглашающий жест рукой и сама опустилась на одну из табуреток.

Нэи, озадаченная столь резким переходом от несговорчивости к гостеприимству, уселась рядом с ней.

– Ты как-то быстро подобрела, – заметил Физерд, усаживаясь на самый дальний табурет и прижимая к себе гитару.

– Не делай преждевременных выводов, – ведьма гордо вздернула подбородок, и Нэи поняла, что несговорчивость никуда не делась.

– Меня зовут Тмилла, – представилась девушка. – Я бы хотела узнать и ваши имена.

– Я бы предпочел не сообщать свое имя ведьме, – с опаской сказал Физерд.

– Глупости! – девушка метнула в его сторону полный возмущения взгляд. – Обращенными не становятся настолько просто. Я не смогу так легко отобрать твое имя. Правда, я могу сделать что-нибудь другое, но мне не хочется портить себе репутацию...

– А как ими становятся? – подал голос Осколок Тьмы. – Ну, ты говоришь, это не так просто.

– Нет, с тобой я буду разбираться в последнюю очередь. Уже в предпоследнюю, – поправились она, недобро покосившись в сторону Физерда. – Потому что это будет долго. Вы, обращенные, если задаете вопрос, то один и тот же, и на него всегда очень сложно ответить...

– Но возможно? – уточнил Осколок Тьмы, сверля Тмиллу полным надежды взглядом. – Ты можешь мне помочь?

– Я ничего не обещаю, – ведьма покачала головой, и обращенный сник, уставившись куда-то в сторону.

Нэи стало его жаль; за время, проведенное в их общем путешествии, она не прониклась к нему симпатией, но сочувствовать ей это не мешало.

– Я лучше сперва разберусь с вами, родственнички, – преувеличенно бодро сказала ведьма и взглянула в лицо Нэи. – Вы брат и сестра, так? Н-да, ну и знаки у вас, повезло, нечего сказать... Еще и кардинальный крест.

– Зачем всегда напоминать? – обиженно буркнул Аскель. – Мы сами знаем.

– Думаешь, нам дают об этом забыть? – сказала Нэи, солидарная с братом как никогда.

– Да вряд ли, – хмыкнула Тмилла, облакачиваясь о стол и подпирая рукой щеку. – В этом я даже не сомневаюсь... Моя учительница еще три месяца назад знала, что вы явитесь. Написала мне в письме, что оставила, мол, "Придут воспитанники Селлы". Я тогда совсем не поняла, какие-то воспитанники, когда она путешествует по всему материку.

– Она уже лет пять сидит дома, – сказала Нэи, смутно припоминая найденную после пожара книгу.

"Домоседство для бывших великих путешественников", так она называлась.

– Трудно же ей это, наверное, – протянула ведьма. – Ну, ладно, вот, что я вам скажу. Вы можете переждать здесь время, но не больше половины подзвездия. Может, меньше. Я должна отправиться искать учительницу, потому что она впервые пропадает так надолго, а мне негоже всю жизнь сидеть в ученицах, если она вдруг ударится в странствия на старости лет и не вернется.

– Ты не сможешь нам сказать, где искать Селлу? – уточнила Нэи.

– Мне жаль, девочка, но только Акрана да Норуум знают это, – кивнула ведьма, взглянув на нее с неподдельным сочувствием.

Значит, и о родителях она ничего не знает, поняла Нэи и печально склонила голову.

– Вот что, – немного задумавшись, продолжила Тмилла, – раз уж вам некуда идти, можете отправиться вместе со мной. Я иду в место, где возможно найти ответы на все вопросы. Ну, теоретически. Одной даже ведьме путешествовать небезопасно. Правда, меня смущает возраст твоего брата...

– Что не так с моим возрастом? – возмутился мальчик. – Мне уже двенадцать! Скоро будет... Через полгода.

Нэи покосилась на Аскеля. Если они не согласятся, то вновь останутся одни в огромном, полном Теней мире, если решат отправиться вместе с ведьмой – кто знает, что сулит им это путешествие, кто поручится, что она не бросит их на полпути? И действительно, осилит ли долгий путь брат?

– Что за место, где можно найти ответы на все вопросы? – осторожно спросила Нэи.

– Маяк, – чуть понизив голос, проговорила ведьма, и рыжеватые глаза ее странно блеснули. – Не слышала? Куда вам слышать... Мало, кто помнит теперь эту легенду, она ведь не связана с созвездиями.

– Я знаю ее, – девушка нахмурилась. – Разве это не просто старая сказка?

Тмилла фыркнула:

– Сказка! Как быстро явь становится сказкой и как скоро сказка превращается в явь?

Кто даст ответ?

Нэи посмотрела на нее с удивлением. Очевидно, ее вид сказал ведьме очень многое, поскольку она кашлянула и проговорила уже безо всякой патетики:

– Я имею в виду: наш мир так устроен, что легенды в нем не очень долго остаются легендами. Если люди начинают в них верить. Что до Маяка, то он вполне материален... иногда. И имеет вполне определенную локацию.

– Лока-чего? – переспросил Физерд.

– Местоположение, – самодовольно пояснила Тмилла. – Лучше читай побольше книг, и будешь знать. В "Гороскопах", кстати, написано, мол, вы, весы, сообразительные... Не в тех "Гороскопах", которые посылают в земляные города, конечно. Но я не об этом. Короче говоря, я не могу вам ничего доказать, того, что я не лгу, в том числе. Но я знаю, куда идти. Это путешествие может принести вам пользу, а может оказаться бесполезным – потому, что Смотритель, хоть и знает почти все, но отвечает совсем не на все вопросы. Это путешествие может даже убить вас. Кто-то из вас двоих может пораниться и заболеть, кто-то может попасться людям Зодиакального Общества и оказаться в тюрьме.

Нэи подумала, что привлекает сторонников она так себе.

– Я не собираюсь вам лгать, – пояснила ведьма, поймав Нэин взгляд. – Моя учительница попросила меня позаботиться о тебе и твоём брате, и я просто делаю, что могу. Хотя и допускаю, что вы можете оказаться обузой.

Нэи и сама допускала это, поэтому не стала обижаться, хотя Аскель рядом с ней недовольно фыркнул.

– У нас есть время обдумать это? – осторожно спросила она.

– Полсозвездия, – пожалала плечами Тмилла. – Может, чуть меньше. До тех пор вы вольны остаться здесь, но сразу предупреждаю: захотите обокрасть меня и удрать, ничего не выйдет, потому что все вещи заколдованы. И еще вам придется работать. Найдете работу в деревне, или будете помогать мне, или...

– Хорошо-хорошо, – быстро закивала Нэи, которой, однако, не очень понравился командный тон девушки.

Впрочем, та, наверное, имела на это право.

– Тебе не кажется, что это что-то напоминает, – прошипел Физерд. – Например, Олекайна...

– Олекайна? – ведьма, похоже, знала, кто он такой, потому что мгновенно напряглась, привставая со стула, а глаза ее блеснули гневно. – Да как ты смеешь...

– Пожалуйста, не нужно! – предостерегающе воскликнула Нэи, вскакивая с табуретки, и быстро заговорила. – Физерд, она ведь не может оставить нас жить просто так – она нам не мать и даже не тетя, и вообще почти нас не знает. Тмилла, он не специально, ему туго пришлось!

– Вы поглядите, прямо-таки миротворец, – насмешливо протянула Тмилла, однако немного успокоилась и опустила обратно на стул, складывая руки на груди.

Физерд тоже не стал больше ничего говорить, только отвернулся и уставился в окно, крепче прижимая к себе гитару. Нэи тоже вернулась на табурет, ощущая значительное облегчение – она не любила, когда поблизости кто-то ссорился. Условия, на которых они с Аскелем согласились остаться, едва ли казались похожими на Олекайновы: Тмилла определенно не желала им лгать, и они были вольны уйти, когда захотят. Нэи улыбнулась, не в силах сдержать внезапной радости.

– Какое хорошее лицо, – проговорила Тмилла, мгновенно заметив ее улыбку. – Что же, с вами разобрались. Теперь ты.

Она указала на Осколка Тьмы, и Нэи насторожилась, сообразив, что, возможно, начинается что-то интересное.

– Эм, – обращенный нервно поерзал на стуле.

– Как тебя там называют, змееносец? – Тмилла усмехнулась. – Обратить человека два раза подряд не очень-то возможно...

– Осколок Тьмы, – сказал тот. – И не зови меня змееносцем.

Она подошла к нему и приподняла его лицо за подбородок, когда тот попытался посмотреть в пол, и заглянула ему прямо в глаза.

– Какой красивый зеленый цвет, – заметила девушка. – Они до того тоже были такими?

– Нет! Да! Отпусти! – обращенный дернулся, словно намереваясь ударить ее по руке, но замер, так и не сделав этого.

Тмилла сама убрала руку от его лица и, спрятав ее за спину, проговорила:

– Извини. Это и правда неприятно. Почему ты сначала сказал "нет"?

– Не знаю, – Осколок Тьмы вновь отвернулся, наклоняя голову так, что черные пряди частично спрятали его лицо. – Тебе стоило иначе задать вопрос, чтобы я успел подумать, прежде чем ответить.

– Увы, я бы вряд ли добилась большего, если бы ты подумал. Говоришь, тебя называют Осколком Тьмы? Кто дал тебе это прозвище?

Тмилла старалась казаться невозмутимой, но сжатая в кулак рука, спрятанная за ее спиной, дрожала, а само ее лицо то и дело кривилось в гримасе сожаления. Нэи подумала, что хорошо, если Осколок Тьмы этого не заметит – вряд ли жалость будет ему приятна.

– Никто, – обращенный поднял на ведьму удивленный взгляд. – Я уже знал его, когда очнулся, как и знак зодиака.

– Ты очнулся давно? – задумчиво пробормотала она. – Как давно?

– Не знаю, – Осколок Тьмы покачал головой. – Была зима, потом еще зима... Или это все одна и та же зима? Полгода назад, год, четыре года... Я не помню!

Он выглядел донельзя растерянным.

– Хорошо, – напряженно выдавила Тмилла, и стало ясно, что все совсем не хорошо. – Где это было?

– У Пресного моря, – сказал обращенный с явным облегчением.

Ему, похоже, было приятно, что он может ответить хотя бы на один из задаваемых вопросов.

– О, боги! – воскликнула Тмилла. – Да ведь это Второй мир, другой конец Большого Материка. Ты что, пересек весь материк?

– Я люблю ходить, – пожал плечами Осколок Тьмы.

– Пешком?!

– Ну, по пути было много лесов, а в города я старался не заглядывать. Вряд ли кто-то согласился бы меня подвезти, тем более, я не очень-то знал, куда иду, – он смущенно взъерошил рукой волосы на затылке.

– Хорошо. Последний вопрос, – сказала девушка. – Когда ты успел выучить первый язык?

– Первый язык? – переспросил Осколок Тьмы. – Ну, мне показалось, что здесь вроде бы говорят как-то иначе, чем у Пересохшего моря, но у меня никогда не было проблем с пониманием. Тем более, я старался поменьше общаться с людьми – они боятся меня и могут навредить, когда боятся.

– Обращенного не так просто убить, – заметила девушка.

– Да, это я уже понял, – змееносец кивнул. – Я сказал "навредить".

– О, – проговорила Тмилла, задерживая дыхание, чтоб удержать лицо, расплывающееся в выражении сожаления.

– Так ты сможешь мне помочь? – как ни в чем не бывало спросил обращенный, склоняя голову набок.

В его глазах вновь блеснул огонек надежды.

– Не уверена, – Тмилла тяжело вздохнула. – Во всяком случае, не сейчас.

Нэи увидела, как огонек померк.

– ...Но я кое-что про тебя знаю, – продолжила ведьма, вновь ловя сияющий зеленый взгляд. – Ты не очнулся у Пересохшего моря. Вернее очнулся, но не в первый раз. Видишь ли, у обращенных, которые только что проснулись, не бывает прозвищ, они иногда даже почти не помнят языка, на котором говорили раньше. А еще ты уже прожил слишком долго для обращенного. Ваш возраст сложно определить, но едва ли тебе было больше пятнадцати, когда тебя заколдовали. Так устроено, что чем моложе обращенный, тем меньше он живет, а ты прошел пешком весь Большой материк и не спешишь исчезать. Я думаю, ты должен вспомнить, как ты очнулся в первый раз, где это случилось и кто назвал тебя "Осколком Тьмы". Последнее – самое важное.

– Сколько у меня времени? – взволнованно спросил обращенный.

– Я не знаю, – ведьма покачала головой. – Но лучше бы тебе поторопиться.

Обращенный кивнул и задумчиво облокотился о стол позади.

– Тмилла, – позвал ее Аскель. – Я еще хочу спросить. Это насчет него.

– Ну? – ведьма настороженно приподняла бровь.

– Можно он тоже останется с нами?

– Чего? – лицо ведьмы приняло непередаваемое выражение.

– Мы с ним путешествуем больше подзвездия, – быстро заговорил мальчик. – Он мне уже почти как брат!

– Чего? – в тон Тмилле воскликнула Нэи, которую Осколок Тьмы в качестве родственника не то чтобы устраивал.

– А еще от него никакого убытка. Он ничего не ест, и его можно заставить работать за бесплатно, потому что он не особенно устает, – продолжил мальчик. – Это очень удобно.

– Чего? – на этот раз возмутился уже сам обращенный, потрясенный подобным описанием. – Вообще-то, я устаю!

– Прекрати! – воскликнул Аскель. – Мне надо представить тебя в хорошем свете, а то она никогда не согласится. И еще, ты ведь наверняка захочешь тоже пойти к Маяку.

На последней фразе на некоторое время воцарилась тишина.

– Это может помочь, – разрушила молчание Нэи, решившая отправить свой личный эгоизм, истошно кричавший, вопивший, скандировавший ей: "Не вмешивайся!", на временный отдых. – Раз там есть некто, знающий ответы на все вопросы...

– Да, – Осколок Тьмы задумчиво кивнул. – Это лучше, чем сидеть где-нибудь и ждать. Но я бы не стал просить тебя позволить мне остаться здесь, – обратился он к Тмилле. – Я могу переждать половину подзвездия где угодно. А потом... я бы правда хотел идти с вами. Если это возможно. Я могу следовать на некотором отдалении, так, что вы меня и не заметите.

– Ну, нет! – нахмурилась Тмилла. – Если поблизости есть кто-то, напоминающий Тень, лучше знать, где именно он находится.

Нэи была с ней согласна чуть более, чем полностью.

– На самом деле не обязательно переждать "где угодно", – явно нехотя продолжила ведьма. – Помимо моей Лавочки есть еще Старая Лавочка. Там очень давно жила моя учительница, и ты можешь остаться в этом месте хоть навсегда. Но учти, там так много перебродившей магии, что...

Тмилла вдруг умолкла.

– Что? – настороженно спросил Осколок Тьмы.

– Что лучше следить за тем, как бы не провалиться в другой мир. Или не обзавестись хвостом. Или за тем, чтобы не раздвоиться... не расстроиться... Случалось, возникало очень много копий, но "раздвенадцатериться" как-то не звучит, – неловко закончила ведьма.

– О, – проговорил обращенный. – Я думаю, "раздвенадцатериться" – не худшее, что может произойти с кем-то в этом мире. Наверное, это место мне подойдет.

– Твоя неприхотливость делает тебе честь, – буркнула Тмилла. – Я потом покажу тебе, где это. Если смогу найти. Старая Лавочка иногда меняет положение со скуки, а еще...

– Может, ты попозже все это расскажешь? – недовольно проговорил Физерд. – Не то чтобы это насущно. Сколько я должен тебе?

– Зависит от того, что ты хочешь узнать, – ведьма пожала плечами.

– Ладно-ладно, – протянул юноша и принялся распаковывать сумку, в которой лежала гитара.

Он с большой осторожностью извлек инструмент и протянул его Тмилле.

– Что ты скажешь на это?

Девушка приблизилась к нему, склонилась над гитарой, и глаза ее сверкнули.

Ведьма осторожно провела по струнам рукой, и у Нэи перед глазами заплясали знакомые золотистые блики, при том в этот раз эффект был, кажется, гораздо сильнее. Струны перестали дрожать, но эхо звука еще долго стояло у нее в ушах.

– Откуда это у тебя? – дрогнувшим голосом спросила девушка.

– Она осталась от матери, – Физерд пожал плечами. – По крайней мере, так говорит моя прабабушка, но я не знаю, можно ли воспринимать ее слова всерьез.

– Кем была твоя мать?

– Это бы и я хотел знать, – юноша фыркнул. – Она исчезла через год после моего рождения или около того. У нас не принято говорить о ней. Все делают вид, будто ее никогда не было.

– Хорошая семейка, нечего сказать, – буркнула Тмилла, убирая от гитары руки.

– Уж какая есть... Что не так с этими струнами? – спросил Физерд,

– Так ты даже не знал, на чем играл! – воскликнула девушка и отшатнулась, обходя кругом небольшую комнату. – Потрясающая безответственность! В жизни такого не видела! В точности, как в "Гороскопах" пишут...

– Там такого не пишут, – попытался возмутиться юноша.

– Конечно, в ваших – не пишут, – насмешливо протянула ведьма. – Эти струны – временные нити. Это будет понятно с первого взгляда даже новичку! А ты трогал их и не знал! Каково это тебе, а?

– Предполагается, что я должен быть поражен? – Физерд нахмурился. – И что такое "временные нити"?

– Я бы не сказала, что хотела бы отвечать тебе на этот вопрос прямо сейчас, – Тмилла отвела взгляд.

– Я могу заплатить, – напомнил юноша.

– Что ж, – девушка пожала плечами. – Любой каприз – за ваш счет. С тебя двадцать лурий.

– Сколько? – возмутился Физерд. – Да за эти деньги можно купить два мешка картошки, подружка! А ты за какой-то дурацкий совет...

Тмилла вспыхнула мгновенно:

– Вот и сиди себе без дурацких советов. Можешь, например, сходить в библиотеку, наверное, узнаешь много трудных слов!

Нэи поняла, что ведьма ей своей вспыльчивостью напоминает одновременно Селлу и Аскеля. И ей нравилось это, потому что подобные им и остывали тоже быстро – достаточно только переждать кратковременный шквал эмоций – и не хранили долго обид, чтобы позже показать ближнему целый список застарелых упреков.

Физерд заскрежетал зубами, но промолчал и, порывшись в карманах, хмуро вытащил на свет колоду гадальных карт.

– Это стоит побольше двух мешков картошки.

– Ого, – со скрытым восхищением проговорила Тмилла. – Да ты полон сюрпризов, весы. Ну-ка...

Он одернул руку с зажатой в ней колодой, когда девушка потянулась к ней и ловко отделил половину.

– Ну уж нет, – он хитро улыбнулся. – Сначала расскажи, потом отдам остальное.

– Ла-а-адно, – недовольно протянула ведьма, щурясь, и спрятала протянутую ей половину колоды в один из нашитых на юбку карманов.

На некоторое время Тмилла замолчала, словно обдумывая, с чего бы ей лучше начать, и Нэи услышала, как по крыше Лавочки начинают барабанить дождевые капли и как ветер надрывно завывает, стуча ставнями. Это напомнило ей ту ночь, когда она впервые встретила Осколка Тьмы, ничего еще не зная об обращенных и не ведая, какое будущее ждет их троих. Ей казалось, в некотором роде история повторяется, только на ее месте теперь была Тмилла.

Тем временем ведьма заговорила.

– Это случилось в далекие времена, – медленно, нараспев произнесла она, именно таким вкрадчивым, приглушенным голосом, каким следует рассказывать легенды. – Тогда, когда созвездия зодиакального круга еще не имели над людьми никакой власти. Почти по всему Большому материка в то время тянулись земли государства, называемого Вицератом, огромного, величественного, процветающего. Так говорила моя учительница. Вицерат был страной магов, и в подчинении у него находилось множество небольших государств, где знали о живой реке не так много. Как водится, некоторые народы оказались непокорны и не желали оставаться в подчинении, вдобавок их истощала необходимость платить дань и попытки изменить их обычаи. И тогда началась война, которую потом называли Затяжной войной, и помимо государств Большого материка в ней приняли участие страны Малого, многие из которых также владели великими знаниями о живой реке. Тогда родилось множество страшных заклятий и множество пугающих способов использования живой реки. Точно не известно, какое государство за это в ответе, но именно во времена Затяжной войны было придумано то, что теперь называют заклятием обращения.

В этот миг на Тмиллу уставились зеленые глаза, вспыхнувшие жадным любопытством.

– Считается, что в ответе за это ведьмы, поэтому теперь мы помогаем обращенным в качестве искупления, и поэтому существует множество мест, где нас не любят. Поэтому Зодиакальное Общество долго старалось нас изжить (впрочем, были еще причины). Это заклинание использовалось затем, чтоб продлевать жизнь другим людям. Известно, что многие маги и ведьмы прежде жили долгие столетия, да и сейчас существуют те, чей возраст уходит далеко за сотню лет. Причина долголетия этих людей лежит в заклинании обращения. Чтобы обратить человека, нужно знать все его имена и знак зодиака, а еще получить его согласие на то, чтобы забрать его прошлое. Во время войн это несложно, люди страшатся своих воспоминаний, и многие приходят добровольно... Впрочем, память можно отнять и насильно, но это много труднее. Так вот, зная имя, можно забрать временную нить человека – все его воспоминания, заключенные в части живой реки, и все возможные варианты его будущего. Тогда душа человека покидает его тело и поселяется в теле Тени – поскольку что человек без имени и без прошлого, как не Тень самого себя? Так говорили многие поколения ведьм, а наш мир подобные фразы воспринимает весьма буквально... Эту нить можно отдать кому-нибудь другому или хранить у себя, только эффект при ее использовании ненадежен, потому что возможный вариант будущего – есть возможный вариант, никогда не известно, какой из них тебе попадет в итоге. За счет чужой нити можно продлить жизнь на год, можно на десять лет, можно вообще не продлить. А у неиспользованных временных нитей со смертью обращенного та часть, что

отвечала за будущее, и вовсе пропадает, и остается только нить прошлого. Поэтому ведьмы всегда старались оставлять обращенному хоть немного времени, чтобы он пожил сколько-то, и клиент не сразу распознал подвох.

– То есть эти струны... – Физерд указал на гитару и не договорил. – Если эта гитара принадлежала моей матери, возможно ли, что она была ведьмой?

– Ведьмой, баловавшейся обращениями? – Тмилла вопросительно изогнула бровь. – Очень-очень может быть. А может и не быть. Может, она вообще не знала, что ей такое досталось, как и ты. Слушала красивый плач чужого прошлого, только и всего.

– А может ли быть, что одна из этих нитей – моя? – проговорил Осколок Тьмы.

– Нет, – ведьма поморщилась. – Это ведь только нити прошлого, а не временные нити. Люди, которым они принадлежали, уже мертвы, и, наверное, давно.

– И что мне теперь делать с этим? – растерянно спросил Физерд, держа гитару с куда большей осторожностью, чем раньше.

– Главное, не попадаться на глаза магам – они большие завистники, отнимут да еще мзду возьмут. А так, можешь играть; это не худшее применение нитей прошлого. Только осторожней, у этой музыки странный эффект, но это ты, должно быть, и так уже заметил.

– Только не при мне, – пробормотал Осколок Тьмы.

Нэи предпочла бы, чтобы и при ней Физерд не играл тоже, поскольку "странный эффект", порождаемый музыкой, ей не нравился совершенно. Юноша отдал ведьме остальные карты и принялся торопливо упаковывать гитару в сумку. Вид у него при этом был донельзя расстроенный.

– А что ты теперь будешь делать? – спросил его Аскель.

– В ближайшее время – мокнуть под дождем, – Физерд страдальчески вздохнул. – Потом я простужусь, может быть, дело дойдет до воспаления легких... Буду лежать на обочине лесной дороги и метаться в бреду, мучаясь от жара.

– Как-то невесело, – мальчик нахмурился.

– Это ты так давишь на жалость? – уточнила Тмилла. – Я бы могла позволить тебе переждать здесь дождь, если бы ты попросил меня об этом.

– Какое великодушие, – юноша хмыкнул, потом, немного подумав, сказал: – Спасибо.

– Если б ты запоздал со своим "спасибо" еще хоть немного, я бы выгнала тебя взашей, – сообщила ведьма.

Ливень утих только к утру, поэтому пережидание дождя несколько затянулось, но Нэи была не против. Тмилла, как ни странно, вроде бы тоже, хотя ей как раз полагалось злиться на неожиданному вторжению в ее жилище. Но ведьма не злилась вовсе, только ворчала для вида. Она принесла им какой-то странный чай, сладковато-терпкий, пахнущий хвоей и немного – ягодами бэй, а потом вдруг рассказала, что тоже уже очень давно не видела свою семью. Что живут ее родственники в деревне у гор Тиэ, что ее отец – кузнец, а мать – швея, и что у нее целых пять разновозрастных младших братьев, рыжих, как и она сама, и один старший – изгнанник Зодиакального Общества. Оказалось, в последнее время таких изгнанников стало по какой-то причине особенно много.

"Маги дурят", – фыркала ведьма. Нэи вспомнила, что ее мать тоже изгнанница, а брат, должно быть, в учениках, если только Зодиакальное Общество по какой-то причине не отвергло и его. Однако девушка ничего не стала про это говорить, потому что боялась расстроить Аскеля.

Потом они еще недолго говорили про Олекайна и серых птиц, которые, как сказала Тмилла, на самом деле назывались элгами и особенной опасности действительно не представляли. Нэи к этому моменту начала немного дремать, как и Аскель, который уже давно клевал носом, так что обсуждали это в основном Тмилла и Физерд. Разбудила девушку музыка, пере-

боры злосчастной гитары, которые невозможно было бы не заметить и глухому – если даже не слышишь их, то непременно начинаешь видеть.

Нэи терла глаза тыльной стороной ладони и почти была готова сказать что-то гневное, когда Физерд вдруг запел.

Ждать судьбы с усталым ветром,
А поймать руками звезды -
Знаешь, друг мой, в небе позднем
Нам не отыскать ответа.

Он правда пел не очень хорошо, хрипло, совсем не чувствуя музыки, но эта песня была последним, что Нэинри могла от него ожидать. Физерд со своим самодовольным видом, со своей уверенностью в собственной привлекательности был похож на того, кто может петь что-нибудь ругательно-веселое, приправленное большим количеством неприличных выражений. Что-нибудь про трактиры и выпивку. На худой конец, что-нибудь про войну и возвращающихся с нее бойцов. Но только не эту песню.

Засыпать под лапой птицы,
Под закатным алым небом.
Наши страхи и легенды,
О, совсем не небылицы.

Ее текст был написан на форзаце книги "Правда знакомой лжи", которая уже однажды спасла Нэинри в коридорах жилища чародея по имени Олекайн.

Сама Нэи слышала эту песню в первый раз несколько лет назад – тогда ее родители напевали ее на втором языке, в маленьком огненном городе на границе Второго и Первого миров. Был Самшейн – праздник осеннего равноденствия, и в то время, когда почти весь Первый мир, дрожа перед Тенями и наступающей ночью, пел про умирающее солнце и про то, как весной оно вновь засияет ярче, ее отец и мать почему-то решили вспомнить эту песню. Язык и слова были другими, но смысл и мотив – те же самые. У девушки защемило в груди и неприятно защипало в глазах, и она вновь притворилась спящей, тем более, никто толком не заметил того, что она проснулась.

Наша память дремлет с нами,
Наполняя дни и души,
Говоря подчас устами
Лет давно уже минувших.

Однако слишком долго притворяться спящей у Нэи не получилось, потому что в бок ее начал пихать брат, который проснулся тоже. Девушка подняла голову, и Аскель взглянул на нее, выразительно округлив глаза, и принялся кивать в сторону Физерда. Он тоже узнал, и Нэи мысленно взвыла: он ведь тогда был совсем маленьким! Девушка отвела взгляд. Чтобы случайно не показать своих эмоций брату, она принялась разглядывать остальных и увидела, что и Тмилла, и Осколок Тьмы внимательно слушают. Ведьма – рассеянно скользя взглядом по заполняющей помещение утвари, а обращенный – неподвижно глядя в окно, по которому, змеясь, бежали вниз темные дождевые струи.

В каждом шаге или слове
Отголоски нашей веры...
Струны печально тренькнули, и золотистые вспышки сменились голубыми и белыми.
Мы с тобою на острове
Старой эры, старой эры.

Музыка оборвалась, и девушка облегченно вздохнула, краем глаза разглядывая не то печального, не то просто сонного Аскеля.

– Тоска зеленая, – буркнул Физерд, хмуря брови-перья. – И я предупреждал, что плохо пою.

Тмилла пренебрежительно хмыкнула и улыбнулась чему-то своему. Осколок Тьмы рассеянно проводил взглядом исчезающую в чехле гитару.

Потом они отправились спать. Физерда с Осколком Тьмы так и оставили в той комнате, где они были, выдав ограниченное количество одеял и матрасов. В другом помещении, еще меньшем, чем первое, помимо кровати Тмиллы была еще одна, маленькая и узкая, и брат с сестрой поспорили насчет того, кто будет спать на ней – вдвоем они не уместались – и в итоге оба решили лечь на полу. Ведьма взглянула на это скептически, но возражать не стала.

Песнь памяти: часть вторая

Потом понеслись быстрые и странные дни первого подзвездия осени. Нэи удалось найти работу в деревне: ее взял в качестве помощницы местный гончар, хмурый, неразговорчивый старик по имени Эльке. По знаку зодиака Эльке был дева, но вообще-то "Гороскопам" он не очень соответствовал: там говорилось, что девы любят чистоту, а чистота в принципе не особенно вязалась с гончарным делом. В основном Нэи в его доме занималась уборкой – это требовалось постоянно – либо выполняла мелкие поручения, вроде "подай-принеси". Иногда Эльке рассказывал что-то о своем деле и даже показывал, как иметь дело с гончарным кругом. Нэи старалась запомнить побольше, охотно перенимая новый навык: кто знает, когда это может пригодиться? Аскель пытался помогать Тмилле в Лавочке, потому что пускать овна бродить по земляной деревне было не очень-то безопасно, в первую очередь – для него самого. Он быстро запоминал названия трав и информацию о живой реке, но, как и Нэи, не обладал способностями к магии, и все попытки Тмиллы обучить его простейшим заклинаниям проваливались. На злосчастной кровати брат и сестра договорились спать по очереди.

Осколок Тьмы большую часть времени проводил в Старой Лавочке или в окрестных лесах, но по вечерам приходил к ним, в вымокшем плаще, с застрявшими в волосах листьями и ветками и с трагичным видом. Первое время обращенный пытался тоже набиться к Тмилле в помощники, но из этого ничего не вышло, потому что он не мог ни разговаривать с посетителями – вообще-то, вернее сказать, это они не очень-то могли разговаривать с ним – ни договариваться с живой рекой. Обращенный скучал и – это было видно – бесконечно думал про свое прошлое и про то, что пора бы уже его вспомнить, и оттого с каждым днем становился все более и более нервным. Тогда Нэи дала ему тщательно хранимую книгу, "Правду знакомой лжи", и оказалось, что Осколок Тьмы с горем пополам может читать высокий алфавит, на котором сборник легенд был написан. Поскольку обращенный понимал написанное через слово, чтение затянулось надолго, и ему, казалось, немного полегчало. Физерд поначалу исчез, но ненадолго. Чем ближе был конец подзвездия, тем короче становились промежутки времени, на которые он покидал земляную деревню, и тем чаще он навещался в Лавочку. Скоро стало понятно, что к Маяку он отправится с ними, и никто не возразил по этому поводу. Нэи это путешествие по-прежнему казалось нереалистичным, но Тмилла говорила, что это путь в поисках ее учительницы, и в таком свете все виделось куда более правдоподобным. Тем более, им по-прежнему некуда было идти.

Физерд по ее просьбе навещался в их водяную деревню, но отыскал там только горстку местных жителей – большинство ушло искать лучшей доли в крупные города. Селлу там никто не видел с самого пожара. Нэи опасалась, что он врет и еще больше боялась, что они с Селлой просто разминулись около деревни. Но это, в конце концов, было почти целое подзвездие назад, и неизвестно, где она теперь. Нэи все меньше сомневалась в том, что согласится путешествовать вместе с Тмиллой.

Осень напознала на лес, как огромная тень, заставляя темнеть деревья, воду и дни: ночи становились все длиннее и холоднее, а дни все быстротечней и прозрачней. Зеленые листья в волосах Осколка Тьмы и на подошвах ботинок Физерда сменились красными листьями. Последний иногда тоже оставался ночевать в Старой Лавочке, и тогда оба юноши приходили жаловаться. Жаловались, как правило, Нэи, потому что Тмилла подобные попытки безжалостно отсекала, а от Аскеля невозможно было дожидаться сочувствия.

– Это нечто ужасающее, – говорил Физерд, округляя серые глаза. – Ты просто не видела это место. Самое нормальное, что там есть – паутина. Я однажды положил руку на стул, а он

превратился в дерево. И убежал, убежал, понимаешь? И этот... парень с длинным именем. С ним вообще ни о чем не поговоришь! А карты я ведьме отдал!

Нэи поначалу смеялась над убегающим стулом и над паутиной, как самым нормальным предметом интерьера, и юноше, кажется, это льстило. Во всяком случае, он сразу надувался, пыжился, как весенний голубь, и принимался расписывать сомнительные достоинства Старой Лавочки с еще большими подробностями. Вскоре Нэи надоели эти рассказы, но она не подавала вида: разве не сходил Физерд по ее просьбе в водяную деревню? Что ей стоит просто выслушать его?

– Это мучительно, – бурчал Осколок Тьмы, зарываясь носом в воротник плаща. – Этот парень приходит и разгоняет всю мебель! Я целые ночи потом ее собираю по лесу. И еще он разговаривает на такие странные темы...

На какие-то темы разговаривает Физерд, Нэи никогда не уточняла, потому что обращенный заметно смущался, и ей нравилось его смущение, поскольку вид у него становился при этом очень "человеческий". Будь он человеком, он бы, наверное, краснел.

Незаметно Нэи старалась приглядывать за Тмиллой, и с каждым днем ей становилось все труднее верить в то, что та действительно ведьма – она ведь совсем не делала ничего магического, ничего, что могло бы быть связано с живой рекой и ничего, что можно ожидать от ведьм. Она продавала снадобья тем, кто приходил покупать их, давала советы тем, кто хотел получить совет, и слушала тех, кто хотел просто что-то рассказать ей. И Нэи ни разу не видела, чтобы Тмилла отказывала в совете или помощи тем, кто приходил после семи, хотя всегда ворчала по этому поводу.

Прошло чуть больше дюжины дней, когда Тмилла сказала, что в деревню со дня на день придут маги, а это значит – им пора уходить. Был вечер, и они сидели в дальней комнате ее Лавочки втроем.

– Ну, вот, а мне здесь так нравилось, – с сожалением сказал Аскель. – Я уже почти все твои травы выучил. И люди такие хорошие...

– Только по той причине, что они не знают твой знак зодиака, – напомнила ему ведьма.

– Это правда, – вздохнула Нэи. – Мне тоже здесь нравится, но мы не можем остаться тут надолго.

– Почему-то все, что нам нравится, никогда нельзя оставить надолго, – сказал вдруг мальчик, отворачиваясь. – Ты так не думаешь?

Девушка открыла было рот, чтоб ответить, но не нашла нужных слов.

– Надо сказать Осколку Тьмы, – продолжил мальчик, чуть менее грустным голосом. – Как думаешь, ему здесь тоже понравилось? И Физерду – хотя он-то точно будет рад, что мы отсюда уходим.

– Вот сейчас и пойдем, – сказала ведьма. – Мне как раз нужно забрать из Старой Лавочки кое-какие пожитки.

По правде сказать, Старая Лавочка вовсе не была Лавочкой. Нэи не могла понять, кто придумал ее так называть. Это был довольно большой, по представлениям девушки, двухэтажный, очень старый, грубо сколоченный дом. Если про Лавочку Тмиллы еще можно было сказать, что она находится на отшибе деревни, то этот дом без сомнения располагался там, где деревни толком уже не было, у самого склона, с которого в низину спускался, постепенно мельчая и редая, лес. Старая Лавочка за долгие годы почти стала его частью. Дерево потемнело и обросло лишайником и трутовиками, крыша была завалена ворохом сухих листьев, а под ней обрели дом лесные птицы. В трубе вечно гудело невидимое гнездо шершней. Иногда туда залетали заблудшие духи Иного мира, и тогда трубу немного потрясывало от шершневого возмущения.

Перед входом в лавочку располагалось просторное крыльцо с заброшенным, потрескавшимся креслом-качалкой, похожим на призрак старости. Кресло и терраса были засыпаны

листьями, как и крыша; старые, прошлогодние – лежали слипшимся бурым слоем, и красные листья новой осени горели на этом скучном покрывале маленькими кострами.

Прямо на листьях, постелив, правда, свой многотрадальный плащ, на спине лежал Осколок Тьмы, держа над собой в руках "Правду знакомой лжи". Когда Тмилла взошла по ступеням и прошла внутрь Старой Лавочки, он не шелохнулся, хотя истеричный скрип не привыкших к какой-либо нагрузке ступеней призывал зажимать уши и кривиться любого, кто его слышал.

– Мир дому твоему, – весело сказал ему Аскель, присаживаясь рядом на корточки. – Мы скоро уходим. Нэи согласилась. В деревню того гляди придут маги – совсем как в тот раз – и поэтому надо бежать.

– Сейчас? – Осколок Тьмы на миг отвлекся от книги.

Нэи подошла к ним, шурша листьями, и села рядом с братом.

– Нет, нет, – замотал головой мальчик. – Через пару дней. Да и про магов это, может, и слухи. Но все равно пора уходить, хотя и грустно, потому что мне здесь нравилось. А тебе?

– Здесь неплохо, – сказал обращенный после небольшой паузы.

Было видно, что он не собирался отвечать, но ясный любопытный взгляд Аскеля, прямо-таки выдавливающий из собеседника ответ, невозможно игнорировать хоть сколько-то долго.

– Интересно? – спросила Нэи, указывая на книгу.

– Ну... – начал было обращенный, но Аскель его прервал.

– Ты не видел Физерда?

– Он, вроде бы, в доме, – неуверенно проговорил Осколок Тьмы. – Или нет?

– Я его найду!

И он унесся в Лавочку, подняв вихрь листьев, похожий на один стремительный порыв ветра.

– Пойдем тоже, – сказала Нэи обращенному.

– Нет, я лучше останусь здесь, – он нахмурился недовольно.

– Нужно обсудить путешествие, – заметила девушка, однако не стремясь настаивать.

Осколок Тьмы вздохнул и нехотя поднялся с пола, попутно кое-как отряхнувшись и выгасив пару листьев из спутанных волос. Они прошли в Лавочку, и первым делом девушка ощутила легкое покалывание в кончиках пальцев, такое, как в тот день, когда она впервые встретила магов. Вторым, что она почувствовала, был запах пыли. Старая Лавочка была темной и пыльной: пол, мебель, накрытая чехлами, стены и старинный камин в углу – все это было обвешано клочьями пыли. Под потолком покачивались многочисленные ловцы снов и ветерки, мелодично звеневшие всякий раз, когда кто-то проходил рядом, вызывая движение воздуха.

В камине горел огонь, переливавшийся зеленым, золотым и синим, а возле него на зачехленном диване сидели Физерд и Аскель. Юноша задумчиво перебирал переличатые струны гитары, а мальчик внимательно наблюдал за ним, очевидно, не найдя пока себе лучшего занятия.

– Я пойду поищу Тмиллу, – сказала Нэи Осколку Тьмы, отыскав взглядом проход в боковую комнату, прикрытый вместо двери двумя легкими полупрозрачными полотнами ткани.

Обращенный мрачно кивнул, искоса поглядывая в сторону Физерда и Аскеля.

– Где ты выучил ту песню? – донесся до Нэи голос брата.

Девушка услышала этот вопрос, когда уже нырнула в пыльные, скользкие складки загораживающей проход ткани. Аскель никак не мог забыть, и она ощутила укол печали и жалости, когда подумала об этом. Ей бы хотелось поговорить с ним о песне и обо всем, что происходило с ними в последние годы, но она не знала, как. Они раньше никогда не обсуждали судьбу своих родителей и брата.

Но здесь были Физерд и Осколок Тьмы, при которых Нэи не хотелось вести подобные разговоры, а еще она уже ушла звать Тмиллу. Девушка не услышала, что Физерд ответил Аскелю.

Эта комната оказалась такой же пыльной, как предыдущая. В центре стояла огромная кровать с балдахином, увешанным ключьями паутины, а вдоль стен ютились комод и множество разномастных тумбочек красного дерева. Тмилла сидела на коленях перед одной из них, нервно выдвигая ящики. На пол летели старинные амулеты и стеклянные флакончики с содержимым всех существующих в мире оттенков. Разлитые снадобья образовывали на полу голубые, розовые и рыжие лужицы, создавая в комнате какофонию сладких, свежих и горьких запахов. Особенно сильно пахло хвоей и розовым маслом. С грохотом по полу катались крупные каменные бусины и маленькие округлые статуэтки из камня, похожего на металл, переливавшегося разными цветами.

– Что-то не так? – спросила Нэи.

Тмилла обернулась, и девушка увидела, что глаза ведьмы странно поблескивают, словно она того гляди расплечется. Но Тмилла все же не расплакалась, а только покачала головой, со стуком возвращая на место выдвинутый ящик. Пальцы ведьмы осторожно провели по крышке шкатулки красного дерева, которая лежала у нее на коленях. На крышке были вырезаны кленовые листья и птицы с головами женщин, такие же, как у Тмиллы в Лавочке, на камине. Нэи мгновенно ощутила острую необходимость узнать, что в ней лежит.

– Мне придется ее сжечь, – печально сказала ведьма.

– Шкатулку? – спросила Нэи, взгляд которой был прикован к необычному предмету.

– Нет, – Тмилла поморщилась. – Старую Лавочку. Опасно оставлять место, где столько перебродившей магии, без присмотра.

– Так ты не шутила, когда говорила все эти вещи? Ну, про "раздвенадцатериться", и все остальное? – проговорила девушка, желая своим вопросом хоть немного отвлечь ведьму от неприятных размышлений.

– Еще бы, – фыркнула ведьма. – Если бы живая река была рекой, это место называлось бы болотом. И магия опасна в таком состоянии. Она заперта здесь, ее не используют, и она меняет и искажает все вокруг. Ты разве ее не чувствуешь?

– У меня немного колет пальцы, – призналась Нэи.

– Немного? – Тмилла вдруг рассмеялась. – Она находится в набитом магией месте, а у нее только пальцы колет! Ты просто удивительно нечувствительна к живой реке!

– Ну уж извини! – проговорила девушка, мгновенно вспыхнув.

Нэи и сама знала это про себя, и эта особенность ей не нравилась категорически. Даже Аскель лучше чувствовал магию, чем она. Селла, которая и сама в управлении силами живой реки не преуспела, признавала, что таких чуждых магии людей она не встречала никогда в своей жизни – а уж она-то в своей жизни наверняка всяких людей повидала.

– Так это же хорошо, – отсмеявшись, сказала ведьма. – Зато на тебя труднее накладывать заклятия.

– Может, дело в том, что я рак? – со слабой надеждой спросила Нэи.

– Наверяд ли. Я знаю раков, состоящих в Зодиакальном Обществе, – ответила Тмилла.

Нэи и сама знала одного. Это был ее брат. Брат, который родился в тот же день, что и она, у которого был тот же знак зодиака, что и у нее, который был таким слабым в детстве, который нуждался в ее опеке и защите, хотя они были одного возраста. Брат, понимавший ее лучше, чем кто-либо другой, и променявший ее на то, чего она не знала и не могла понять, и еще на мелово-белого человека в черной мантии, с красными, как у кролика, глазами.

– Знаешь, эта Лавочка очень много значит для меня, – сказала вдруг ведьма, прервав поток размышлений Нэи. – Меня отдали в ученицы к Граноенмару, когда мне было восемь лет, и мы с учительницей тогда жили здесь. Здесь она научила меня высокому алфавиту, и еще летать на метле – хотя я не очень это люблю. Человеку даны ноги для того, чтобы он ходил, не так ли? Если бы он должен был летать, у него были бы крылья... На самом деле, это я глупость

сейчас сказала, но я слишком человек земли, чтоб любить полеты. Я ведь козерог, ха! А вот у тебя, может, получилось бы.

– Если бы я хоть немного чувствовала живую реку, – раздраженно заметила Нэи.

И тотчас пожалела, услышав, как резко прозвучал ее собственный голос. У Тмиллы, погруженной воспоминания о детстве, был такой непривычно-нежный, ностальгический вид, что девушке стало стыдно за свое раздражение.

– Ну, немного ты ее чувствуешь, – ведьма лукаво подмигнула Нэи, будто не заметив ее тона. – А учительница говорила, что даже незначительную способность можно развить, если очень постараться. Великим мастером, конечно, не станешь, но... Я тебе как-нибудь покажу. Все же хорошо, что я не одна иду к Маяку. А! Надо срочно обговорить путешествие! – спохватилась девушка и быстрым движением поднялась с пола, прижимая к груди шкатулку.

– Пойдем, пойдем! Оставь пока свое прошлое, оно не убежит, ведь я не собираюсь тебя обращать, – Тмилла лукаво улыбнулась удивленной Нэи и, подхватив ее под руку, увлекла за собой.

И Нэи подумала, что на ведьму она все-таки похожа, и еще как.

На пыльном столе перед камином Тмилла расстелила заранее принесенную с собой карту Большого материка, и они впятером сгрудились около нее, увлеченно уставившись в путаницу условных обозначений.

– Вот здесь мы находимся, – Тмилла ткнула пальцем куда-то в правый край большого материка. – И вот сюда мы должны попасть.

Во второй раз палец оказался на территории Второго мира, на побережье Пресного моря.

– Здесь есть небольшой мыс, – продолжила ведьма. – Мыс Долгого Пути, так он называется. Туда-то нам и нужно.

– Это ведь Второй мир, – нахмурившись, проговорил Физерд. – Это же Шимы знают, где! Мы будем идти туда годы!

– Для начала, тебя вообще никто не звал, – фыркнула ведьма. – А потом, лично я совсем не такая любительница пеших прогулок, как наш зеленоглазый друг. Попробуем набиться в чью-нибудь повозку или на корабль. Посмотрим. Сперва пешком доберемся до Теваллы – конечно, мелкий городишко, но все же не наше захолустье – а там примкнем к каким-нибудь торговцам. Было бы неплохо найти летучих, тогда все прошло бы как по маслу... Хотя вы здесь все такие избранники живой реки, что неизвестно, смогли бы они вас протащить или нет.

– Летучие? Кто это? – спросила Нэи, которая явно не впервые слышала это слово, но значения его не помнила.

– Недоведьмы и недошаманы, – презрительно проговорил Физерд.

– В общем, да, – кивнула Тмилла. – Они обычно толком не знают ремесла, но зато могут перемещаться по Иному миру и используют это в разных... Э-э-э, запрещенных законом целях. Многие из них контрабандисты.

– Ты предлагаешь нам путешествовать с преступниками? – возмутилась Нэи.

– А мы все, по-твоему, кто? – прищурилась Тмилла. – Брат и сестра с двумя противоположными по стихии знаками одного креста. Охранник-весы, ошивающийся в земляной деревне, обращенный – а на вас у магов зуб уже давно – и ведьма, которая не числится в славных рядах Зодиакального Общества. И это, если не упоминать о том, что у нас знаки зодиака всех возможных стихий.

– Ты не состоишь в Обществе? – весы уставился на нее круглыми глазами-блюдцами.

– Вот еще, – фыркнула ведьма, гордо вздергивая подбородок. – Моя учительница не вступала в Общество, и я не собираюсь. Мы, ведьмы, сами по себе, и всякие порядки этих книжных червей нам не указ!

– Здорово! – восхищенно воскликнул мгновенно оживившийся Аскель. – Нэи, мы должны также протестовать! Они нам не указ!

– Мгм, – сказала Нэи, которую подобные идеи совсем не вдохновляли.

Слова Тмиллы ей тоже категорически не понравились: чем больше среди них преступников, тем больше вероятность, что их заметят.

– Никогда не поздно отказаться, – заметила ведьма, бросив взгляд на ее взволнованное лицо.

– Нам некуда давать задний ход, – покачала головой Нэи и грустно улыбнулась.

– Отлично, – сказала ведьма. – У кого-нибудь есть еще вопросы?

– Да, – проговорил Осколок Тьмы. – Я могу верить, что ты не бросишь нас всех на полдороги?

– Нет. Я намерена дойти до Маяка, потому что моя учительница туда отправилась, – сказала ведьма. – Но это не значит, что в пути не может произойти чего-нибудь такого, что заставит меня повернуть домой. Никто из нас не может быть уверен ни в чем. Возможно, каждому из нас придется завершать путешествие в одиночестве. Будьте готовы к этому, если не хотите вечно мотаться за мной и друг за другом по всему Большому материку.

Обращенный кивнул. Нэи вздохнула, ощущая нервную дрожь, пробежавшую по всему телу: слова Тмиллы пугали ее. Но, по крайней мере, это была правда. Вроде бы. И все же что-то было не так в этих словах.

– Получается, никто ни от кого не зависит и все заранее готовы идти в одиночку? – уточнила Нэи.

– Ну да, – Тмилла пожала плечами.

– Если б это и впрямь было так, – продолжила девушка, – разве мы бы все стояли здесь?

– Лично я была готова идти одна, – упрямо, с нажимом сказала ведьма, разом становясь похожей на Аскеля в худшие моменты их ссор. – Ясно?

– Ладно, – Нэи пожала плечами.

Они говорили еще некоторое время, и Физерд задал достаточное количество практических вопросов. Они решили, что отправятся через сутки, на рассвете, и что следующий день весь посвящен будет сборам. Они обсудили, как будут останавливаться в больших городах и есть ли какие-то возможности скрыть знаки зодиака, и ведьма сказала, что может подыскать парочку заклятий.

Пока они возвращались в Лавочку, Нэи думала. Правда была в том, что никто из них не был готов идти куда-то в одиночестве. Ни Физерд, который сбежал от Олекайна только тогда, когда они трое ушли от него, ни Осколок Тьмы, который почему-то ждет их, хотя у него критически мало времени, ни сама Нэи. И Тмилла тоже не готова, потому что иначе зачем она разрешила им четверым остаться, хотя не была обязана? Ей было бы проще идти одной: вряд ли кто-то отважится напасть на ведьму, а если и найдется подобный безумец, он тут же об этом пожалует. Вдобавок, одному преступнику легче скрыться, чем пятерым.

Песнь памяти: часть третья

Следующий день начался странно. Нэи проснулась с утра от того, что Тмилла изгоняла из Лавочки мелкого злопаконого духа, шумиху, громко гремя при этом всем подряд. Снаружи было пасмурно и холодно, и сосны тревожно стонали, сгибаемые порывами одного из тех ветров, которые предшествуют ураганам и смерчам. Нэи видела смерчи много раз: в приморском городке это были далекие призрачные воронки, похожие на джиннов, крутящихся на горизонте, опасные разве что для кораблей, а здесь, в лесах, они казались свирепыми чудовищами, нещадно грызущими и ломающими деревья, оставляющими после себя уродливые непролазные буреломы.

А потом начало происходить что-то. Никто не мог точно это объяснить, потому что такие события обычно происходят в глубокие лунные ночи, полные ветра и острых звезд, или осенними вечерами, полными теней и хруста осенних листьев, который звучит как чьи-то шаги даже если поблизости никого нет. Словом, как правило подобное происходит в иное, более таинственное время суток, но никак не серым, пасмурным – пусть и ветреным – днем.

Сперва улетели элги, что сопровождалось паникой местных жителей. Эти птицы не были хоть сколько-то опасны, и вся их ценность в качестве защитников деревни заключалась лишь в их способности отнимать еду у всякого пришедшего, однако все так привыкли к ним. Люди земляных деревень не терпели измен обычаям и привычкам. Так писали в "Гороскопах", и это ничуть не противоречило истине (разве что, следовало прибавить, что это свойственно жителям деревень в принципе). Поэтому исчезновение давно знакомой детали привело местных в состояние паники. На то место, где больше не было элгов, выдвигались целые делегации людей, неспособных поверить в случившееся. Новость звенела и множилась подобно звуку, заключенному в гигантском зале.

К Тмилле приходили толпы посетителей, и ей с трудом удавалось успокоить жителей деревни, хотя и сама она волновалась не на шутку. Тем не менее, исчезновение элгов лишь предвещало то, что последовало за этим.

Толпы печальных призрачных силуэтов шли через поля и, медленно продвигаясь, один за другим ступали на деревенские улицы. Духи были маленькие, белые и печальные, кутающиеся в просторные балахоны. Все до одного дети Иного мира бормотали что-то на неизвестном Нэи языке. Очень скоро они наводнили улицы.

– Шимы! – со смесью страха и восторга вопил Аскель, прижавшись носом к окну и внимательно следя за проплывающими мимо существами. – Никогда в своей жизни такого не видел!

– Аскель, отойди от окна! – закричала Нэи, увидев, как один из призраков прижимается лицом к стеклу напротив лица ее брата.

Она точно не знала, опасно это или нет, но осторожность еще никому не мешала.

– Это уж точно не шимы, – поморщилась Тмилла.

– Может, банши? – предположила Нэи, которая читала о них в "Правде знакомой лжи". – Говорят, они выглядят странно. Правда, эти, кажется, не плачут... Они опасны?

Ведьма покачала головой.

– Скорее всего, это просто духи-посланники. Они не могут причинить вред, если ты их не трогаешь.

У Нэи при последних словах немного отлегло от сердца.

– Мне нужно успокоить людей, – взволнованно продолжила ведьма. – Вы должны пойти со мной.

– Мы не должны, – возмутилась Нэи, которой совсем не хотелось выходить к духам и возмущенным горожанам. – Зачем? От нас не будет никакой помощи.

– Да, но, если что-то случится, вы будете рядом, и я смогу вас защитить.

– Здорово, – протянул Аскель. – Непонятные существа, неизвестно, опасные или нет...

Ну, хотя бы будет, что вспомнить!

С этими словами он первым кинулся к входной двери.

Они втроем вышли на крыльцо, возле которого уже скопилась толпа испуганных людей, жаждущих объяснений.

– Что происходит? – подобный вопль, казалось, висел над этим местом, воплощая в себе все прочие вопросы, которые пытались задать Тмилле жители земляной деревни.

– Они не причинят вам вреда, – закричала ведьма так, чтобы все ее услышали. – Эти дети Иного мира что-то ищут, но они не опасны.

– Что они ищут? – нахмурившись спросил низкий, чернобородый мужчина крайне недружелюбного вида. – Я староста, и я должен знать.

– Я не знаю, – ответила Тмилла. – Я должна поговорить с ними, чтобы выяснить это. Будет лучше, если все разберутся по домам и займутся своими делами.

Хмурого мужчину подобный ответ явно не воодушевил.

– Я староста, и я решаю, что для нас лучше, девчонка! – заорал он. – И я должен знать, зачем эта нежить сюда пришла! Раскомандовалась! Только сопли за ней подтирать перестали, а уже туда же – руководить!

Тмилла вспыхнула, по ее бледному веснушчатому лицу поползли красноватые пятна. Нэи увидела, как ее начинает потряхивать, не то от гнева, не то просто от напряжения.

– Я сказала, что поговорю с ними! – крикнула она в ответ. – Я сделаю так, чтоб они ушли! А если нет, то скоро явятся маги Общества и сделают это!

– Да что ты... – начал было вновь орать мужчина, но быстро осекся. – Маги?

Вокруг крыльца Лавочки воцарилась тишина, нарушаемая лишь бормотанием проплывающих мимо духов.

– Но как же ты, Тмилла? – крикнул кто-то из толпы.

– Верно, – староста уставился на ведьму из-под черных бровей, похожих на две растрепанные грозовые тучи, правда, очень маленькие. – Все знают, что ты не состоишь в Зодиакальном Обществе.

– Мне... – голос ведьмы дрогнул, но она видимым усилием заставила себя продолжить, оглядев взволнованных людей. – Мне придется скоро покинуть деревню. До прихода магов.

– И что, мы останемся совсем без ведьмы? – возмущенно закричал кто-то.

– Не вздумай! Мы тебя перед магами защитим, – нахмурившись пуще прежнего, сказал староста.

– Это не из-за них. Я должна найти Граноенмару, – покачала головой Тмилла. – Я еще не совсем ведьма. У меня нет шляпы. Я должна отправиться в путь, чтобы потом вернуться сюда настоящей ведьмой.

– И чего она выживает? – шепнул Нэи Аскель. – По-моему более настоящей ведьмы и так трудно найти.

– Это все их странные ритуалы, – пожалала плечами девушка, которая всегда старалась с уважением относиться к разнообразным обычаям.

По правде сказать, у нее это выходило далеко не всегда.

Жители деревни были по большому счету солидарны с Аскемем и тоже никак не могли понять, зачем единственной в их деревне ведьме куда-то уходить. Казалось, духов больше не существовало: все были до того заняты этой новостью, что совсем перестали их замечать. И все же, жители земляных деревень чтили обычаи, и куда более успешно, чем Нэи – в отличие от нее, у них для этого было предписание "Гороскопов" и долгие годы попыток соответствия оному. Потому в итоге староста, сурово нахмурившись, кивнул:

– Значит, так тому и быть. Все слышали? Расходимся по домам и занимаемся своими делами! Ведьма поговорит с нежитью!

Столпившийся у Лавочки народ стал неуверенно расходиться. Когда последние, самые любопытные, покинули пространство возле Тмиллиного крыльца, ведьма облегченно вздохнула.

– Что ж, самое сложное позади: с людьми я договорилась, – сказала она. – Осталось договориться с духами, но это должно быть попроще.

Ничего особенного она и в самом деле не делала, по крайней мере, поначалу. Тмилла просто перегородила дорогу первому попавшемуся духу и как можно вежливее спросила: "Ну, и что вам тут – чтоб шимы вас погрызли – нужно?"

Существо обратило на нее внимательный серебристый взгляд и пробормотало что-то на неизвестном Нэи языке. Быть, может, это был язык Четвертого мира, который она никогда не знала, или и вовсе язык Третьего мира – давно исчезнувшего государства.

– Я тебя не понимаю, – честно сказала Тмилла.

Нэи показалось, что существо устало вздохнуло. Чуть поколебавшись, дух протянул мерцающую лапку к ведьме и та, наклонившись, протянула руку в ответ, так, что их пальцы соприкоснулись. В воздух взвился фонтанчик белых искр, и Тмилла отдернула руку. Нэи удивленно взирала на то действие, пытаясь догадаться, что бы это все могло значить.

– Ее здесь нет, – сказала Тмилла.

Дух покачал головой и вновь выжидающе уставился на ведьму.

– Что они хотят? – спросила Нэи, поспешно спускаясь по ступеням вниз.

Аскель птицей слетел вслед за ней, восторженно созерцая происходящее. Его круглые голубые глаза сверкали, как две звезды.

– Они ищут Душу Мира, – пожал плечами ведьма. – Уверены, что это где-то поблизости. Не знаю, чем эти странные ребята руководствуются, может, тем, что маги тоже ищут здесь... Я им говорю, что нет здесь ничего, но они не верят.

– Почему бы им тоже не пойти к Маяку? – сказала вдруг девушка, сама удивившись тому, до чего странная мысль пришла ей в голову.

– К Маяку? – фыркнула Тмилла. – Да на что им...

Однако духа предложение заинтересовало, существо слабо колыхнулось и подобралось поближе к Нэи, протягивая к ней лапки.

– Что мне делать? – в панике спросила девушка, пятясь назад. – Я не уверена, что мне хочется с ним дружить!

Дух продолжал спокойно подбираться к ней, безо всякой спешки или волнения.

– Дружить! – Тмилла нервно хихикнула. – Придумала! Навряд ли духи знают такое слово. Просто дотронься до его руки. Это не опасно.

Нэи взглянула в холодные серебристые глаза существа и покорно прижала свою ладонь к маленькой ладошке духа. Ее пальцы знакомо закололо, чуть сильнее, чем в Старой Лавочке, а перед глазами поплыли слабые, едва заметные образы. Она увидела сначала огромный замок, мрачно-красивый, весь в горгульях и острых шпилях, потом высокий скалистый морской берег и совсем слабо – призрачную белую тень Маяка на берегу. Она каким-то образом понимала, что дух хочет знать, не знакомы ли ей обитатели замка, и хочет спросить, этот ли Маяк она имела в виду.

– Я никогда не видела ничего подобного, – сказала девушка. – Никаких замков. А Маяк я тоже никогда не видела, но он похож на тот, что нужно.

Дух приподнялся на цыпочки и провел лапкой по ее лицу, всколыхнув волосы, и Нэи вдруг на одно мгновение почувствовала, что ей необыкновенно светло и легко, будто кто-то взял фонарь и осветил саму ее душу.

А потом существо уплыло, и другие духи вереницей потянулись вслед за ним: очевидно они обладали каким-то видом коллективного разума. Ну, или просто стадным чувством. Нэи смотрела вслед духу с самым дурацким видом, по инерции продолжая мечтательно улыбаться, хотя ощущение легкости и света уже прошло.

– Эй, – Тмилла помахала рукой перед ее глазами.

– Нэи, с тобой все хорошо? – взволнованно спросил Аскель. – Если ты сойдешь с ума, я не переживу!

– Со мной все в порядке, – поспешно сказала девушка. – Что это было?

– Ну, судя по твоему счастливому виду, дух тебя поблагодарил, – сказала Тмилла. – А вообще, это был язык Иного мира. Для духов не существует речи: там все – одни сплошные образы и чувства.

– Ты была в Ином мире? – спросила Нэи.

– Пришлось, – ведьма пожала плечами. – Это вроде как входит в курс обучения.

– И как? – глаза Аскеля вспыхнули жадным любопытством.

– Как сон, – просто ответила Тмилла.

– Также чудесно?

– Нет. Также непонятно и переменчиво.

Следующим утром они вчетвером стояли возле Старой Лавочки. Нэи мерзла, Аскель сонно зевал, Осколок Тьмы и Физерд – недоуменно переглядывались. Нэи думала, что Тмилла начнет делать какие-то жесты руками или бормотать заклинания, но ничего подобного не случилось. Они поняли, что что-то происходит, когда в воздухе, помимо запаха дождя и горьковатого запаха осенних листьев, появился отчетливый запах гари. Пламя медленно поднималось по ступеням и расплзлось по веранде, отсвечивая то голубоватым, то зеленоватым, захватывая все большую площадь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.